

СТИХОТВОРЕНІЯ Александра Пушкина.

Подъ редакціей, со вступительной статьей и
примѣчаніями М. Л. Гофмана.

ЧЕРНИГОВЪ.

Типографія Полиграфическаго Отдѣла
Черниговскаго Губсовнархоза.

1919.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Александра Пушкина.

Черниговъ.
1919.

А. С. Пушкинъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, предвидя ея близкій приходъ, Пушкинъ оглянулся на весь пройденный имъ великій творческій путь и подвелъ итоги своей поэтической дѣятельности въ безсмертныхъ строфахъ:

Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! Весь я не умру! Душа вѣ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ шитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикой
Туягузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ...

IV

Отвѣчая на вопросы: чѣмъ великъ Пушкинъ? что принесъ міру и народу бессмертный геній Пушкина?—нельзя вычеркнуть ни одного слова въ этой самооцѣнкѣ великаго поэта.

Пушкинъ, по выраженію одного критика, „наше все“: наше прошлое, настоящее и будущее, наша національная гордость и святыня, нашъ создатель литературы, наше лучшее, совершенное и бесконечно богатое, разнообразное выраженіе народной сущности, народнаго духа и народной жизни. Переведенный на всѣ европейскіе и неевропейскіе языки, *) Пушкинъ—и вмѣстѣ съ нимъ русская литература—своимъ великимъ общечеловѣческимъ поэтическимъ содержаніемъ,—вошелъ въ семью міровыхъ бессмертныхъ именъ, создателей культуры, и пока будетъ живъ хоть одинъ поэтъ,—слава Пушкинъ не умолкнетъ, имя его не перестанетъ повторяться, каждое поколѣніе будетъ находить въ его вѣчно живой поэзіи новую красоту, новую глубину, новое значеніе. Такъ богата поэзія Пушкина, что только съ теченіемъ времени раскроется въполнѣ ея содержаніе и значеніе.

Александрійскій столпъ—памятникъ царю Александру I въ Петербургѣ—давно уже не будитъ никакихъ чувствъ, и невольно забывается, кому сооруженъ этотъ рукотворный памятникъ,—„нерукотворный“ памятникъ его „непокорнаго“ подданнаго вознесся высоко, и всеуничтожающее время не можетъ его кос-

*) Пушкинъ переведенъ болѣе, чѣмъ на 100 языковъ и нарѣчій.

нуться, и къ нему не заростетъ народная тропа. Не заростетъ народная тропа къ великому народному поэту. Пушкинъ—носитель и выразитель богатства народной души и великій міровой поэтъ—народенъ не только потому, что въ своемъ творчествѣ близко подошелъ къ народному творчеству и создалъ такія сказки и пѣсни, которыя трудно отличить отъ созданій безымянныхъ народныхъ массъ, и которыя прибавляютъ новое къ тому, что уже создалъ творческій геній народа.

Пушкинъ народенъ не только потому, что понималъ языкъ русской природы, понималъ душу русской природы и рисовалъ въ своихъ гармоническихъ стихахъ простые, незатѣйливые пейзажи русской природы.

Пушкинъ народенъ не только потому, что подошелъ близко къ быту, къ жизни и интересамъ широкихъ народныхъ массъ и передалъ этотъ бытъ. Пушкинъ народенъ и потому, что онъ постигъ душу народную во всѣхъ ея проявленіяхъ, Пушкинъ народенъ въ высшемъ смыслѣ этого слова: онъ лучшій сынъ русскаго народа, и творчество его принадлежитъ къ высшимъ достиженіямъ, къ вершинамъ народнаго духа. Въ этомъ смыслѣ слова Пушкинъ одинаково народенъ и въ „Сказкѣ о рыбацѣ и рыбкѣ“, и въ „Утопленникѣ“ и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Достоевскій видѣлъ высшую, пророческую народность Пушкина въ его свойствѣ проникать въ сущность не только русской души и русской жизни, но и въ душу и жизнь другихъ народовъ и воссоздавать испанскую, англійскую, итальянскую жизнь такъ же полно и вѣрно, такъ истинно-художественно, какъ будто онъ былъ

VI

испанцемъ, англичаниномъ, итальянцемъ *) (въ этой способности какъ бы перевоплощаться въ чужую народность Достоевскій видѣлъ особенность русскаго народа, которому суждено примирить народы).

Произведенія Пушкина безконечно разнообразны, и они представляютъ живую и яркую лѣтопись не только современной ему русской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ и всѣхъ слояхъ, но и возсоздаютъ картины, быть и душу отошедшаго въ прошлое XVIII вѣка; и въ то же время произведенія Пушкина рисуютъ жизнь и передаютъ легенды другихъ народовъ и другихъ временъ. Во всеобъемлющемъ и мудрому творчествѣ поэта-мудреца надо на первое мѣсто поставить общечеловѣчность или, вѣрнѣе, *человѣчность* его поэзіи, пробужденіе лирою добрыхъ чувствъ. Эта необыкновенная человѣчность проявляется во всемъ его творчествѣ: и тогда, когда онъ славить свободу и желаетъ видѣть „народъ неугнетенный“ и паденіе рабства, сковывающаго духовныя силы народа, и тогда, когда онъ рисуетъ крестьянина съ гробикомъ подмышкой, и тогда, когда призываетъ милость къ падшимъ, и тогда, когда шлетъ слово утѣшенія въ глубину подземныхъ рудъ, и тогда, когда рисуетъ забитаго и обиженнаго жизнью станціоннаго зрителя и несчастнаго Евгенія (въ „Мѣдномъ Всадникѣ“), и тогда, когда вмѣстѣ съ своей печальной Таней слезы льетъ (въ „Евгеніи Онегинѣ“) и защищаетъ отъ злословья Евгенія Онегина, и тогда, когда желаетъ лю-

*) Замѣтимъ, что Пушкинъ никогда не выѣзжалъ за предѣлы Россіи.

бимой имъ женщинѣ быть такъ любимой другимъ....: этой высшею, необыкновенною человѣчностью озарено и ссгрѣто все творчество Пушкина, легко находящее себѣ дорогу къ человѣческому сердцу. Пушкинъ—поэтъ мудрецъ: онъ знаетъ страданія и сомнѣнія человѣческой души, духъ отрицанія и сомнѣнія—Демонъ посѣщалъ его и шепталъ ему свои язвительныя рѣчи, но онъ преодолѣлъ этого демона и благословилъ жизнь съ ея радостями и страданіями, понявъ высшую цѣль жизни—въ самой жизни, въ ея высшемъ законѣ:

Все благо: бдѣнія и сна

Приходитъ часъ опредѣленный.

Благословенъ и день заботъ,

Благословенъ и тьмы приходъ.

И поэтъ хочетъ жить, чтобъ „мыслить и страдать“, и потому, несмотря на все зло и страданія жизни, бодро восклицаетъ:

Какъ эта лампада блѣднѣетъ

Предъ яснымъ восходомъ зари,

Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ

Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.

Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

И безсмертна человѣчная поэзія Пушкина, озаренная солнцемъ и красотою—божественнымъ даромъ, творческимъ геніемъ.

Велико значительно всеобъемлющее содержаніе поэзіи Пушкина, пробуждающей „добрыя чувства“, но не менѣе значительно и то, что Пушкинъ пробуждаетъ эти чувства „лирой“, поэзіей, прекрасными звуками и прекрасными образами, единой нераздѣльной поэзіей,

VIII

въ которой гармонически слито и неотдѣлимо одно отъ другого—прекрасная, совершенная, богатая форма и значительное, богатое содержаніе, составляющія плодъ поэтическаго творчества. Съ негодованіемъ отвергалъ Пушкинъ всякую мысль о возможности подчиненія поэзіи какимъ-нибудь временнымъ цѣлямъ жизни, учительство, замѣну лиры метлой и защищалъ полную свободу и независимость поэзіи. И недаромъ поэтъ колебался въ своемъ памятникѣ и написалъ сперва:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,

Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ.

Пушкинъ—поэтъ-мудрецъ, поэзія его пробуждаетъ чувства добрыя, но онъ прежде всего поэтъ, и пробужденіе добрыхъ чувствъ—свойство истинной поэзіи, лиры.

И сейчасъ—черезъ 120 лѣтъ послѣ рожденія поэта—стихъ Пушкина сохранилъ свою неувядаемую, вѣчно живую и вѣчно свѣжую красоту, и эта красота такова, что съ ней никого и ничего нельзя сравнивать, и она не можетъ не увлекать въ поэтическій міръ Пушкина. А между тѣмъ въ стихъ Пушкина нѣтъ изысканности, и, какъ все великое, онъ легокъ и простъ. Прекрасна и совершенна гармоническая форма поэзіи Пушкина, и прекрасна тѣмъ, что въ ней не видно усилій: какъ будто божественный даръ свыше, легко и просто далась она поэту, *) . но эта

*) А между тѣмъ Пушкинъ много работалъ надъ своей формой: доказательствомъ этого служатъ его черновыя тетради, въ которыхъ онъ добивался большаго, возможнаго совершенства.

простота божественна и *необычайна*, ее нельзя поддѣлать, и она посейчасъ сверкаетъ и блеститъ и чаруетъ слухъ и душу.

Лира Пушкина, изумившая его современниковъ, вдохнула жизнь въ русскую литературу и создала цѣлую группу, плеяду поэтовъ, находившихся въ той или иной зависимости отъ поэтического генія Пушкина, и поэзія пушкинской эпохи составила одну изъ самыхъ прекрасныхъ и содержательныхъ страницъ въ исторіи русской поэзіи. Этимъ однако не ограничивается значеніе Пушкина—совершеннѣйшаго выразителя прошлаго—XVIII вѣка, завершителя лучшихъ стремленій и поэтическаго пути XVIII вѣка, лучшаго выразителя думъ и литературныхъ исканій своего времени и основателя великой русской литературы, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и съ Пушкина вошедшей въ семью міровыхъ литературъ. Не только современные Пушкину поэты были озарены свѣтомъ его поэзіи и находились отъ него въ той или иной зависимости,—всѣ послѣдующіе писатели воспитались на его поэзіи, вся послѣдующая русская литература представляетъ развитіе того, что было заключено въ поэзіи Пушкина. Въ немногихъ словахъ невозможно прослѣдить это большое образующее значеніе творческой дѣятельности Пушкина, и мы приведемъ только нѣсколько случайныхъ примѣровъ, поясняющихъ сказанное нами.

Творчество безвременно ушедшаго изъ жизни (27 лѣтъ), не успѣвшаго развить и передать намъ свой геній Лермонтова началось съ подражанія, съ копированія Байрона и Пушкина; на Пушкинѣ учился

Х

Лермонтовъ писать стихи, и въ 1837 году написалъ уже сильное стихотвореніе, богатое поэтическими достоинствами: съ этого года начинается самостоятельное, смѣлое творчество Лермонтова. И это стихотвореніе—„На смерть поэта“, на смерть Пушкина... Еще большее вліяніе имѣлъ Пушкинъ на основателя русской повѣсти и разсказа (ядро которыхъ было заключено въ пушкинскихъ „Повѣстьяхъ Бѣлкина“) — Гоголя. Гоголь познакомился съ Пушкинымъ въ то время, когда готовъ былъ перестать писать, когда перо вывалилось изъ его рукъ и не могло писать смѣшныхъ разсказовъ при страшной душевной пустынѣ — меланхоліи, покорявшей себѣ Гоголя. Пушкинъ, по словамъ Гоголя, заставилъ его взглянуть на дѣло серьезно, сразу угадалъ особенности таланта Гоголя и въ весельчакѣ, кажимъ казался Гоголь всѣмъ читателямъ, увидѣлъ великаго меланхолика. „Обо мнѣ много толковали, говоритъ Гоголь, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ всегда говорилъ, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей“. И Пушкинъ не только подсказалъ своими повѣстями путь Гоголю, не только опредѣлилъ его талантъ, но и взялъ съ него клятву писать, поддерживалъ въ немъ бод-

рость, руководилъ чтеніемъ Гоголя, далъ, наконецъ ему сюжеты для двухъ безсмертныхъ произведеній Гоголя: „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“, поэмы, въ которой онъ побуждалъ Гоголя „изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ“. Вѣсть о смерти Пушкина застала Гоголя въ Римѣ и произвела на него поистиннѣ ужасное впечатлѣніе. „Никакой вѣсти хуже нельзя было получить изъ Россіи“—писалъ Гоголь: „Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его предъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы... Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданье... *) я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался я за перо—перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска“! Тяжкое впечатлѣніе произвела смерть Пушкина и на молодого, зачитывавшагося Пушкинымъ 16-ти лѣтняго юношу—будущаго создателя психологическаго романа—Достоевскаго, перенесшаго незадолго до того тяжелую утрату матери; Достоевскій писалъ, что онъ просилъ бы у

*) Неоконченная повѣсть Гоголя „Мертвыя души“ (послѣ смерти Пушкина еще болѣе усиливаются муки не только Гоголя-человѣка, но и Гоголя-художника, и несомнѣнно, что смерть Пушкина, отсутствіе руководителя въ литературѣ повліяли на ускореніе развязки душевной драмы Гоголя).

ХП

отца разрѣшенія носить трауръ по Пушкину, если бы уже ни носилъ траура по матери—утрата матери не заслоняла для Достоевскаго всей тяжести утраты Пушкина, его кумира. При открытіи памятника Пушкину Достоевскій сдѣлалъ м. б. лучшую оцѣнку его поэтической дѣятельности, и на этомъ пушкинскомъ праздникѣ примирились враждовавшіе между собою писатели—Тургеневъ и Достоевскій,—враговъ соединила одна глубокая любовь къ Пушкину...

Скупой на благопріятную оцѣнку русской художественной литературы, Л. Н. Толстой, авторъ „Войны и мира“, высоко ставилъ „Капитанскую Дочку“—повѣсть о войнѣ и мирѣ...

Мы не говоримъ о русскихъ критикахъ—о Бѣлинскомъ и Аполлонѣ Григорьевѣ и о томъ, какъ они оцѣнивали поэзію Пушкина (выраженіе „Пушкинъ—наше все“ принадлежитъ Ап. Григорьеву); мы не говоримъ также о томъ, какъ на стихахъ Пушкина воспитались всѣ поэты ХІХ вѣка—Огаревъ, Майковъ, Полонскій, Фетъ, Толстой... не говоримъ потому, что намъ пришлось бы выйти далеко за предѣлы краткаго очерка.

Въ заключеніе отмѣтимъ только одно явленіе: каждое направленіе въ русской поэзіи неизмѣнно связываетъ себя съ именемъ Пушкина, и въ этомъ отношеніи не предоставляетъ исключенія поэзія символистовъ нашихъ дней, ведущая свое происхожденіе отъ Пушкина, черезъ Боратынскаго, Тютчева, Фета, Влад. Соловьева...

Никогда не умолкнетъ имя Пушкина и будетъ передаваться изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе—до тѣхъ поръ, пока „въ подлунномъ мірѣ Живъ будетъ хоть одинъ пійтъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 26 мая 1799 года. Онъ принадлежалъ къ историческимъ семьямъ Пушкиныхъ, имена которыхъ появляются въ русской исторіи съ XIII вѣка, и Ганнибаловъ, появившихся въ Россіи съ начала XVIII вѣка: прадѣдъ Пушкина—любимый арапъ Петра Великаго—долженъ былъ оставить знойную Африку для холодной Россіи.

Родители поэта—мелочно-расчетливый, но житейски непрacticескій, слабовольный и безхарактерный, но безусловный литературно одаренный, жесткій къ дѣтямъ, но чувствительный, сентиментальный и блестяще остроумный, прекрасно образованный Сергѣй Львовичъ, и блестящая креолка, Надежда Осиповна, занятая своими успѣхами въ обществѣ,—мало заботились о томъ, какъ росли ихъ дѣти и сдавали ихъ исключительно на попеченіе бабушки (Маріи Алексѣевны Ганцибиль), няни (Арины Родіоновны) и французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ.

Если воспитательное вліяніе бабушки и няни, умѣвшихъ вызвать въ гениальномъ ребенкѣ любовь къ себѣ, было несомнѣнно положительнымъ; если бабушка и няня питали поэтическую фантазію ребенка образами русской сказки и русской пѣсни и оставили по себѣ сердечную память въ Пушкинѣ, то на всю жизнь оста-

XIV

лись для поэта тяжелыя воспоминанія о томъ, какъ уродовали дѣтскую душу французскіе гувернеры и гувернантки.

Непривѣтливо и сурово обращались гувернеры съ замыкавшимся въ себя, неповоротливымъ и казавшимся въ это время неразвитымъ ребенкомъ-поэтомъ, издѣваясь надъ его стихотворными попытками и съ совершеннымъ безразличіемъ относясь къ его внутреннему дѣтскому мірку.

У отца поэта была богатая французская библіотека, и ни родители, ни гувернеры не ставили мальчику никакихъ препятствій для безконтрольнаго пользованія ею: родителямъ было некогда и не до того, чтобы руководить чтеніемъ дѣтей, а гувернеры можетъ быть и сами не обладали для этого достаточными данными. И мальчикъ жадно читалъ французскихъ писателей XVII и XVIII вѣка и ненормально скоро развивался: рано развивался его умъ, рано развивалось чувство и чувственность (которую питала легкая французская поэзія, излюбленная его отцомъ). Рано пробуждается въ Пушкинѣ и поэтический талантъ и стремленіе писать стихи—этому стремленію способствовали какъ книги, которыми онъ зачитывался, такъ—и м. б. еще въ большей степени—извѣстные русскіе писатели того времени, навѣщавшіе домъ Пушкиныхъ.

Въ 1811 году двѣнадцатилѣтній Пушкинъ былъ отведенъ въ Петербургъ и отданъ въ Царскосельскій Лицей, открытіе котораго состоялось 19 октября 1811 г. Въмѣстѣ съ Пушкинымъ были приняты 29 мальчиковъ (вскорѣ изъ нихъ осталось 28), принадлежавшихъ къ

знатнымъ русскимъ фамиліямъ и составившимъ одну дружную семью, жившую въ теченіе шести лѣтъ одними общими интересами и отрѣзанную отъ всего міра—

Весь міръ для насъ—далекая чужбина,
Отечество намъ—Царское село.

Яркія способности Пушкина въ полной мѣрѣ проявились въ Лицеѣ, несмотря на то, что онъ учился въ общемъ плохо, выдѣляясь своими познаніями только въ литературѣ. Поэтъ все схватывалъ на лету, и воспитателямъ его приходилось жаловаться на крайнюю неусидчивость его и на шалости, однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ которыхъ онъ постоянно бывалъ. Мало прилежный и усидчивый въ учебныхъ занятіяхъ, Пушкинъ былъ очень усидчивымъ въ своихъ занятіяхъ поэзіей. Послѣднему—увлеченію поэзіей—какъ нельзя болѣе олагопріятствовала лицейская обстановка, воспитавшая вмѣстѣ съ Пушкинымъ нѣсколькихъ поэтовъ. Лицейсты издавали нѣсколько рукописныхъ журналовъ, въ которыхъ состязались между собою въ писаніи стиховъ (слѣдуетъ отмѣтить, что въ передовой части русскаго общества въ то время было сильно увлеченіе поэзіей подъ вліяніемъ успѣховъ русской поэзіи, сдѣланныхъ ею на порогѣ XIX вѣка). Нѣкоторые поэты-юноши настолько выдѣлились, что произведенія ихъ уже начали появляться и въ печати, въ настоящихъ журналахъ (съ 1814 года; въ этомъ году было напечатано, м. п., посланіе Пушкина въ „Вѣстникъ Европы“—самомъ распространенномъ журналѣ, основанномъ Н. М. Карамзинымъ).

XVI

Впослѣдствіи Пушкинъ очень строго отнесся къ своимъ т. н. лицейскимъ стихотвореніямъ, но они намъ дороги не только какъ первые шаги поэзіи Пушкина—по нимъ можно прослѣдить, какъ воспитывался гений поэта, какую большую школу проходилъ онъ прежде, чѣмъ стать истинно-самобытнымъ и великимъ поэтомъ. Въ лицейскіе годы Пушкинъ усваиваетъ все, что было сдѣлано до него въ русской и французской поэзіи: стихи его подражательны (онъ подражаетъ Жуковскому, Батюшкову, В. Л. Пушкину, Парни, Шолье...), и въ этомъ ихъ великое значеніе. Пушкинъ учится для того, чтобы, усвоивъ все, стать самостоятельнымъ. Съ внѣшней стороны его стихи ничѣмъ не отличаются отъ современной ему поэзіи (техника его ниже техники Батюшкова и мало чѣмъ отличается отъ Дельвига), и только поэтический огонь выдаетъ гениальнаго поэта.

По мѣрѣ того, какъ выросталъ въ Лицеѣ Пушкинъ, расширялся и кругъ его друзей: къ товарищамъ проказъ и товарищамъ поэтамъ прибавились старшіе друзья—поэты, а за тѣмъ и молодые офицеры—передовая вольнолюбивая молодежь. Изъ числа послѣдней особенно большое вліяніе на Пушкина имѣлъ П. Я. Чаадаевъ, бесѣды котораго способствовали и общему развитію Пушкина и выработкѣ его политическихъ свободолюбивыхъ взглядовъ.

Политическіе взгляды Пушкина претерпѣвали измѣненія въ теченіе его жизни въ зависимости отъ различныхъ условій, но основа ихъ оставалась постоянно одна и та же. И это основное въ свободолюбивыхъ

взглядахъ Пушкина было заложено въ это время и кратко исчерпывается двумя фразами: „Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный“ и „Надъ отечествомъ свободы просвѣщенной взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря“.

Въ 1817 году Пушкинъ покинулъ стѣны Лицея и сталъ жить на свободѣ (онъ былъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ, но служба мало отнимала у него времени), пользуясь всей полнотой жизни и желая взять отъ нея всѣ ея дары.

Неожиданно и тяжело для Пушкина оборвалась эта жизнь въ 1820 году: политическія стихотворенія Пушкина, его въ общемъ умѣренный либерализмъ стали пугать правительство Александра I. Александръ I къ концу своего царствованія сталъ преслѣдовать всякое проявленіе свободной мысли, которую онъ поощрялъ и отчасти вызывалъ въ началѣ царствованія. Только заступничество друзей (такихъ вліятельныхъ, какъ Карамзинъ, Жуковскій, А. И. Тургеневъ и др.) спасло Пушкина отъ суровой кары, и наказаніе было ограничено „переводомъ“ по службѣ на югъ Россіи, въ Екатеринославъ, подъ начальство генерала Инзова.

Эта замаскированная ссылка ожесточила поэта, считавшаго ее незаслуженною. Съ „переводомъ“ въ Екатеринославъ Пушкинъ долженъ былъ проститься не только съ тою петербургскою жизнью, которая его увлекала и втягивала въ свой круговоротъ, но и съ тѣмъ, отъ чего ему труднѣе всего было отрываться—съ друзьями и литературной жизнью. Поэтъ увѣренъ былъ, что, прощаясь съ Петербургомъ, онъ долженъ

ХVIII

былъ прощаться и съ литературной дѣятельностью, и потому особенно тяжело отнесся къ ссылкѣ и былъ близокъ къ совершенному отчаянію, отъ котораго его спасли тѣ же друзья (и въ числѣ ихъ Чаадаевъ). Въ это время поэтъ съ особеннымъ интересомъ и вниманіемъ начинаетъ читать Байрона и въ его сумрачной поэзіи разочарованной и сильной личности находитъ созвучные его душѣ настроенія и мотивы.

Безотрадно начиналась новая жизнь Пушкина, но скоро судьба послала ему не только утѣшеніе, но и радость: черезъ Екатеринославъ проѣзжалъ герой отечественной войны Н. Н. Раевскій съ сыномъ (съ которымъ П. былъ друженъ еще въ Петербургѣ) и двумя дочерьми и—съ разрѣшенія добродушнаго, умнаго и мягкаго генерала Инзова—взялъ съ собою на кавказскія минеральныя воды Пушкина. Три мѣсяца пробылъ поэтъ съ Раевскими на Кавказѣ, послѣ чего съ ними доѣхалъ до Θεодосіи и оттуда моремъ на южный берегъ Крыма въ Гурзуфъ, гдѣ провелъ м. б. счастливѣйшія въ его жизни три недѣли (съ 1 по 21 сентября 1820 г.).

Трудно преувеличить значеніе этого путешествія на душевную жизнь и творчество Пушкина.

„Мой другъ, писалъ поэтъ брату, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского... Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе; горы, сады, море; другъ мой, любимая моя

надежда—увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского“. Путешествіе обогатило творчество Пушкина новыми впечатлѣніями и новыми образами и отразилось на созданіи „Кавказскаго Пѣнника“, „Бахчисарайскаго Фонтана“, „Евгенія Онѣгина“, многихъ лирическихъ стихотвореній... Мятущейся душѣ Пушкина казались въ то время нужны „пустыни, волнъ края жемчужны, и моря шумъ и груды скалъ, и гордой дѣвы идеаль, и безыменныя страданья“—и съ этими требованіями души, жаждавшей всей полноты и красочности жизни, гармонировала кавказская и крымская природа (замѣтимъ, кстати, что трехнедѣльная жизнь въ Гурзуфѣ, въ которомъ было все семейство Раевскихъ, оставило больше слѣдовъ въ творествѣ поэта и воспоминаній въ его душѣ, чѣмъ трехмѣсячное пребываніе на Кавказѣ). Какъ ни были однако значительны впечатлѣнія отъ путешествія, какое большое значеніе для творчества Пушкина ни имѣла новая южная природа, впечатлѣнія отъ людей были гораздо значительнѣе, и эти впечатлѣнія сыграли такую большую роль, которую трудно даже опредѣлить. Семейство Раевскихъ и дружба съ нимъ помирили Пушкина съ самимъ собою и съ жизнью, внесли умиротвореніе въ его душу, смягчили ее; дружба съ Раевскими заставила Пушкина расширить его умственный кругозоръ, еще болѣе заняться образованіемъ и пріучала „удерживать вниманье долгихъ думъ“. А. Н. Раевскій съ его нѣсколько байроническими чертами игралъ для него роль пскусителя-демона и будилъ его мысль, а глубокая любовь къ М. Н. Раевской (впослѣдствіи кн

Волконской, воспѣтой Некрасовымъ въ „Русскихъ женщинахъ“) — стала святыней сердца поэта, которую онъ тщательно оберегалъ отъ всякаго посторонняго взгляда, и которая смягчала его сердце и внушала его музѣ высоко-лирическія вдохновенія. Въ Гурзуфѣ волшебною тоскою стѣснилась пламенная грудь поэта, и можетъ быть не только за всю свою жизнь Пушкинъ не переживалъ болѣе глубокаго и священнаго чувства, но и это чувство осталось на всю жизнь и слилось съ крымскими впечатлѣніями, съ именемъ Маріи — любимой героини Пушкина. Стихи, внушенные М. Н. Раевской, отличаются особенно задумчивымъ и лирическимъ тономъ, и часто по этому тону можно узнать, кѣмъ они вызваны (а также по тому, что П. исключалъ ихъ въ печати). Два года спустя (въ 1822) П. началъ свой первый лирическій романъ „Таврида“, посвященный крымскимъ воспоминаніямъ, семейству Раевскихъ и святынѣ сердца (одна строфа этого прерваннаго романа вошла въ „Евгенія Онѣгина“); въ 1822-1823 году поэтъ пишетъ свой „Бахчисарайскій Фонтанъ“ съ его „стихами сердца“, въ 1824 — „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“, въ которомъ опять вспоминаетъ ту, которой, какъ Божеству, ненужны изліянья земныхъ восторговъ, въ 1828 году — „Полтаву“, которую посвящаетъ М. Н. Раевской (и опять тщательно скрываетъ это, исключая даже намекъ на „хладную пустыню Сибири“, въ которой находилась М. Н. Раевская-Волконская, послѣдовавшая туда за своимъ мужемъ); и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ Пушкинъ вспоминаетъ Крымъ, хижинки татаръ и жаръ, проснувшійся тогда

въ немъ... Раевскіе, б. м., способствовали и тому, что Пушкинъ узналъ и полюбилъ Байрона и сталъ серьезно заниматься англійскимъ языкомъ.

Изъ Гурзуфа Пушкинъ уже не вернулся въ Екатеринославъ, а поѣхалъ въ Кишиневъ, куда былъ переведенъ Инзовъ. Послѣ крымскихъ впечатлѣній Пушкину особенно скучна и непріятна была жизнь въ полудикомъ, пестромъ Кишиневѣ, жизнь, однообразіе которой нарушалось только рѣдкими поѣздками въ Каменку (киевское имѣніе Давыдовыхъ, гдѣ Пушкинъ попадалъ въ общество декабристовъ, къ которымъ онъ былъ въ это время близокъ, и гдѣ онъ увидѣлъ природу и бытъ Украины, отразившіеся впоследствии въ поэмѣ „Полтава“), легкими ухаживаніями за легкими кишиневскими дамами, дуэлями съ молдаванами, да рѣдкими письмами съ далекаго сѣвера. Поэзія, занятія поэзіей и книги спасали Пушкина отъ кишиневской скуки и не позволяли впадать въ отчаяніе и уныніе. Служба не тяготила поэта: онъ принималъ свое жалованье, какъ „ссылный паекъ“, и не служилъ, а Инзовъ не былъ къ нему требователенъ и отечески журилъ его и сажалъ подъ арестъ за его частыя дуэли.

Въ 1822 году П. починаетъ нѣсколько большихъ произведеній, но сейчасъ же обрываетъ ихъ (закончилъ только поэмѣ „Гавриладу“, шутливо-кошунственное, но граціозное и поэтически-остроумное произведеніе, за которое ему пришлось перенести впоследствии немало непріятностей), въ маѣ 1823 года былъ начатъ въ Кишиневѣ самый большой и великій поэтический трудъ жизни Пушкина—романъ „Евгеній Онегинъ“.

XXII

Жизнь въ Кишиневѣ тяготила Пушкина и при первой же возможности—лѣтомъ 1823 года—онъ переезжаетъ въ Одессу, на службу къ намѣстнику края графу М. С. Воронцову. Жизнь свою въ Одессѣ Пушкинъ описалъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, въ главѣ, посвященной описанію путешествія Евгенія Онѣгина: европейскій городъ съ южнымъ солнцемъ, съ моремъ, съ упоительными звуками Россіи въ оперѣ, съ увлеченіями „молодой пегоціанткой“ А. Ризничъ, женой намѣстника Е. К. Воронцовой, иностранкой, съ дружескими пирушками... Но недолго Пушкинъ увлекался одесскою жизнью, въ которой былъ одинъ очень большой недостатокъ, отравлявшій ему жизнь,—и въ черновыхъ рукописяхъ „Онѣгина“ Пушкинъ, находясь въ то время въ Михайловскомъ, выражалъ желаніе поѣхать въ Одессу тогда, когда „вмѣсто графа Воронцова, тамъ будетъ свѣжая вода“. Новый взыскательный начальникъ иначе сталъ смотрѣть на Пушкина, чѣмъ генералъ Инзовъ, и сталъ требовательно относиться къ его службѣ, считая его занятія поэзіей второстепеннымъ дѣломъ и отнюдь не раздѣляя взгляда Пушкина на его содержаніе, какъ на ссыльный паекъ. Быть можетъ, къ этому прибавлялась еще и ревность и недовольство тѣмъ, что поэтъ пользовался милостивымъ вниманіемъ его жены. Какъ бы то ни было, у Пушкина бывали очень часто столкновенія и недоразумѣнія съ графомъ Воронцовымъ; послѣдній очень желалъ отдѣлаться отъ непріятнаго ему и беспокойнаго подчиненнаго поэта и писалъ въ соотвѣтствующемъ тонѣ въ Петербургъ. Перехваченное письмо Пуш-

кина, въ которомъ онъ сообщалъ, что беретъ уроки „чистаго атеизма“, *) послужило послѣднимъ поводомъ для обвиненія Пушкина—и въ результатѣ Пушкинъ былъ сосланъ (на этотъ разъ ссылка не была замаскирована) въ его исконную деревню—въ село Михайловское—безъ права выѣзда оттуда куда бы то ни было. Печаленъ былъ пріѣздъ Пушкина въ Михайловское (9 августа 1824 года), въ которомъ ему суждено было прожить два года. Гонимый несправедливымъ рокомъ, поэтъ оказался въ родной семьѣ, но родные его встрѣтили не радостно—какъ опальнаго поэта, опаснаго человѣка, навлекшаго недовольствіе государя на себя (а м. б. и на семью!) и могущаго развратить своихъ брата и сестру. Пушкинъ былъ взятъ подъ подозрѣніе въ собственной семьѣ, и въ довершеніе всего отецъ его имѣлъ неосторожность, и безтактность принять на себя наблюденіе за поведеніемъ своего сына-поэта. Домашнія недоразумѣнія и непріятности окончились крупной ссорой поэта съ отцомъ, послѣ чего отецъ его вмѣстѣ со всей семьей, уѣхалъ изъ Михайловскаго, оставивъ поэта одного съ няней Ариной Родіоновной. И поэтъ вздохнулъ легче и свободнѣе въ своемъ невольномъ одиночествѣ и провелъ зиму

*) Пушкинъ въ это время много думалъ о философіи, религіи и искусствѣ и писалъ объ „атеизмѣ“—отрицаніи Бога и безсмертія души—такъ: „Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, *къ несчастію*, болѣе всего правдоподобная“. Мятѣжность духа, сомнѣнія, исканія и отрицаніе высшихъ цѣнностей жизни напряженно-остры и безпокойно переживались поэтомъ въ 1822 и 1823 г. г.

изрѣдка навѣщая свою сосѣдку П. А. Осипову-- Вульфъ, съ которой онъ подружился, слушая сказки няни и всѣмъ существомъ уйдя въ большую творческую работу. Сѣйчасъ же, какъ улеглись одесскія и михайловскія бури, поэтъ принялся за прерванный романъ („Евгеній Онѣгинъ“), за поэму „Цыганы“, за „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ и проч. и проч. и бодрый и успокоенный встрѣтилъ новый годъ— 1825 (въ началѣ января его навѣстилъ лицейскій другъ И. И. Пущинъ и принесъ оживленіе и утѣшеніе ему). Въ творчествѣ П. нашель успокоеніе, примиреніе съ жизнью и радость жизни и съ радостнымъ удовлетвореніемъ замѣчалъ, что его „душа раскрылась и онъ можетъ творить“. Отраду находилъ Пушкинъ и въ книгахъ, которыя ему присылалъ братъ и которыя онъ могъ брать изъ богатой и хорошей бібліотеки Вульфовъ *)— Хорошія простыя отношенія установились у Пушкина и съ Тригорскими сосѣдами, семьей, состоящей изъ П. А. Осиповой-Вульфъ, отличной практической хозяйки, умной и образованной женщины, съ сантиментальными вкусами въ литературѣ, нѣсколько разсудочной, но тепло и сердечно относившейся къ поэту, А. Н. Вульфа—студента Дерптскаго Университета, пріятеля Н. М. Языкова, и сестеръ—Анны Никлаевны, ровесницы Пушкина, безнадёжно влюбленной въ него, и Евпраксіи Николаевны (впослѣдствіи баронессы Вревской)—въ то время жи-

*) Эту бібліотеку мнѣ удалось привезти въ Пушкинскій Домъ, гдѣ она и находится настоящее время.

вого, рѣзвого 15-ти лѣтняго подростка. Гостила порою въ Тригорскомъ и племянница П. А.— молодая красивая дама А. П. Кернъ. Пріѣзжалъ въ Тригорское и Н. М. Языковъ, А. А. Дельвигъ, братъ Пушкина—Л. С., и тогда начинала кипѣть молодая жизнь.

Поэтъ много ходилъ пѣшкомъ и скакалъ верхомъ, приглядываясь къ жизни русской деревни и прислушиваясь къ народнымъ пѣснямъ, сказкамъ и поговоркамъ, записывая ихъ и учась у народа живому и богатому русскому языку. А вечерами поэтъ слушалъ сказки няни и пополнялъ недостатки „проклятаго воспитанія“, читалъ и перечитывалъ русскихъ классиковъ XVIII вѣка, историческія сочиненія, житія святыхъ, легенды и лѣтописи, стараясь воскресить языкъ и духъ того времени, проникая въ него. Результатомъ всей этой незамѣтной, м. б., но очень большой работы были: великая русская трагедія 1825 года „Борисъ Годуновъ“, намѣчавшая новые пути въ развитіи русскаго театра (кромѣ того, на „Бориса Годунова“ повлиялъ еще Шекспиръ съ его вольнымъ и свободнымъ развитіемъ характеровъ), проникновеніе въ жизнь и духъ XVIII вѣка, лучшимъ художественнымъ изобразителемъ котораго былъ Пушкинъ (напр., въ неоконченной повѣсти „Арапъ Петра Великаго“, въ „Капитанской Дочкѣ“ и проч.), интересъ къ исторіи и къ серьезнымъ историческимъ занятіямъ, не ослабѣвавшій въ поэтѣ до конца дней его, и приближеніе къ народной жизни и народному творчеству.

XXVI

Пушкинъ много учился и много создавалъ, и если тяготился въ эти годы своимъ пребываніемъ въ Михайловскомъ, то только потому, что оно было вынужденнымъ, *ссылкой*; да еще поэту не доставало друзей.хлопоты Пушкина о возвращеніи не имѣли успѣха, и онъ задумывалъ бѣгство.

Въ концѣ декабря 1825 г. дошла до Михайловскаго вѣсть о смерти Александра I, о неудачномъ возстаніи декабристовъ и восшествіи на престолъ новаго императора Николая I; послѣднее обстоятельство, равно какъ и хлопоты друзей (Жуковского), давали поэту надежду на скорое возвращеніе.

Въ сентябрѣ 1826 года Пушкинъ неожиданно былъ вызванъ въ Москву и принятъ Николаемъ I, долго и мило-стиво бесѣдовавшимъ съ нимъ. Въ своей бесѣдѣ Николай I осыпалъ его „милостями“. Къ числу этихъ милостей относилось освобожденіе отъ общей цензуры (отъ этого освобожденія Пушкину пришлось много страдать) и передалъ Пушкина на попеченіе—подъ надзоръ шефа жандармовъ—графа А. Х. Бенкендорфа.

Радостно встрѣтила Москва, въ особенности литературная Москва, возвращеннаго изъ шестилѣтней ссылки поэта, и въ новой разсѣянной жизни его не оставалось досуга для творчества. Въ 1827 году съ Пушкина какъ будто сняли и послѣдній запретъ—ему былъ разрѣшенъ свободный вѣздъ въ Петербургъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ за нимъ былъ усиленъ надзоръ (П. довѣрялъ благимъ начинаніямъ Николая I, но мысль о несчастной судьбѣ декабристовъ—катор-

жанъ глубоко печалила его, и онъ не разъ выражалъ ее).

Скоро начались у Пушкина непріятности съ графомъ Бенкендорфомъ, отечески опекавшимъ его и начальнически выговаривавшимъ ему за всякія провинности; за каждымъ шагомъ его слѣдили, и онъ все болѣе переставалъ себя чувствовать свободнымъ. Наконецъ надъ головой Пушкина собрались и настоящія тучи, и разразилась гроза: тучи собирались еще съ конца 1826 года, когда возникло дѣло о стихотвореніи „Андрей Шенье“, приуроченномъ будто бы къ событіямъ 14 декабря, дѣло, тянувшееся весь 1827 и принимавшее особенно неблагоприятный для поэта оборотъ въ 1828 году; въ этомъ же году возникло и другое—и еще болѣе непріятное дѣло—по обвиненію Пушкина въ сочиненіи „Гаврилады“. Тяжелую весну и осень пережилъ поэтъ въ 1828 году, и въ день рожденія вырвалось у него изъ души глубоко мрачное и безнадежное стихотвореніе--исповѣдь „26 мая 1828“. Пушкинъ порывался уѣхать куда-нибудь (куда—все равно); просится въ дѣйствующую армію на Кавказъ—получаетъ отказъ, на другой день хлопчеть объ отпускѣ на полгода въ Парижъ—и вновь получаетъ отказъ, и безсильно опускаются у него руки. Въ тяжеломъ состояніи Пушкинъ написалъ въ октябрѣ въ Демутзовомъ трактирѣ (въ Петербургѣ) менѣе, чѣмъ въ три недѣли свою поэму „Полтава“ (съ 1826 года поэтъ писалъ почти исключительно небольшія стихотворенія)—и не имѣлъ уже силъ отдѣлываться ее.

XXVIII

Вскорѣ послѣ окончанія „Полтавы“ Пушкинъ поѣхалъ гостить къ своему пріятелю А. Н. Вульфу въ Малинники (имѣніе Тверской губерніи) и только въ деревнѣ отдохнулъ отъ перенесенныхъ имъ непріятностей.

Съ Петербургомъ у Пушкина были связаны непріятныя воспоминанія, и потому онъ вернулся туда только на короткое время и въ мартѣ 1829-го года уѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ поэтъ забываетъ все на свѣтѣ для восходящей молодой красавицы Н. Н. Гончаровой, дѣлаетъ ей предложеніе, но получаетъ полуотказъ и 1 мая уѣзжаетъ на Кавказъ (вѣрнѣе, въ Закавказье) въ дѣйствующую армію. Путешествіе на Кавказъ вызвало „Путешествіе въ Арзрумъ“ и много лирическихъ стихотвореній и встряхнуло Пушкина. Уже дорогой Пушкинъ сочинялъ стихи. пріѣхавъ же въ Болдино, онъ всецѣло предался своему любимому дѣлу жизни—поэтическому творчеству (въ это время онъ писалъ послѣднія главы „Евгенія Онѣгина“ и множество стихотвореній). Нижегородское имѣніе Пушкиныхъ—Болдино—значительно отличалось отъ Михайловскаго и болѣе гармонировало съ измѣнившимися состояніемъ духа и стремленіями поэта: въ то молодое время Пушкина радовала красочная живописная природа Михайловскаго; усталый Пушкинъ отъ вѣшняго міра сталъ требовать только спокойствія и возможности всецѣлс уйти въ себя, въ свой внутренній міръ поэтическихъ образовъ и мыслей, и простая природа Болдина успокаивала его. Съ этихъ поръ лучшей и завѣтнѣйшей мечтой Пуш-

кина становится желаніе уѣхать навсегда изъ Петербурга „въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ“— въ Болдино, гдѣ бы онъ могъ забыть о всѣхъ графахъ Бенкендорфахъ и всякой зависимости и предаваться чистымъ и большимъ радостямъ поэтического творчества. Съ каждымъ годомъ это желаніе крѣпло въ душѣ поэта и приобрѣло въ концѣ концовъ характеръ единственно возможнаго способа существованія. Поэтъ еще жаждалъ (до женитьбы) личнаго счастья и робко, неувѣренно надѣялся на возможность его, но уже недалеко было время, когда онъ пришелъ къ тому выводу, что

на свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой да воля.

Спокойствіе и независимость, воля—этихъ двухъ даровъ жизни (кромѣ истиннаго счастья въ творествѣ) Пушкинъ болѣе всего желалъ, и въ этихъ двухъ дарахъ судьба отказала ему. Менѣе всего, конечно, достигались покой и воля въ Петербургѣ, и черезъ два мѣсяца по возвращеніи изъ Болдина поэтъ (въ началѣ января 1830 года) просить разрѣшенія уѣхать во Францію или Италію, или въ Китай (съ миссіей, туда отправлявшейся). Помимо того, что Пушкинъ хотѣлъ похоронить въ путешествіи любовь къ Н. Н. Гончаровой, не встрѣтившую отвѣта, онъ мечталъ и независимости отъ опеки графа Бенкендорфа. Заботливое правительство не разрѣшило Пушкину поѣздки въ чужіе края, „полагая, что это слишкомъ затруднитъ его денежныя дѣла и въ то же время отвлечетъ его отъ его занятій“.

XXX

Поэту не удалось бѣжать отъ безотвѣтной любви, отъ Гончаровской опасности, и онъ поѣхалъ въ Москву... въ самыя объятія опасности. Въ Москвѣ Пушкинъ вновь сдѣлалъ послѣднюю попытку убѣжать (въ Иолтаву къ Н. Н. Раевскому), вновь получилъ всемилоствѣйшій отказъ и... въ свѣтлое воскресенье (6 апрѣля) сдѣлалъ предложеніе Н. Н. Гончаровой. На этотъ разъ предложеніе было принято, но Пушкину внушили, что онъ долженъ озаботиться объ улучшеніи своего матеріальнаго положенія для того, чтобы достойно содержать свою красавицу-жену, и объ измѣненіи своего „двусмысленнаго и ложнаго“ положенія поднадзорнаго поэта, опекаемаго и подозрѣваемаго полиціей. И на этой почвѣ упрековъ Пушкину со стороны будущей тещи у него начались столкновенія и сцены, во время которыхъ мать невѣсты осыпала его оскорбленіями и въ концѣ концовъ рѣшила было расторгнуть свадьбу и всячески откладывала ее.

Съ цѣлью поправить свои денежныя дѣла литературнымъ трудомъ и привести въ порядокъ нижегородское имѣніе, которое ему было выдѣлено отцомъ, поэтъ поѣхалъ въ Болдино (31 авг. 1830). Въ какомъ состояніи духа и настроеніи уѣзжалъ Пушкинъ въ деревню, говоритъ его письмо П. А. Плетневу, написанное въ день отъѣзда: „Милый мой, расскажу тебѣ все, что у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилѣтняго хуже 30-ти лѣтъ жизни игрока. Дѣла будущей тещи моей разстроены. Свадьба моя отлагается день отъ дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка,

о прелести холостой жизни. Къ тому же Московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери,—отселѣ размолвки, колкіе обипяки, ненадежныя примиренія.—Словомъ, если я и не несчастливъ—по крайней мѣрѣ, не счастливъ... Чортъ меня догадалъ бредить о счастіи, какъ будто я для него созданъ. Должно было мнѣ довольствоваться независимостію... „Но пріѣхавъ въ деревню, Пушкинъ сталъ отдыхать и наслаждаться степью, отсутствіемъ людей, ѣздой верхомъ и—главное—полнымъ досугомъ для творчества, которому онъ всецѣло отдался, забывая порой и о Петербургѣ, и о Бенкендорфѣ, и о тещѣ, и даже о невѣстѣ. Разразившаяся холера и—вслѣдствіе этого—цѣпь карантинныхъ задержали Пушкина въ деревнѣ гораздо дольше, чѣмъ онъ предполагалъ: поэтъ пробылъ въ Болдинѣ три мѣсяца—всю глубокую осень (любимую пору его творчества) и дожилъ тамъ до зимы, до декабря. Въ эти три мѣсяца поэтическое вдохновеніе ни на минуту не покидало его и, освѣживъ и укрѣпивъ его душу, создавало столько совершенныхъ и разнообразныхъ произведеній, что—безъ всякаго преувеличенія—Болдинская осень 1830 года должна считаться однимъ изъ крупнѣйшихъ періодовъ въ исторіи русской литературы, новой и содержательной страницей нашей литературы, имѣвшей громадное значеніе для послѣдующаго времени. *Такъ* Пушкинъ еще никогда не творилъ—такъ много и такъ разнообразно: нѣтъ буквально на одного рода и вида литературы, въ которомъ Пушкинъ ни писалъ бы этой осенью. Въ Болдинѣ написано было около 30 стихотвореній (терцины,

октавы, элегии, гексаметры, подражанія древнимъ, подражанія Западу, простые деревенскіе пейзажи и проч. и проч.), повѣсть въ октавахъ „Домикъ въ Коломнѣ“; въ Болдинѣ были закончены двѣ послѣднія главы „Евгенія Онѣгина“ и написана X глава (оставшаяся м. б. незаконченной); въ Болдинѣ были написаны (или окончены) 4 драматическія сцены („маленькія трагедіи“): „Скупой Рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“, „Пиръ во время чумы“ и „Камонный Гость; въ Болдинѣ написаны „Повѣсти Бѣлкина“ („Гробовщикъ“, „Станціонный Смотритель“, „Барышня-крестьянка“, „Выстрѣлъ“, „Метель“), сатирическая „Исторія села Горохина (или Горюхина)“; въ Болдинѣ, наконецъ, Пушкинъ написалъ множество критическихъ статей и замѣтокъ...

Значеніе того, что было создано осенью 1830 года, до сихъ поръ еще вполне не оцѣнено.

18 февраля 1831 года началась новая жизнь для Пушкина: въ этотъ день состоялась его свадьба. Предсвадебныя хлопоты и огорченія, горе, вызванное смертью лучшаго друга барона Дельвига, мрачныя размышленія о будущемъ,—все какъ-то улеглось и уступило мѣсто недолгому безоблачному счастью. „Я женатъ—и счастливъ,—писалъ поэтъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось: лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что, кажется, я переродился“.

Новое состояніе рѣдко давало Пушкину досугъ для творчества, и только осенью 1831 года поэтъ, живя въ Царскомъ Селѣ по сосѣдству съ Жуковскимъ, состязался съ нимъ въ писаніи сказокъ („Сказка о

царѣ Салтанѣ“ и „Сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ“) и политическихъ стихотвореній по поводу усмиренія польскаго возстанія („Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“); осенью же поэтъ передѣлалъ восьмую главу „Евгенія Онѣгина“. Улучшилось и матеріальное положеніе Пушкина: Николай I назначилъ ему жалованье и открылъ ему доступъ въ архивы для составленія исторіи Петра Великаго. Съ этихъ поръ Пушкинъ все больше и больше времени удѣляетъ своимъ любимымъ историческимъ занятіямъ, и поэтическая производительность его замѣтно падаетъ. Но это улучшение матеріальнаго положенія имѣло и обратную сторону медали—лишало поэта той независимости, которою онъ болѣе всего дорожилъ...

При переѣздѣ въ Петербургъ оказалось, что Пушкинымъ было далеко недостаточно жалованья и той весьма значительной суммы, которую поэтъ зарабатывалъ литературнымъ трудомъ. Молодая красавица-жена, желавшая блистать на балахъ, требовала большихъ средствъ, и Пушкину приходилось обращаться къ государю съ просьбой о ссудахъ и тѣмъ еще болѣе закабалять себя и подвергать униженіямъ и „нагоняямъ“ графа Бенкендорфа. Поздно понялъ поэтъ, что правительство на него смотритъ, какъ на холопа, продавшаго свою независимость, но когда понялъ это,—тяжелый грузъ легъ на его душу, и до конца своей жизни не могъ онъ стряхнуть съ себя этотъ грузъ: чаще и чаще, сопровождая свою „мадонну“ на балы, Пушкинъ вздыхалъ о вольной холостой жизни, о досугѣ, необходимомъ для творчества, о независимости

и деревнѣ—и стремился вырваться изъ душнаго Петербурга или забыться въ собираніи историческихъ матеріаловъ по исторіи Петра Великаго и Пугачевщины. Осенью 1833 года удалось ему наконецъ уѣхать въ Казань, Симбирскъ и Оренбургъ для собиранія матеріаловъ по Пугачеву и въ Болдино. Но и Болдино. въ которомъ поэтъ писалъ „Исторію Пугачевского бунта“, сказки („Сказку о рыбацкѣ и рыбацкѣ“ и „Сказку о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“) и поэму „Мѣдный Всадникъ“, не давало совершеннаго покоя, необходимаго для творчества: поэта тяготили мысли объ оставленной имъ въ Петербургѣ женѣ, о ея кокетствѣ дурнаго тона, объ ухаживаніи за нею Николая I и множества молодыхъ и немолодыхъ людей, о долгахъ...

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Петербургъ Пушкинъ испыталъ новую непріятность: 1 января 1834 года государь пожаловалъ его въ камеръ-юнкеры, чтобы дать возможность его женѣ танцовать въ Аничковомъ дворцѣ. „Мѣдный Всадникъ“ былъ запрещенъ высочайшей цензурой, и Пушкинъ принужденъ былъ просить у государя ссуду въ 20.000... Во дворцѣ насмѣшливо относились къ новому бородатому камеръ-юнкеру, за неявку во дворецъ онъ получалъ нагоняи, письма его къ женѣ (уѣхавшей въ имѣніе) распечатывались полиціей и приносились царю. И Пушкину стало въ концѣ концовъ невыносимо жить въ „свинскомъ“ Петербургѣ „между пасквилями и доносами“ и знать, что „они“ смотрятъ на него, „какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ

угодно“. Лѣтомъ 1834 года Пушкинъ подалъ прошеніе объ отставкѣ,—ему отвѣтили, что Государь его не удерживаетъ, но закрываетъ ему доступъ въ архивы (въ то время, когда Пушкинъ усиленно занимался тамъ) и упрекнули въ неблагодарности. Съ тяжелымъ чувствомъ взялъ Пушкинъ обратно свое прошеніе объ отставкѣ (поэтъ писалъ женѣ: главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозревать въ неблагодарности. Это хуже либерализма“).

Черезъ годъ поэтъ повторилъ свою попытку „удрать отъ жизни“, „плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить баринѣмъ“—и вновь получилъ такой же отвѣтъ, и вновь взялъ свое прошеніе обратно. И запутавшись въ денежныхъ дѣлахъ и не имѣя возможности ихъ поправить жизнью въ деревнѣ, поэтъ вновь долженъ былъ просить о ссудѣ. И пришлось великому поэту жить между пасквилями, доносами, сплетнями, распускаемыми на счетъ его и его жены высшимъ свѣтомъ, денежными тисками и нагоняями отъ графа Бенкендорфа, не имѣя досуга и спскойствія для творчества, почти отказавшись отъ поэтического творчества.

Въ 1836 году Пушкину удалось осуществить свою давнишнюю мечту объ изданіи своего журнала или газеты: онъ получилъ наконецъ разрѣшеніе издавать журналъ „Современникъ“ (въ которомъ помѣстилъ, м. п. свою совершенную повѣсть „Капитанская Дочка“, начатую еще въ 1833 году), но не могъ ему всецѣло отдаться. Въ 1836 году драма Пушкина достигаетъ своей высшей точки, и для поэта становится яснымъ

неизбѣжность катастрофы—смерти, къ которой онъ 6. м. и начинаетъ стремиться, не видя другихъ исходовъ, и подводитъ въ своемъ „Памятникѣ“ итоги своей поэтической дѣятельности (въ связи съ изданіемъ „Современника“ послѣдняя оживляется, и растетъ количество стихотвореній). Къ этому году относится настоящая травля генія людьми, на которыхъ возсталъ Лермонтовъ въ своѣй „Смерти поэта“, выдвинувшими ничтожный и грозный призракъ кавалергарда Дантеса, ухаживавшаго за его женой, и злорадно слѣдившими за тѣмъ, какъ поэтъ запутывался въ раскинутыхъ сѣтяхъ... Къ концу года Пушкинъ становится необыкновенно раздражительнымъ и вспыльчивымъ и въ отвѣтъ на анонимныя письма посылаетъ вызовъ барону Дантесу.

Несмотря на всѣ попытки друзей предотвратить роковое столкновеніе, 27 января 1837 года состоялась дуэль, на которой поэтъ былъ смертельно раненъ.

29 января 1837 года Пушкинъ умеръ.

Настоящее изданіе стихотвореній Пушкина значительно отличается отъ существующихъ изданій избранныхъ и полныхъ собраній стихотвореній Пушкина.

Намъ казалось слишкомъ смѣлымъ довѣряться личному вкусу въ выборѣ „дѣстойныхъ“ и „недѣстойныхъ“ стихотвореній великаго поэта, и потому мы рѣшительно отказались отъ изданія „избранныхъ стихотвореній Пушкина“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ настоящее изданіе не является и полнымъ собраніемъ стихотвореній Пушкина въ томъ

смыслъ, что въ него не вошли всѣ безъ исключенія стихотворенія, написанныя поэтомъ и извѣстныя намъ; отъ такого собранія мы также отказались, потому что полное собраніе стихотвореній, являясь необходимымъ для научнаго изученія жизни и творчества Пушкина, не только неуживо и излишне, но и вредно для чтенія произведеній Пушкина съ цѣлью получить художественное удовольствіе и составить себѣ цѣльное представленіе о цѣльной поэтической личности Пушкина.

Во всѣхъ современныхъ полныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина перемѣшаны его художественно-законченныя созданія со случайными экспромптами, съ стихотворными отрывками изъ писемъ, съ незаконченными и неотдѣланными стихотвореніями, съ шалостями пера, облеченными только въ стихотворную форму, съ первоначальными опытами (очень важными для изученія) и проч. и проч. Если къ этому прибавить, что въ „полныя собранія сочиненій“ включаются стихотворенія, не принадлежащія Пушкину, сомнительно пушкинскія стихотворенія, а также стихотворенія съ сомнительно пушкинскимъ текстомъ, то получается такая пестрая картина, созерцаніе которой врядъ ли способствуетъ правильному представленію о поэтической фizioноміи Пушкина и цѣльному художественному впечатленію; послѣднее разбивается при чтеніи случайно-стихотворнаго съ поэтически-вѣчнымъ.

Обращаясь къ поэту въ своемъ сонетѣ „Поэту“, поэтъ-мудрецъ, но прежде всего поэтъ, Пушкинъ говорилъ:

...Ты самъ свой высшій судъ.

Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ— и былъ высшимъ судьей своихъ произведеній. Съ этимъ высшимъ судомъ художника-поэта, какъ намъ кажется, нельзя не считаться. А „взыскательный художникъ“ Пушкинъ далеко не всѣ свои произведенія включалъ въ собранія свои стихотворенія, и только то, что вошло въ собственныя изданія Пушкина—только то и мы помѣщаемъ въ нашемъ изданіи *). Такое собраніе необходимо нуждается въ дополненіи его: многія стихотворенія Пушкинъ не включалъ въ собранія своихъ сочиненій не потому, что не признавалъ ихъ достойными, а по другимъ причинамъ: 1) потому, что не могъ ихъ печатать вслѣдствіе цензурныхъ условій, 2) потому, что слишкомъ интимный характеръ ихъ заставлялъ поэта скрывать ихъ отъ современниковъ, 3) потому, что не успѣлъ включить ихъ въ свои изданія. Съ этой цѣлью мы и даемъ „Дополненіе“, и помѣщаемъ въ немъ тѣ политическія стихотворенія, которыми, какъ можно думать, поэтъ дорожилъ, художественно-законченныя стихотворенія глубоко-интимнаго характера, а также стихотворенія, напечатанныя имъ послѣ 1834 года (въ 1835 году появилось послѣднее собраніе сочиненій Пушкина при его жизни). Что касается до стихотвореній 1835 и 1836 гг., которыхъ поэтъ могъ просто не успѣть не только включить въ собранія

*) Намъ могутъ возразить, что необходимо дорожить каждымъ самымъ незначительнымъ стихомъ Пушкина; вполне и безусловно соглашаясь съ этимъ, мы однако полагаемъ, что весь другой матеріалъ долженъ найти себѣ особое мѣсто.

сочиненій, но даже и напечатать въ журналахъ *), то мы считали недопустимой смѣлостью выборъ изъ нихъ по личному вкусу и печатаемъ всѣ безъ исключенія законченныя стихотворенія 1835 и 1836 гг. (изъ законченныхъ, но не оконченныхъ мы включаемъ законченный отрывокъ „Вновь я посѣтилъ“ и неоконченное послѣднее стихотвореніе „19 октября 1836“). Мы старались совершенно исключить при составленіи сборника личное усмотрѣніе, личный вкусъ, и если извѣстная неизбѣжная доля субъективизма, личнаго вкуса, все же осталась, то только въ „Дополненіи“ и въ извѣстной степени поэтому находить себѣ оправданіе.

Мы послѣдовали за Пушкинымъ и въ другомъ отношеніи—не раскрывали заглавныхъ буквъ въ посвященіи стихотвореній, такъ какъ видѣли въ этомъ опредѣленно выраженную волю художника, исключаящаго изъ своихъ стихотвореній все случайное и временное, ненужное для стихотворенія (къ тому же такое раскрываніе заглавій порой является очень спорнымъ и сомнительнымъ). Читателю, конечно, должно быть интересно, къѣмъ вызвано то или иное стихотвореніе Пушкина, или кому посвящено оно—но всѣ эти указанія онъ найдетъ въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ. Что касается до датировки (до опредѣленія времени написанія) стихотвореній, то мы оставляемъ всюду датировку Пушкина, исправляя и дополняя ее только въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣемъ для этого совершенно безспорныя данныя.

*) Пушкинъ рѣдко печаталъ свои стихотворенія непосредственно послѣ написанія ихъ.

XL

Настоящее изданіе провѣрено по современнымъ Пушкину изданіямъ его сочиненій и по рукописямъ поэта, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ удалось внести въ существующія въ настоящее время изданія сочиненій Пушкина существенныя исправленія.

Изслѣдователя жизни и творчества Пушкина конечно не удовлетворитъ краткость примѣчаній и вступительнаго очерка, но мы и имѣли въ виду не изслѣдователя, а обыкновеннаго читателя, которому должны быть дороги произведенія величайшаго русскаго поэта, и дали въ своихъ примѣчаніяхъ только самыя краткія и необходимыя для пониманія стихотвореній Пушкина свѣдѣнія.

М. Л. Гофманъ.

Замѣченные опечатки.

		<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
Стр.	48 стихъ 8	надо, мною;	надо мною;
"	82 " 22—23	Бѣжитъ Шумитъ,	Шумитъ, Бѣжитъ
"	184 " 9	треволненья	треволненья
"	185 " 18	сатыней	свѣтылей
"	186 " 20	видали видали	видали
"	200	вслѣдствіе типографскихъ затрудненій текстъ отсутствуютъ знаки удареній.	во французскомъ
"	204 стихъ 10	тишин!	тишины!
"	205 " 11	Поруномъ	Перуномъ
"	244 " 18	Враги	Врачи
"	256 " 21	ожились	оживились
"	266 " 1	счастье	счастіе

Убѣдительная просьба прежде, чѣмъ пользоваться настоящимъ изданіемъ, исправить указанныя опечатки.

1815.

I.

Л и ц и н і ю.

(Съ латинскаго).

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вѣнчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалясь, Ветулій молодой
Въ толпу народную летитъ по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ;
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонятъ!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ стремится усердный взглядъ;
Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
И дѣти малыя, и старцы въ сѣдинахъ,—
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнный,
Есть нѣкій памятникъ почетный и священный.
О Ромуловъ народъ! Скажи: давно ль ты палъ?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
Квириты гордые подъ нго преклонились;
Кому жъ, о небеса, кому поработились?
Скажу ль?—Ветулію! Отчизны стыдъ моей,
Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;

Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ правитъ,
На Римъ простеръ яремъ, отечество безславить;
Ветулій—римлянъ царь!.. О стыдъ, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
„Куда ты, нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметь?“
— „Куда? Не знаю самъ; давно молчу и вижу;
Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу“.
Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
Смиренно поклонясь Фортунѣ и мечтавъ,
Съдаго цинника примѣромъ научиться?
Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проститься,
Гдѣ все продажное: законы, правда,
И консулъ, и трибунъ, и честь, и красота?
Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
Неопытность другихъ въ иземну ловить сътъ!
Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣть;
Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій.
Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ Корнелій,
Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ!
Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лициній, поспѣвшимъ далеко отъ заботъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню пренесемъ отеческія лары!

Въ прохладѣ древнихъ рошъ, на берегу морскомъ,
Найти нетрудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья.
Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
И тамъ расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ камелькѣ,
Вспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
И нравы спхъ вѣковъ потомству обнажу;
О Римъ, о гордый край разврата. злодѣянья!
Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья!
Продвижу грознаго величія конецъ:
Падетъ, падетъ во прахъ вселенныя вѣнецъ!
Народы юные, сыны свирѣпой брани,
Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани.
И горы и моря оставлятъ за собой.
И хлынуть на тебя кипящею рѣкой.
Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокій;
И путникъ, устремивъ на груди камней око,
Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
„Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ!“

II.

Гробъ Анакреона.

Все въ таинственномъ молчаньи;
Холмъ одѣлся темнотой;
Ходитъ въ облачномъ сіяньи
Полумѣсяцъ молодой.
Вижу: лира надъ могилою

Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
Лишь порою звонъ унылый,
Будто лѣни голосъ милый,
Въ мертвой слышится струнѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
Други, здѣсь почіетъ въ мирѣ
Сладострастія мудрецъ.
Посмотрите: на порфирѣ
Оживилъ его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
Говоря: „Я сѣдъ и старъ;
Жизнью дайте жъ насладиться;
Жизнь, увы, не вѣчный даръ!“
Здѣсь, поднявъ на лиру длани
И нахмура важно бровь,
Хочетъ пѣть онъ бога брани,
Но поетъ одну любовь.
Здѣсь готовится природѣ
Долгъ послѣдній заплатить:
Старецъ пляшетъ въ хороводѣ,
Жажду просить утолить.
Вкругъ любовника сѣдаго
Дѣвы скачутъ и поютъ;
Онъ у времени скупаго
Крадетъ нѣсколько минутъ.
Вотъ и музы и хариты
Въ гробъ любимца увели;
Плющемъ, розами увиты,
Игры вслѣдъ за нимъ пошли...

Онъ исчезъ, какъ наслажденье.
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный! Вѣкъ твой—привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся.
Чаще кубокъ наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

III.

С т а р и к ъ.

(Изъ Марота).

Ужъ я не тотъ любовникъ страстный.
Кому дивился прежде свѣтъ:
Моя весна и лѣто красно
Навѣкъ прошли, пропалъ и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младаго!
Я твой служитель вѣрный былъ;
Ахъ, если бъ могъ родиться снова,
Ужъ такъ ли бъ я себѣ служилъ!

1816.

I.

П р о б у ж д е н і е.

Мечты, мечты,
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокой

Во тмѣ глубокой
Я пробужденъ.
Кругомъ постели
Нѣмая ночь.
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улетѣли
Толпою прочь
Любви мечтавья.
Еще полна
Душа желанья
И ловить сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

II.

Друзьямъ.

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златяя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечной:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбаюсь я.

III.

Пѣвецъ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ почной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной тмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
Встрѣчали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали;
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вздохнули ль вы?

IV.

Амуръ и Гименей.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слѣпаго мальчика съ повязкой?
Слѣпаго?.. Вотъ? Помилуй, Фебъ!
Амуръ совѣмъ, друзья, не слѣлъ:
Но шалуну пришла жъ охота,
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его безуміе вело.
Безуміе ведетъ Эрота:

Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затѣю:
Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идетъ проказникъ къ Гименею...
А что такое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый,
Ворчить и дремлетъ цѣлый вѣкъ,
А впрочемъ добрый человѣкъ,
Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.
Отъ ревности печальный богъ
Спокойно подремать не могъ;
Все трусилъ маленькаго брата,
За нимъ подсматривалъ тайкомъ
И караулил супостата
Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ
И рѣчь коварную заводитъ:
„Развеселися, Гименей!
„Ну, помиримся. будь уми́й!
„Забудь, товарищъ мой любезный,
„Раздоръ смѣшной и бесполезный!
„Да только навсегда. смотри!
„Возьми жъ повязку въ память, милый,
„А мнѣ фонарь свой подари!“
И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.
Амуръ отъ радости прыгнулъ,
И на глаза со всей онъ силы
Обнову брату затанулъ.

Гимена скучные дозоры
Съ тѣхъ поръ пресѣклись по почамъ;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотамъ;
Спокоенъ онъ, но братъ коварный,
Шутя надъ честью и надъ нимъ,
Войну ведетъ неблагодарный
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ.
Амуръ въ молчаніи ночномъ
Фонарь любовнику вручаетъ
И самъ счастливца провожаетъ
Къ уснувшему супругу въ домъ;
Самъ отъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняетъ тайну дверь...
Пойми меня, мой другъ Елена,
И мудрой повѣсти повѣрь!

У.

Ш * * * в у.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мелецкій и Парни?
Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
Друзей любить открытою душою,
Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красотою:

Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать готовъ,
Но, милый, сжался надо мною,
Не требуй отъ меня стиховъ!
Не вѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣпленіи:
Докучной негины я поздній вижу свѣтъ.
По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеніи
Мечтѣ шепнувшей: ты поэтъ,
И, презря мудрыя угрозы и совѣты,
Съ небрежной лѣнностью нанизывалъ куплеты,
Игрушкою себя невинной веселилъ;
Угодникъ Бахуса, я трезвый межъ друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
Мечтательныхъ Доридъ и славилъ и бранилъ,
Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ: и дружество зѣвало
И, сонные стихи въ просонкахъ величало.
Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
Душѣ наскучили Парнасскія забавы;
Не долго снился мнѣ мечтанья музъ и славы:
И строгимъ опытомъ невольно пробужденъ,
Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся,
Увидѣлъ, что еще не генія печать
Охота смертная на рнемахъ лепетать,
Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся:
И полно мнѣ писать.

1817.

I.

Торжество Вакха.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?
Кого, куда зовутъ и бубны и тимпанъ?

Что значать радостные лики

И пѣсни поселянъ?

Въ ихъ кругѣ свѣтлая свобода

Пріяла праздничный вѣнокъ.

Но двинулись толпы народа...

Онъ приближается... Вотъ онъ, вотъ сильный богъ!

Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!

Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!

О радость! Полная тобой

Дрожать, готовы грянуть струны

Нелицемерною хвалою.

Эванъ, эвое! Дайте чаши,

Несите свѣжіе вѣнды!

Невольники, гдѣ тирсы наши?

Бѣжимъ на мирный блѣ, отважные бойцы!

Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отрадный!

Державный тирсъ въ его рукахъ;

Вѣнецъ желтѣетъ виноградный

Въ чернокудрявыхъ волосахъ...

Течетъ. Его младые тигры

Съ покорной яростью влекутъ;

Кругомъ летятъ эроты, игры,

И гимны въ честь ему поютъ.

За нимъ тѣснится козлоногій

И фавновъ и сатировъ рой;

Плющемъ опутаны ихъ роги;

Бѣгутъ смятенною толпой

Вослѣдъ за быстрой колесницей:

Кто съ тростниковою цѣвницей,

Кто съ вѣрной кружкою своей;

Тотъ оступившись упадаетъ
И бархатный коверъ полей
Виномъ багровымъ обливааетъ
При дикомъ хохотѣ друзей.
Тамъ далѣ вижу дивный ходъ:
Звучать веселые тимпаны;
Младья нимфы и сивваны,
Составя шумный хороводъ,
Несутъ недвижнаго Силена...
Вино струится, брызжетъ пѣна,
И розы сыплются кругомъ;
Несутъ за спящимъ старикомъ
И тиресъ, символъ побѣды мирной,
И кубокъ тяжко-золотой,
Вѣнчанный крышкою сапфирной,
Подарокъ Вакха дорогой.

Но воетъ берегъ отдаленный.
Власы раскинувъ по плечамъ,
Вѣнчанны гроздемъ, обнажены,
Бѣгутъ Вакханки по горамъ.

Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.

Промчались, летятъ, свиваются руками,
Волшебной пляской топчутъ лугъ:
И младость пылкая толпами
Стекается вокругъ.

Поютъ непستовыя дѣвы;
Ихъ сладострастные напѣвы
Въ сердца вливаютъ жаръ любви;

Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ,
Сказали: счастье лови!
Ихъ вдохновенныя движенья
Сперва изображаютъ намъ
Стыдливость милого смятенья,
Желанье робкое, а тамъ
Восторгъ и дерзость наслажденья.

Но вотъ разсыпались по холмамъ и полямъ;
Махая тирсами несутся;
Ужъ издали ихъ вопли раздаются,
И гулъ имъ вторить по лѣсамъ:
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной
Забвенью бросимъ суеты!
Теки, вино, струею пѣнной
Въ честь Вакха, музъ и красоты!
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

II.

Р а з л у к а.

Вь послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ.
Лицейской жизни милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.

Прошли лѣта соединенья;
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.

Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, милый другъ,
Съ свободою и Фебомъ!

Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья:

И дни твои полетомъ сновидѣнья

Да пролетать въ счастливой тишинѣ!

Прости! Гдѣ бы ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы

При мирныхъ ли берегахъ родимаго ручья,

Святому братству вѣренъ я.

И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?),

Пусть будутъ счастливы все, все твои друзья!

III.

П * * * н у.

(отрывокъ).

Что восхитительнѣй, живѣй

Войны, сраженій и пожаровъ,

Кровавыхъ и пустыхъ полей,

Бивака, рыцарскихъ ударовъ?

И что завиднѣй краткихъ дней

Не слишкомъ мудрыхъ усачей,

Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?

Они живутъ въ своихъ шатрахъ.

Вдали забавъ и нѣтъ и грацій,

Какъ жилъ безсмертный трусъ Гораций

Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;

Не знаютъ свѣта принужденья,

Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру;
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремитъ правдивая хвала;
Кто славить Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!

IV.

Д е л ь в и г у.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью;
Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ.
Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
Его баюкаютъ камни молодья
И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой.
О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ.
И лира сталъ мой удѣлъ.
Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жаръ,
Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья!

Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ.
Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!

Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ,
Забуду милыхъ музъ. мучительницъ моихъ;
Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.

V.

К р и в ц о в у.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ:
Право, намъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ.
Пусть остылой жизни чашу
Тянетъ медленно другой;
Мы жъ утратимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы,
Мы присядемъ на порогъ,
У Пафосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишій мигъ у вѣрной лѣни,
Кругозый нальемъ сосудъ.
И тобою наши тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ;
Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтель:
И подруги шалуновъ

Соберутъ ихъ легкій пепелъ
Въ урны праздныя пировъ.

VI.

Къ портрету Жуковского.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

1818.

I.

Мечтателю.

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;
Тебѣ приятно слезы лить,
Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
И въ сердцѣ тихое уныніе таить:
Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
Постигло страшное безуміе любви;
Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови;
Когда бы въ долгіе часы бессонной ночи,
На ложѣ медленно терзаемый тоской,
Ты звалъ обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркіе рыдая обнималъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:
Повѣрь, тогда бъ ты не питалъ
Неблагодарнаго мечтанья.

Нѣтъ, нѣтъ: въ слезахъ упавъ къ богамъ
Своей любовницы надменной,
Дрожащій, блѣдный, изступленной,
Тогда бѣ воскликнулъ ты къ богамъ:
Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
Возьмите отъ меня сей образъ роковой;
Довольно я любилъ; отдайте мнѣ покой...
Но мрачная любовь и образъ незабвенный
Остались вѣчно бы съ тобой.

II.

В ы з д о р о в л е н і е.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
Или невѣрно то было сновидѣнье,
Мечтанье смутное, и пламенный недугъ
Обманомъ волновалъ мое воображенье?
Въ минуты мрачныя бѣдъзи роковой.
Ты ль, дѣва пѣжная, стояла надо мной
Въ одеждѣ воина съ неловкостью пріятной?
Такъ, видѣлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной:
И слабымъ шопотомъ подругу я называлъ...
Но вновь въ умѣ моемъ стѣснились мрачны грезы:
Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...
И вдругъ я чувствую твоё дыханье. слезы
И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...
Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
Желанья, жизни огонь по сердцу пробѣжалъ!
Я закипѣлъ, затрепеталъ:
И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.

Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ:

Приди, меня мертвить любовь!

Въ молчаньи благосклонной ночи

Явись волшебница: пусчай увижу вновь

Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,

И плащъ, и поясъ боевой,

И бранной обувью украшенные ноги...

Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой.

Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой!

Мнѣ снова послослали боги,

А съ нимъ и сладкія тревоги

Любви таинственной и шалости молодой.

III.

П р е л е с т н и ц ѣ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,

Умилнымъ голосомъ и взоромъ

Младое сердце распалать

И тихимъ, сладостнымъ укоромъ

Къ побѣдѣ легкой вызывать?

Къ чему обманчивая нѣжность,

Сгдливости притворный видъ,

Движеній томная небрежность

И трепетъ устъ и жаръ ланитъ?

Напрасны хитрыя старанья:

Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ...

Невольный хладъ негодованья

Тебѣ мой роковой отвѣтъ.

Твоею прелестью надменной

Кто не владѣлъ во тмѣ ночью?

Скажи: у двери оцѣненной
Твоей обители презрѣнной
Кто смѣлой не стучалъ рукой?
Нѣтъ, нѣтъ, другому свой заявляй
Неси, прелестница, вѣнокъ;
Ласкай неопытный порокъ,
Въ твоихъ объятіяхъ усталый;
Но гордый замыселъ забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предательскую грудь.
Неси другимъ наемны узы,
Своей любви постыдный торгъ,
Корысти хладныя лобзанья
И принужденныя желанья
И златомъ купленный восторгъ!

IV.

Жуковскому.

(На изданіе книжекъ его: Для немногихъ).

Когда, къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣнахъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ:
Ты правъ, творишь ты для немногихъ,
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ

Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбить счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

1819.

I.

Р у с а л к а.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ,
Всегда въ занятіяхъ суровыхъ.
Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ.
Уже лопаткою смиренной
Себѣ могилу старецъ рылъ
И лишь о смерти возжелѣнной
Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды, лѣтомъ, у порогу
Поникшей хижины своей
Анахоретъ молился Богу.
Дубровы дѣлались чернѣй.
Туманъ надъ озеромъ дымился,
И красный мѣсяцъ въ облакахъ

Тихонько по небу катился.
На воды сталъ глядѣть монахъ.
Глядитъ, невольно страха полный,
Не можетъ самъ себя понять...
И видитъ: закипѣли волны
И присмирѣли вдругъ опять...
И вдругъ... легка, какъ тѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходитъ женщина нагая
И молча сѣла у береговъ.
Глядитъ на стараго монаха
И чешетъ влажные власы.
Святой монахъ дрожитъ со страха
И смотритъ на ея красы.
Она манитъ его рукою,
Киваетъ быстро головой...
И вдругъ падучею звѣздою
Подъ сонной скрылася волной.
Всю ночь не спалъ старикъ угрюмой
И не молился цѣлый день:
Передъ собой съ невольной думой
Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
Дубровы вновь одѣлись тмою;
Пошла по облакамъ луна.
И снова дѣва надъ водою
Сидитъ, прелестна и блѣдна.
Глядитъ, киваетъ головою,
Цѣлуетъ издали шутя,
Играетъ, плещется волною,

Хохочетъ, плачетъ, какъ дитя,
Зоветъ монаха, нѣжно стонетъ...
„Монахъ, монахъ! Ко мнѣ, ко мнѣ!..“
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ:
И все въ глубокой тишинѣ.

На третій день отшельникъ страстной
Близъ очарованныхъ береговъ
Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
А тѣнь ложилась средь дубровъ...
Заря прогнала тму ночную:
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду сѣдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.

II.

Стансы Т***му.

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслаждений жизни,
На игры молодости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милая забавы свѣта
На грусть и скуку промѣнялъ,
И на лампаду Эпиктета
Златый Гораціевъ фаль.

Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины заботъ
И бесполезныхъ размышлений.

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки:
Надъ сѣднами не гремятъ
Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье
И легкокрылую любовь
И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей,
Живи безпечень, равнодушень!
Мгновенью жизни будь послушень,
Будь молодъ въ юности твоей!

III.

Д е р е в н я .

Приѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлыя ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины.

Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты.
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымныя и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
Учуся въ истинѣ блаженства находить,
Свободною душой законъ боготворить.
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя, плѣ глугца въ величїи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединенїи величаю
Слышите вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонить лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ раждаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь бѣрство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ гасильственной лозой

И трудъ, и собственность, и время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее тащится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.

Здѣсь тягосный яремъ до гроба все влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ пигать не смѣя;
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтуть
Для прихоти злодѣя;

Опора милая старѣющихъ стцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ...
О, если бъ готовъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ.
И не данъ мнѣ въ утѣлу вишнства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенной
И рабство, падшее по маню царя,
И падъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

IV.

Д о м о в о м у.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,

Тебя молю, мой добрый домовой,

Храни селѣнье, лѣсъ и дикій садикъ мой

И скромную семью моей обитель!

Да не вредять поямъ опасный хладъ дождей

И вѣтра поздняго осеніе набѣги;

Да въ пору благотворны снѣги

Покроютъ влажный тукъ полей!

Останься тайный стражъ въ наслѣдственной сѣни,
Постигни робостью полуночнаго вора

И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охраняй!

Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ.

Люби мой милый садъ и берегъ сонныхъ водъ

И сей укромный огородъ

Съ калиткой ветхою. съ обрушеннымъ заборомъ!

Люби зеленый скатъ холмовъ,

Луга, измятые моею бродящей лѣнью,

Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:

Они знакомы вдохновенью.

V.

В * * * м у.

Прости, счастливый сынъ пировъ,

Балованный дитя свободы,

Итакъ. отъ нашихъ береговъ,

Отъ мертвой области рабовъ.

Капральства, прихотей и моды,

Ты скачешь въ мирную Москву,

Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,

Безпечно дремлютъ паяву

И въ жизни любятъ перемѣну.

Въ сей азіатской сторонѣ,

Насъ увѣряютъ, жизнь—игрушка!

Въ почтенной кичкѣ, шушунѣ,

Москва—премилая старушка:

Разнообразной и живой

Она плѣняетъ пестротой,

Старинной роскошью, пирами,

Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье.
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тяжелой знатности веселье,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни золотой,
Держась моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большого свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя:
Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
Аи холодная струя;
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумять и пьютъ; задорный кубокъ
Обходить ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ досугъ;
А тамъ Египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стенъ нѣги, вопли, дикій вой;

Ихъ изступленныя движенья,
Огонь неистовыхъ очей
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Раждаетъ трепеть упоенья....
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая;
Весь день уныла и томна,
Въ своей задумчивости сладкой,
Тихонько плачетъ подъ окномъ
Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро ль милого найдутъ
Ея потушенные взоры,
И предъ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый другъ?
Душа вослѣдъ тебѣ стремится.
Гдѣ бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
Изъ рукъ младаго сладострастья
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

VI.

N. N.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худой, обрѣтый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготѣть надо мной.
Здоровье, легкій другъ Цріапа,
И сонъ, и сладостный покой.
Какъ прежде, посѣтили снова
Мой уголь тѣсный и простой.
Утѣшь и ты полубольного!
Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
Съ тобой, счастливый беззаконникъ.
Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Пировъ и пѣги вѣрный сынъ.
Венеры вѣтрный поклонникъ
И наслажденій властелинъ!
Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы молвы,
Отъ скуки, столь разнообразной,
Меня зовутъ холмы, луга,
Тѣнисты клены огорода,
Пустынной рѣчки берега
И деревенская свобода.
Дай руку мнѣ. Пріѣду я
Въ началѣ мрачномъ октября:
Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря
Насчетъ глупца, вельможи злова,

Насчетъ холопа записнова,
Насчетъ небеснаго царя,
А иногда насчетъ земнова.

VII.

Недокончанная картина.

Чья мысль восгоргомъ угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сія небесныя черты?

Ты геній!.. Но любви страданья
Его сразили. Взоръ пѣмой
Вперилъ онъ на свое созданье
И гаснетъ пламенной душой.

VIII.

Возрожденіе.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернить
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно чертить.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадають ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омраченъ,
Зачѣмъ на все подѣмлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкій жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется уныніе одно.

1820.

I.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой?
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтъ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою
Не долго наслаждаться ей,
Не долго радовать собою
Счастливый кругъ семьи своей,
Безпечной милой остротою
Бесѣды наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу улаживать!

Спѣшу въ волненьи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее;
Смотрю на всѣ ея движенія,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

II.

(Подражаніе Байрону.)

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило.
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминая упоеанный...
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,

Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края;
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Поксемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младая,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излѣчило...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ...

III.

Черная шаль.

(Молдавская пѣсня).

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую Гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дѣжилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ постучался презрѣнный Еврей.

Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья,
Тебѣ жъ измѣнила Гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ;
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ Гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ....

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ Армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь...
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.
Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.
Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

IV.

Фонтану Бахчисарайскаго дворца.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принеси я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росой хладной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадной!
Журчи, журчи свою мнѣ былъ...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
И я твой мраморъ вопрошалъ:
Хвалу странѣ прочелъ я дальной;
Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣтило блѣдное гарема!
И здѣсь ужель забвенно ты?
Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ

Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеаль?

V.

Виноградъ.

Не стану я жалѣть о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей длины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачной,
Какъ персты дѣвы молодой.

VI.

(Подражаніе Турецкой пѣснѣ).

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ
И нѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной.

VII.

Доридѣ.

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрять.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,

Стыдливость робкая, харить безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность,
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

VIII.

Рѣдѣть облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины
И дремлющій заливъ и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;
Оня думы разбудилъ, уснувшія во мнѣ:
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ
И сладостно шумятъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ. сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
Когда на хижину сходила ночи тѣнь,
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ—подругамъ называла...

IX.

Нереида.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ деревъ, едва я смѣлъдохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Х.

Дорида.

Въ Доридѣ нравятся и локоны златые
И блѣдное лице и очи голубыя.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгорались;
Я таялъ: но среди невѣрной темноты
Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
И весь я полонъ былъ таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

ХІ.

Ч * * * ву.

(Съ морскаго берега Тавриды).

Нъ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой эвмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла;
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось.

.
Ч * * *, помнишь ли бывшее?

Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина,
И, въ умиленъ вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

ХП.

Дочери Карагеоргія.

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей и славы былъ достоинъ.
Тебя младенца онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ
Братоубійствомъ изощренной.
Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
Онъ молча надъ твоей невинной колыбелью
Убіиства новаго обдумывалъ ударъ
И лепетъ твой внималъ и не былъ чуждъ веселью!
Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиренной жизнію предъ небомъ искупила:
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она, какъ сладкій оиміамъ,
Какъ чистая любви молитва восходила.

1821.

I.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное теченье.

Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье.

Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.

Пуškai я радости вкушаю неполнѣ;

Но ты, невинная, ты рождена для счастья.

Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови:

Душа твоя жива для дружбы, для любви,

Для поцѣлуевъ сладострастья;

Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;

Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.

Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей

Незанимательную повѣсть?

Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;

Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;

Довѣрчивой души безпечность улетитъ,

И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.

Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,

Лишиться я боюсь послѣднихъ наслаждений.

Не требуй отъ меня опасныхъ откровений:

Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я.

II.

В о й н а.

Война!.. Подъяты наконецъ,

Шумять знамена бранной чести!

Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищетъ вокругъ меня губительный свинецъ.

И сколько сильныхъ впечатлѣній

Для жаждущей души моей:

Стремленье бурныхъ ополченій.

Тревоги стана, звукъ мечей.

И въ роковомъ огнѣ сраженій

Паденье ратныхъ и вождей!

Предметы гордыхъ пѣснопѣній

Разбудятъ мой уснувшій геній.

Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,

Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье,

Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра

И смерти грозной ожиданье.

Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,

Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?

Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,

Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,

И все умереть со мной: надежды юныхъ дней,

Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,

Воспоминаніе и брата и друзей,

И мыслей творческихъ напастное волненье,

И ты, и ты, любовь..? Ужель ни бранный шумъ,

Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,

Ничто не заглушить моихъ привычныхъ думъ?

Я таю, жертва злой отравы:

Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,

И тягостная лѣнь душою овладѣла...

Что жъ медлитъ ужасъ боевой?

Что жъ битва первая еще не закипѣла?..

III.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты;
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣтущій мой вѣнецъ;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

IV.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но-если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила страстной;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня навѣкъ обьметъ смертный сонъ,
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
Онъ мною былъ любимъ, онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.

Гробъ юноши.

. Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣжной;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной въ тѣни деревъ
Онѣ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
„И мы любили хороводы,
Блистали также въ насъ умы;
Но погоди, приспѣютъ годы,
И будешь то, что нынѣ мы;
Какъ намъ, о міра гость ягвивый,
Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;
Теперь играй“... Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣхъ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,

Одна, быть можетъ, слезы лъетъ
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ...
Къ чему?

Надъ ясными водами
Гробницы мирною семьей
Подъ наклоненными крестами
Таятся въ рощѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумить,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вокругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ:
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой.

VI.

Къ Овидію.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оставилъ.
Твой безотрадный плачъ мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;

Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеніи
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скиѣи свирѣпые сыны,
За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ
И по льду звучному безтрепетно идутъ.
Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелой.
И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой.
Ни дочь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не уладятъ печали;
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ;

Дни старости твоей въ забвеніи потонуть.
Златой Италіи роскошный гражданинъ,
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ.
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ тяжелой горести далекой дружбѣ пишешь:
„О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
О други, Августу мольбы мои несите!
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ;
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
Приблизьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!“
Чье сердце хладное, презрѣвшее харить,
Твое уныніе и слезы укорить?
Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленія
Сіи элегіи, послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Суровый-Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ и собой и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
Привыкшія къ свѣгамъ угрюмой полуночи.

Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
На Скиѣскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный декабрь на русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
Зима дышала тамъ: а съ вѣшной теплотой
Здѣсь солнце ясное катилось надо, мною;
Младую зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тусклѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
Я вспоминалъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
Когда ты въ первый разъ вѣтрялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.
Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній:
И, жертва темная, умереть мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!...
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной:
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,

И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участію я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыня оглашая.
Скитался я въ тѣ дни, какъ на берега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ:
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но не унизили вѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

VII.

Н а п о л е о н ъ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство наступаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Печій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почилъ,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.

Когда, надеждой озаренной,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галль десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ;

Тогда, въ волненіѣ бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,

Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченъ,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величїи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ—при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ россъ,—
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ;
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливецъ душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,

Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица,
Вспомни древнія права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжатъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ

Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

VIII.

М у з а.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника

Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милого чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

ІХ.

Д і о н е я.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя;
Твой взоръ потупленный желаніемъ горить,
И долго послѣ, Діонея,
Улыбку нѣжную лице твое хранить.

Х.

Д ѣ в а.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
Пылаетъ близъ нея задумчивая младость;
Любимцы счастья, наперсники судьбы
Смирненно ей несутъ влюбленные мольбы:

Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидить
И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

XI.

П р и м ѣ т ы.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
Пастухъ и земледѣль въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, молодыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
Знай, завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

XII.

З е м л я и м о р е.

(Идиллія Мосха).

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣ
И забываю пѣсни музъ:

Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракъ блещутъ, --
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ сурозый:
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

XIII.

Красавица передъ зеркаломъ.

Взгляни ча милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играетъ локономъ, и вѣрное стеклс
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

XIV.

А л е к с ѣ в у.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты:
Я позабылъ любви призывы
И плѣнь опасной красоты;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ,
Я, равнодушный и лѣнивый,

Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ
Уже невластны надо мной.
Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣрить безразсудно.
Мужей обманывать грѣшно.
Прошелъ веселой жизни праздникъ.
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій я твержу:
„Нельзяль найти подруги нѣжной?
„Нельзяль найти любви надежной?“
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призракъ ложный,
Безъ упоительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Когда любовникъ изступленной,
Тоскуя, плачетъ предо мной
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда въ жару своихъ желаній
Съ восторгомъ изъясняетъ онъ
Неясныхъ, темныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянеть ревниваго супруга
Или докучливую мать:

Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминутнымъ повтореньямъ
Люблю съ участіемъ внимать;
Я льщу слѣпой его надеждѣ,
Я молодъ юностью чужой
И говорю: такъ было прежде
Во время оно и со мной.

XV.

К * * * н у.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантовъ обожатель страстной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можетъ быть, неправой,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блистала славой,
Я свистомъ гимны заглушилъ.
Погибни злобы мигъ единой,
Погибни лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селимевой и Моиной.
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поносить;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приносить.

XVI.

Ч * * * в у.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,

Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда, какъ сердце
дремлетъ

И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденія.
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенія,
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брѣшенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣтъ

И Царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной;
Въ минуту гибели надъ бездною потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Мнѣ-ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
О лепетаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ
И сплетней разбирать игривую затѣю,
Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
Печали раннія мою тѣснили грудь:
Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.
Одно желаніе: останься ты со мной!

Небесъ я не томилъ молитвою другою.
О, скоро-ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я: но только, ради Бога,
Гони ты *** отъ нашего порога.

XVII.

К ъ * * * .

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питать
И неизбѣжную разлуку
Въ уныньи робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней:
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
Отмститъ неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ прошедшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скороль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня“.

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ ненуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое:

Воителю слава отрада;

Побѣдой прославлено имя твое;

Твой щитъ на вратахъ Цареграда;

И волны и суша покорны тебѣ;

Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валъ

Въ часы роковой непогоды,

И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ

Щадятъ побѣдителя годы...

Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;

Незримый хранитель могущему данъ.

Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;

Онъ, чуя господскую волю,

То смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,

То мчится по бранисму полю,

И холодъ и сѣча ему ничего:

Но примешь ты смерть отъ коня своего."

Олегъ усмѣхнулся; однако чело

И взоръ омрачились думой.

Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,

Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;

И вѣрнаго друга прощальной рукой

И гладить и треплетъ по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,

Разстаться настало намъ время:

Теперь отдыхай; ужъ не ступить нога

Въ твое позлащенное стремя.

Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте полоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.“

И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же-ль онъ бурный, игривый?“
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донинѣ носилъ бы меня.“
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,

И видятъ: на холмѣ, у берега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

Такъ вотъ, гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змія
Шипя между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вокругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у берега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

II.

А д е л ь.

Играй, Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель

Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Чась упоенья
Лови, лови!
Младья лѣта
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣта
Люби, Адель,
Мою свирѣль.

III.

Д р у з ь я м ъ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ, Музы васъ благословили,
Вѣнками свыше осѣня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суетной работой,
Не рѣзью плѣняла насъ;

Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
Что, жажду Скиѣскую поя,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

Я пилъ, и дуною сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей.

IV.

Г р е ч а н к ѣ.

Ты рождена воспламенять
Воображеніе поэтовъ,
Его тревожить и плѣнять
Любезной живостью привѣтовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги томной,
Для упоенія страстей.
Скажи: когда пѣвецъ Леилы
Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеалъ,
Ужъ не тебя ль изображалъ
Поэтъ мучительный и милый?

Быть можетъ, въ дальней сторонѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя страдалецъ вдохновенной
Узналъ, иль видѣлъ какъ во снѣ,
И скрылся образъ незабвенной
Въ его сердечной глубинѣ.
Быть можетъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный трепетъ возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой:
И ты, склонясь къ его плечу....
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ. мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было;
Мнѣ ново наслаждаться имъ,
И, тайной грустію томимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.

У.

Баратынскому изъ Бессарабіи.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой русскою полна.
Еще донинѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутого:

Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
Въ тебѣ Овидія живаго.

VI.

Е м у ж е.

Я жду обѣщанной тетради:
Что жъ медлишь, милый трубадуръ?
Пришли ее мнѣ, Феба ради,
И награди тебя Амуръ.

VII.

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный
И ваши тайные цвѣты,
И вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни легкою толпой
Отъ береговъ холдной Леты
Слетаются на брегъ земной
И невидимо навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
Какъ ждетъ на пиръ семья родная
Своихъ замедлившихъ гостей...
Но, — можетъ быть, мечты пустыя—
Быть можетъ, съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя,

И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной;
Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блистаетъ
Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранить душа моя:
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я...

VIII.

П т и ч к а.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникъ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать!

IX.

П р і я т е л ю.

Не притворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не страшенъ лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,
Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ,
Твоя красавица не дура;

Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

Х.

У з н и к ъ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой;
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

Клюетъ и бросаетъ и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ
И вымолвить хочетъ: „Давай, улетимъ!

Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора,
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляетъ... лишь вѣтеръ да я!...“

1823.

І.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ дарить надеждою пустой

Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадою одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводить ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвить, любви не выражая.
Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?...
Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?...
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?...
Но я любимъ... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжело я страдаю.

II.

Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...

Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...

Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ печальна и одна...
Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;
Одна... ничѣмъ устамъ она не передаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.

.
.
.

Никто ея любви небесной не достоинъ.
Неправда! ты одна... ты плачешь... я спокоенъ;

.
Но если

III.

Д е м о н ъ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія

И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья—
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь,
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осыни,
Тогда какой-то злобный гений
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимый клеветую,
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

IV.

Т е л ѣ г а ж и з н и.

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телѣгу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: пошолъ!.....

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги;
Порастрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

Катитъ попрежнему телѣга.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до нощлега,
А время гонить лошадей.

У.

Н о ч ь.

Мой голосъ для тебя и ласковый и томной
Тревожить позднее молчанье ночи темной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча,
Текутъ, ручьи любви, текутъ полны тобою.
Во тмѣ твои глаза блистаютъ предо мною,
Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... твоя... твоя.

1824.

I.

(Подражаніе А. Шенье).

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ;
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.

Давно твоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали;
Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
Любви не утаишь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними,
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?... Краснѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродить
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
Ты тайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
Никто на праздникъ блистательнаго мая,
Межъ колесницами роскошными летая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не властвуетъ конемъ по прихоти своей..

II.

Прозерпина.

Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ аида бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путемъ однимъ.

Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ лстить измѣна:
Прозерпинѣ смертный миль.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зоветъ,
Обняла, и колесница
Ужъ къ аиду ихъ несетъ:
Мчатся, облакомъ одѣты;
Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ,
Предастъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы,
Въ сладострастной нѣгѣ тонетъ
И молчить и томно стонетъ...
Но бѣгутъ любви часы;
Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожать:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ.
И Кереры дочь уходитъ,
И счастливца за собой
Изъ элизія выводитъ
Цотаенною тропой;

И счастливецъ отпираетъ
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣннй ложный рой.

III.

К ъ м о р ю

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣднй разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣднй разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ!

Какъ я любилъ твои отзвывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ
И тишину въ вечернй часъ
И своеправные порывы!

Смиривный парусъ рыбарей,
Твоей прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средъ зыбей:
Но ты выигралъ, неодолимый,—
И стая товетъ кораблей.

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный берегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтический побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ.
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шумы, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:

Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Міръ опустѣлъ.
.
.
.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красоты,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса. въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

IV.

К о в а р н о с т ь .

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ извительнымъ молчаньемъ;
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ;
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою,—
Не говори: „онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою“;
Не говори: „неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ...“
Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ?

Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженѣхъ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей—
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

V.

Д * * * у.

*(На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на
полуденный берегъ Крыма).*

Нельзя, мой толстый Аристипъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ

Немного тощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ,—
Ему Горацій, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовѣ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду;
Но льстивыхъ одъ я не пишу,—
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

VI.

(Испанскій романсъ).

Ночной зефиръ
Струить эфиръ,
Шумить,
Бѣжить
Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна золотая,
Тихо... чу... гитары звонъ..
Вотъ испанка молодая
Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ
Струить эфиръ,
Бѣжить
Шумить,
Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,

И явись какъ яркій день!
Сквозь чугуныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струить эфиръ,
Шумигъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

VII.

Подражанія Корану ¹.

Посвящено П. А. О.

I.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой ²:

Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезю правды бодро слѣдуй,

Люби сиротъ, и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

II.

О, жены чистыя пророка,
Отъ всѣхъ вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тѣнь порока.
Подъ сладкой сѣнью тишины
Живите скромно: вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ,
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица.
А вы, о гости Магомета,
Стѣкаясь къ вечера его,
Брегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего.
Въ пареньи думъ благочестивыхъ,
Не любить онъ велерѣчивыхъ
И словъ нескромныхъ и пустыхъ:
Почтите пиръ его смиреньемъ,
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ ³.

III.

Смутясь, нахмурился пророкъ,
Слѣща слышавъ приближенье ⁴:
Бѣжить, да не дерзнетъ порокъ
Ему являть недоумѣнье,

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ;
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ!

Почто жъ кичится человѣкъ?
За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышитъ онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умереть, какъ слабъ родился?

За то ль, что Богъ и умертвить
И воскресить его по волѣ?
Что съ неба дни его хранить
И въ радостяхъ и въ горькой долѣ?

За то ль, что далъ ему плоды
И хлѣбъ и финикъ и оливу,
Благословивъ его труды
И вертоградъ и холмъ и ниву?

Но дважды ангелъ вострубитъ;
На землю громъ небесный грянетъ:
И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ.

И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ тобою древле, о Всесильный,
Могучій состязаться мнилъ,

Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя.
Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
Съ Тобою, Боже, равенъ я.
Но смолкла похвальба порока
Отъ слова гнѣва Твоего:
Подъемлю солнце я съ востока,
Съ заката подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой ⁵.

Зажегъ Ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ лень, елеемъ напоенной,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

Творцу молитесь; Онъ могучій:
Онъ править вѣтромъ; въ знойный день
На небо насылаетъ тучи;
Даетъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: Онъ Магомету
Открылъ сіяющій коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту,

И да падеть съ очей туманъ.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ молодыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекутъ: возьмите насъ съ собою;
Но вы скажите: не возьмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи:
Теперь они вошли въ эдемъ
И потонули въ наслажденьи,
Неотравляемомъ ничѣмъ,

VII.

Возстань, боязливый:
Въ пещерѣ твоей
Святая лампада
До утра горить.

Сердечной молитвой,
Пророкъ, удали
Печальныя мысли,
Лукавыя сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыщ своихъ даровъ расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
О сѣятель благополучной,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.

Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань,—
Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильной,
Исчезнуть, Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога ропталъ:
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
Въ пустынь блуждая три дня и три ночи,
И зноемъ и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
И кладязь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

И къ палмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжело языкъ и зѣнцы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
И многіе годы надъ нимъ протекали
По волѣ Владыки небесъ и земли.

Насталъ пробужденья для путника часъ;
Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
„Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?“
И онъ отвѣчаетъ: ужъ солнце высоко
На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
Съ утра я глубоко проспалъ до утра.

Но голосъ: „о путникъ, ты долѣе спалъ;
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;
Ужъ пальма истлѣла, а кладязь холодной
Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости бѣдѣютъ ослицы твоей“.

И горемъ объятый мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ...
И чудо въ пустынѣ тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главою;
Вновь кладязь наполненъ прохладой и мглой.

И вѣхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;

Святые восторги наполнили грудь:
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

VIII.

К ъ Я з ы к о в у.

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они—родня по вдохновенью;
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ!
Давно бѣ на дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бѣ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно вдохновенной
И звучной лирою твоей;
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье;
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь;
Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ
Влачу закованные дни...
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани:
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,

Царей, царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой арапъ;
Гдѣ, позабывъ Елизаветы
И дворъ, и пышныя обѣты.
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,—
Я жду тебя...

IX.

Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Стишки для васъ одна забава;
Немножко стоитъ вамъ присѣсть,
И разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
Итакъ рѣшите, жду я слова:
Назначьте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и грацій
Мы вмѣстѣ рублями замѣнимъ
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Нельзя ль узнать?

П О Э Т Ъ.

Я былъ далеко:

Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
Я видѣлъ вновь пріюты скалъ
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья
Съ неизъяснимою красой
Вились, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья.
Все волновало яѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми. досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ ведугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риемой замыкались.

Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихоръ буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопоть рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы молодой
Хранить любовникъ суевѣрной.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья тайнаго отрады:
Вы разошлись по рукамъ,
Межъ тѣмъ какъ пыльные громады
Лежалой прозы и стиховъ
Напрасно ждуть себѣ чтецовъ
И вѣтреной ея награды.

П О Э Т Ъ.

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ.
Не ждалъ за чувство воздаянья!

Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернью забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ ли чтеца?
Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья,
Жуковский то же говорилъ:
Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
Ихъ сладкозвучныя творенья.
И впрямъ, завиденъ вашъ удѣлъ:
Поэтъ казнить, поэтъ вѣнчаетъ;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальномъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ;
Съ Кориной на Киѳерскій тронъ
Свою любовницу возноситъ.
Хвала для васъ докучный звонъ,
Но сердце женщинъ славы просить:
Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
Пріятна лесть Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

П О Э Т Ъ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!

И я, средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Моя съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои:
Но полно; въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пуškai ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтреной души:
Нечисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,—
Я содрогаюсь; сердцу больно:
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
Причины вашихъ огорченій

Мнѣ знать нельзя; но исключеній
Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?
Ужели ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей,
И вашихъ пѣсенъ не присвоить
Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы.

П О Э Т Ъ.

Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ?
Безплодно память мучить онъ.
И что жъ? Какое дѣло свѣту
(Я всѣмъ чужой), душа моя
Хранить ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ та была, которой очи,
Какъ небо. улыбались мнѣ?
Вся жизнь: одна ли, двѣ ли ночи?
.
И что жъ? Докучный стонъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содроганьемъ:
Судьбою такъ ужъ рѣшено.
Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
Одна была—предъ ней одной

Дышаль я чистымъ упоеньемъ
Люби поэзіи святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,
Я находилъ огонь небесный,
Сгорая жаждою любви.
Ахъ, мысль о той любви завялой
Могла бы юность оживить,
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, ненужно ей.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Итакъ, любовью утомленной,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что жъ изберете вы?

П О Э Т Ъ.

Свободу.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ,—
Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье,
Но васъ я знаю, господа:
Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипить, бурлить воображенье;
Оно застынетъ, и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Чтс жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходятъ
Нетерпѣливые чтецы;
Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
За ними тощіе пѣвцы:
Кто просить пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера,
И, признаюсь, отъ вашей лиры
Предвижу много я добра.

П О Э Т Ъ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись.
Условимся.

1825.

I.

А н д р е й Ш е н ь е.

Посвящено Н. Н. Р.

Ainsi, triste et captif, ma lyre
toutefois

S'éveillait...

Межъ тѣмъ, какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,
Зоветь меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.
Пѣвцу любви, свободы, мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучить незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты.

*

Подъялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветъ.
Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ ¹.
Заутра казнь, привычный пиръ народу;
Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу:
Не измѣнилась до конца!

„Привѣтствую тебя, мое свѣтило!

Я славилъ твой небесный ликъ,

Когда онъ искрою возникъ,

Когда ты въ бурѣ восходило;

Я славилъ твой священный громъ,

Когда онъ разметалъ позорную твердыню

И власти древнюю гордыню

Разсѣялъ цепломъ и стыдомъ;

Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,

Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,

Великодушную присягу

И самовластію безтрепетный отвѣтъ;

Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны

Все ниспровергли, увлекли,

И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,

Перерожденіе земли.

Уже сіялъ твой мудрый геній,

Уже въ безсмертный пантеонъ

Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни;

Отъ пелены предубѣжденій

Разоблачался ветхій тронъ;

Оковы падали. Законъ,

На вольность опершись, провозгласилъ равенство,

И мы воскликнули: „Блаженство!“...

О горе! о безумный сонъ!

Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами

Единый властвуетъ топоръ.

Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами

Избрали мы въ цари! О ужась, о позоръ!

Но ты, священная свобода,

Богиня чистая! Нѣтъ, не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—
И вновь твои враги падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
Все ищетъ вновь упиться имъ;
Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бредить жаждою томимъ...
Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
И буря мрачная минетъ...

Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
Я плахъ обреченъ. Послѣдніе часы
Влачу. Завтра казнь. Торжественной рукою
Палачъ мою главу подыметъ за власы
Надъ равнодушною толпою.

Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали
Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.

Но, други, если обо мнѣ
Священно вамъ воспоминанье,—
Исполните мое послѣднее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;
Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье;
Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье:

О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
Еще жъ одна мольба: вы слушали стократъ
Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
Разнообразныя, завѣтныя преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
Всю жизнь мою хранятъ. У Авеля, у Фяни ²,
Молю, найдите ихъ; невинной музы дани
Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва
Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
Безвременно падетъ: мой недозрѣлый геній
Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній;
Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрной
И, долго слушая, скажите: это онъ;
Вотъ рѣчь его. А я, забывъ могильный сонъ,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, можетъ быть, утѣшенъ буду я
Любовью; можетъ быть, и *Узница* моя, ³
Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая..."

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
Младый пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
Пора весны его съ любовію, тоской
Промчалась передъ нимъ. Красавицъ томны очи,
И пѣсни, и пиры, и пламенные ночи,
Все вмѣстѣ ожило, и сердце понеслось
Далече... и стиховъ журчанье излилось:

„Куда, куда завлечь меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
Свободу, и друзей, и сладостную лѣнь?
Судьба лелѣяла мою златую младость;
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ.
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
Сѣнь, охраненную домашними богами.
Когда жъ, Вакхической тревогой утомясь
И новымъ пламенемъ внезапно воспалюсь,
Я утромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала:
Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!
Мнѣ ль было управлять строптивыми конями
И круто натягать безсильныя бразды?
И что жъ оставляю я? Забытые слѣды
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложной,
Ты. слово. звукъ пустой...

„О, нѣтъ!

Умолкни, ропотъ малодушной!

Гордись и радуйся, поэтъ:

Ты не поникъ главой послушной

Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ;

Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;

Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,

Жестокимъ блескомъ озарилъ

Совѣтъ правителей безславныхъ ⁴;

Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ

Сихъ палачей самодержавныхъ;

Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;

Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;

Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ

Кинжалъ и дѣву-эвмениду!

Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ

Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой:

Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,

И передъ вами трепеталъ

Ареопагъ остервенѣлой.

Гордись, гордись, цѣвецъ; а ты, свирѣпый звѣрь,

Моей главой играй теперь:

Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, без-
божнѣй:

Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!

Пей нашу кровь, живи. губя:

Ты все пигмей, пигмей ничтожный.

И часъ придетъ... и онъ ужъ недалекъ:

Падешь, тиранъ! Негодованье

Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыданье
Разбудить утомленный рокъ.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя.“

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ поднималъ влажны взоры...
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды
нѣтъ!

Звучать ключи, замки, запоры.
Зовутъ... Постой, постой; день только, день одинъ:
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа ⁵.
Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждетъ палачъ.
Но дружба смертный путь поэта очаруетъ ⁶.
Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуетъ ⁷...
Плачь, муза, плачь!...

II.

Сожженное письмо.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!...
Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви.
Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
Ужъ пламя жадное листы твои пріемлетъ...

Минуто!... вспыхнули... пылаютъ... легкій дымъ
Віясь теряется съ моленіемъ моимъ.
Ужъ перстня вѣрнаго утрата впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кицить... О провидѣнье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легкомъ пещлѣ ихъ завѣтныя черты
Бѣлѣютъ... Грудь моя стѣснилась. Пепелъ милой,
Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди...

III.

Желаніе славы.

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя,—
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальному упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,

Измѣны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынь,
И все передо мной затмилось! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ монимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чтобъ ты мною
Окружена была, чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ,
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во тмѣ ночной, въ минуту разлученья.

IV.

Вакхическая пѣсня.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, Вакхальны припѣвы!
Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣе стаканъ наливайте!

На звонкое дно

Въ густое вино

Завѣтныя кольца бросайте!

Подымемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!

Ты, солнце святое, гори!

Какъ эта лампада блѣднѣетъ

Предъ яснымъ восходомъ зари,

Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ

Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тма!

V.

Д в и ж е н і е.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить;
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводить:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходить,
Однако жъ правъ упрямый Галилей.

VI.

Д р у ж б а.

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ.

VII.

Соловей и кукушка.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчитъ, и свищетъ, и гремитъ;
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердитъ,

И эхо вслѣдъ за нею то же.
Накуковали намъ тоску!
Хоть убѣжать. Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ куку!

VIII.

С о в ѣ т ь.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой.
Сердиться грѣхъ—но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграммой.

IX.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей

Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

Х.

19 о к т я б р я.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ,
Сребритъ морозъ увянувшее поле,
Проглянетъ день какъ будто поневолѣ,
И скроется за край окружающихъ горъ.
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Прелей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
Минутное забвенье горькихъ мукъ.

Печаленъ я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое не слышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ....
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?

Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? кого межъ вами нѣтъ?

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ русскою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь троикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
Счастливый путь!.. Съ Лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и буръ любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ—

Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастье куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское село.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

И вывѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный.
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ.

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ—фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгий;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись:

Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной,
Подъ бурю главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермесскихъ дѣвъ.
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О Дельвигъ мой: твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсень въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Служенье музъ не терпитъ суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся—но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ, не то ль и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!

Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ—
Приди; огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ, и съ вами снова я,
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ, и я явлюся къ вамъ!
О сколько слезъ и сколько восклицаній,
И сколько чашъ подъятыхъ къ небесамъ!
И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствуетъ Лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу.
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ;
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальный сиротѣтъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость и лишній и чужой.
Онъ вспомнить насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пусть же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

XI.

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почію безмятежной,
Пока дохнетъ веселый день
И двинется ночная тѣнь.

XII.

Вертоградъ моей сестры
Вертоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный.
У меня плоды блестятъ
Наливные, золотые;
У меня бѣгутъ, шумятъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:

Лишь повѣтъ аквилонъ,
И закаплютъ ароматы.

XIII.

П. А. О ***.

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ,
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.

Но и въ дали, въ краю чужомъ
Я буду мыслю всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подъ сѣнью липъ домашней.

Когда померкнетъ ясный день,
Одна изъ глубины могильной
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ бросить взоръ умильной.

XIV.

Н. Н.

(При посылкѣ ей Невскаго Альманаха).

Примите Невскій Альманахъ.
Онъ милъ и въ прозѣ и въ стихахъ:
Вы тутъ найдете [Полев]ова,
Вел[икопопольскаго], Х[восто]ва;
К[няжевичъ], дальній вашъ родня,

Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.
Что слава міра?.. дымъ и прахъ.
Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!...
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попасть и въ этотъ альманахъ.

ХV.

Б у р я.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушuya въ бурной мглѣ.
Играло море съ берегами,
Когда лучъ молній озарилъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И вѣтеръ бился и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?
Прекрасно море въ бурной мглѣ
И небо въ блескахъ безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

ХVI.

П р і я т е л я м ъ.

Враги мои, покажѣсть я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда-нибудь любого:
Не избѣжить пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, беспощадный.

Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожить индѣекъ и гусей.

XVII.

Если жизнь тебя обманетъ,—
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.

Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

XVIII.

С а ф о.

Счастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ:
Душою гордою, и пылкой, и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

XIX.

К о з л о в у.

(По полученіи отъ него „Чернеца“).

Пѣвецъ! Когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,—
Мгновенно твой проснулся гений,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:

Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.
Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра;
О нѣтъ, не даромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

XX.

Ex ungue leonem.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустилъ ее, злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

XXI.

К ъ * * *.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,

Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твой небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье,
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье.
И жизнь, и слезы, и любовь.

XXII.

Прозаикъ и поэтъ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопчешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я завоюю,
Летучей риемой оперю,

Взложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу.
А тамъ пошлю наудалую—
И горе нашему врагу!

XXIII.

З и м н і й в е ч е р ь .

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри свѣжныя крутя:
То какъ звѣрь она завоюетъ,
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалою
Вдругъ соломой зашумитъ,
То какъ путникъ запоздалой
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна;
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей!
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;

Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоеетъ,
То заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей!
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

1826.

I.

П р о р о к ъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылой Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,

И вырвалъ грѣшный мой языкъ.
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угля, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынь я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, Пророкъ. и виждь, и внемли,
Исполнишь волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей“.

II.

Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна.
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжить,
Колокольчикъ однозвучной
Утомительно греметь.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,

То сердечная тоска....

Ни огня, ни черной хаты....

Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ

Только версты полосаты

Попадаютъ однѣ.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,

Завтра къ милой возвратясь,

Я забудусь у камина,

Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая

Мѣрный кругъ свой совершить,

И докучныхъ удаляя

Полночь насъ не разлучить.

Грустно, Нина: путь мой скученъ,

Дремля смолкнулъ мой ящикъ,

Колокольчикъ однозвученъ,

Отуманенъ лунный ликъ.

III.

О т в ѣ т ѣ Ѳ. Т * * *.

Нѣтъ, не Черкешенка она:

Но въ долы Грузіи отъ вѣка

Такая дѣва не сопла

Съ высотъ угрюмага Казбека.

Нѣтъ, не агать въ глазахъ у ней:

Но всѣ сокровища востока

Не стоятъ сладостныхъ лучей

Ея полуденнаго ока.

IV.

К ъ Я з * * *.

Яз***, кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь, и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣтъ, не Кастальскою водой
Ты воспоилъ свою камену;
Пегасъ иную Иппокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не холодной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородной,
Сліянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

V.

С т а н с ы.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,

И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь Ирацшуру подобенъ:
Какъ Онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

VI.

Къ Баратынскому.

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зоилъ---прямой чухонецъ.

1827.

I.

Ч е р е п ъ.

Прими сей черепъ, Д***: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.

Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей неразъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ въ недобрый часъ
По немъ со звономъ ударялся.
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну словомъ. черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Д***. Баронъ,
Конечно былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился бѣ рыцарской душой,
Когда бѣ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной

И эпитафіей плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ и цсѣтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, фізіологъ,
Идеологъ и філологъ,
Короче вамъ—студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ,
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво,
Въ дыму табачныхъ облаковъ;
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ, или съ горя
Стихи писать, да бить Жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницей трактира
Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркаль и картинъ,
Короткій плащъ, картузь, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточныхъ лексикона,
Подъ паутиною въ углу
Лежали грудой на полу,
Предметъ занятій разнородныхъ
Ученаго, да крысъ голодныхъ.
Мы знаемъ: роскоши пустой

Почтенный мыслитель не ищетъ;
Смѣясь надъ глупой суетой,
Въ чуланѣ онъ безопасно свѣщеть.
Умѣренность, вѣщаль мудрецъ,
Сердце высокихъ отпечатокъ.
Студентъ однакожъ наконецъ
Замѣтилъ важный недостатокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ... скелетъ;
Предметъ, философамъ любезный,
Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣтъ:
Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
Вотъ онъ однажды въ воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
И тотчасъ взявъ въ соображеніе
Его характеръ и служеніе,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говорить: нельзя ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свести меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между тѣмъ одинъ скелетъ
Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
Клянусь тебѣ Айдескимъ ботомъ:
Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обители моей.

Смутился кистеръ изумленный.
„Что за желанье? что за страсть?
Итти въ подвалъ уединенный,
Встревожить мертвыхъ сонъ почтенный
И одного изъ нихъ украсть!
И кто же?... Онъ, гробовъ хранитель!
Что скажутъ мертвые потомъ?“
Но пиво, страха усыпитель
И гнѣвной совѣсти смиритель,
Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
Что къ ночи будетъ все готово
И другу назначаетъ часъ.
Они разстались.

День угасъ.

Настала ночь. Плащемъ покрытый,
Стоитъ герой нашъ знаменитый
У галлерей гробовой,
И съ нимъ преступный кистеръ мой,
Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
Готовъ на подвигъ роковой.
И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
Визжитъ предательская дверь—
И сходятъ витязи теперь
Во мракъ подвала величавый;
Сіяньемъ тощимъ фонаря
Глухіе своды озаря,
Идутъ—и эхо гробовое,
Смущенное въ своемъ покоѣ,
Протяжно вторить звукъ шаговъ.

Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
Вездѣ щиты, гербы, короны;
Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ
Почіють непробуднымъ сномъ
Высокородные бароны....

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рифмы въ эту поэтическую минуту, если бы твой прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента, вздумалъ за себя вступить, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какъ-нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію похищеніе совершилось благополучно. Студентъ по частямъ разобралъ всего барона и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію и, зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ я обязанъ твоимъ существованіемъ.

Прими жъ сей черепъ, Д * * *: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.

Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благопристойную оправу.
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу,
Виномъ кипящимъ освяти,
Да запивай уху да кашу.
Пѣвцу Корсара подражай,
И Скандинавовъ рай воинской
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или, какъ Гамлетъ-Баратынской,
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ ли полный иль пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.

П.

П о э т ъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчить его святая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепетается,
Какъ пробудившійся орель.

Тоскуеть онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонить гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

III.

(Переводъ изъ А. Шенье.)

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Вespera по взморію плыветъ,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою, поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ улаждать свой путь надъ бездною волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ отзыва утѣшно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

IV.

Княгинѣ З. А. Волконской.

(Посылая ей поэму: Цыганы).

Среди разсѣянной Москвы,

При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ уявчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣннаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

V.

А н г е л ъ .

Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

„Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавиждѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.“

Т а л и с м а н ъ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
На пустынные скалы,
Гдѣ луна теплѣе блещеть
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ мусульманъ;
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

И ласкаясь, говорила:
„Сохрани мой талисманъ—
Въ немъ таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.
Отъ недуга, отъ могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ,
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ,

И богатствами Востока
Онъ тебя не одаритъ,
И поклонниковъ Пророка
Онъ тебѣ не покоритъ;
И тебя на лоно друга,
Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,
Въ край родной, на сѣверъ съ юга
Не умчитъ мой талисманъ...„

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,

Иль уста во мракѣ ночи
Поцѣлуютъ, не любя:
Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны. отъ забвенья
Сохранить мой талисманъ!“

VII.

З о л о т о и б у л а т ь .

Все мое, сказала злато;
„Все мое“, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказала злато;
„Все возьму“, сказалъ булатъ.

VIII.

19 октября 1827.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

1828.

I.

Ч е р н ь .

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной

Рукой разсѣянной бряцаль.
Онъ пѣлъ—а хладный и надменный
Кругомъ народъ непосвященный
Ему безмысленно внималъ.

И толковала чернь тупая:
„Зачѣмъ такъ звучно онъ поеть?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчить? чему насъ учить?
Зачѣмъ сердца волнуетъ. мучить,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и бесплодна:
Какая польза намъ отъ ней?“

П О Э Т Ъ.

Молчи, безмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все—на вѣсь
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже;
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Ч Е Р Н Ъ.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,

Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

п о э т ъ.

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживить васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!—
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

(Конрадъ Валленродъ).

Сто лѣтъ минуло, какъ Тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже Прусакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся, и въ Литву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными берегами
Струился Нѣманъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя,
Духовъ пристанища святыя.
Символъ Германца, на другомъ
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона,
И плѣмя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлечь.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысьей шапкѣ, съ лукомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юные, въ толпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,

Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ Нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пишаль, съ молитвой. заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ:
Токъ Нѣмана гостепріимной,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишенъ былъ жизни иль свободы.
Лишь хмѣль Литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
По старинѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

III.

У т о п л е н н и к ъ.

(Простонародная сказка).

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
„Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца.“
Врите, врите, бѣсенята,

Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ робята!
Будеть вамъ ужо мертвецъ!

Судъ найдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего; хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ жъ мертвецъ?—„Вонъ, тятя, э-вотъ!“
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятьъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ:

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшить;
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащить,
И отъ берега крутого
Оттолкнувъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова.
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ качаясь, какъ живой:

Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
„Вы, щенки! за мной ступайте!
Будеть вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то поколочу“.

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика,
Дѣти спать, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ,
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

„Кто тамъ?“ — Эй,пусти, хозяинъ! —
„Ну,какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.“
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится —
Что же? голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открыть и недвижимъ,
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,

И въ распухнувшее тѣло
Раки черныя впились.

И мужикъ окно захлопнулъ:
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ: чтобъ ты лопнулъ!
Прощепталъ онъ задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаётъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

IV.

Т Ы И В Ы.

Пустое *вы* сердечнымъ *ты*
Она обмолвись замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво стою;
Свести очей съ нея нѣтъ силы,
И говорю ей: какъ *вы* милы!
И мыслю: какъ *тебя* люблю!

V.

Нсбылица молодая,
Честь Кавказскаго тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебѣ пришла пора;
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своеюравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направь
Укороченной уздой.

VI,

О т в ѣ т ъ К а т е н и н у .

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не нью, любезный мой сосѣдъ!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но упоительной отравой:
Онъ заманить меня потомъ
Тебѣ вослѣдъ опять за славой.
Не такъ ли опытный гусаръ,
Вербую рекрута, подносить
Ему веселый Вакха даръ,
Пока воинственный угаръ
Его на мѣстѣ не подкосить?

Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ строяхъ Парнасса;
Предъ дѣломъ кубокъ наливай
И лавръ Корнея или Тасса
Одинъ съ похмѣлья пожинай.

VII.

Н а п е р с н и к ъ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ:
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоителенъ языкъ!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

VIII.

И. В. С * * *

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
Ихъ ослѣпительная смѣсь
Аспазій нашихъ благородныхъ
Провозглашаетъ только спѣсь.
Альбомъ красавицы уѣздной,
Альбомъ домашній и простой,
Милѣй болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
Являться впрочемъ не хочу,

Но твой альбомъ другое дѣло,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцамъ Аполлона
Не изъ тщеславья онъ открыть:
Царицъ ты любишь Геликона
И ими самъ не позабыть;
Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
Какъ въ дружескій, пріятный домъ,
Почтивъ хозяина привѣтомъ
И ларь молитвеннымъ стихомъ.

IX.

В о с п о м и н а н і е .

Ногда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмь стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Х.

(Шотландская пѣсня).

Воронъ къ ворону летить,
Воронъ ворону кричить:
Воронъ, гдѣ бѣ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
Въ чистомъ полѣ подъ раkitой
Богатырь лежитъ убитой.

Кѣмъ убить и отъ чего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Соколъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ милова.
Не убитаго, живова.

ХІ.

П р е д ч у в с т в і е.

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей

Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать твою, мой ангелъ, руку
Я спѣшу въ послѣдній разъ.

Ангелъ кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости,
Опечалься: взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Замѣнить душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней.

ХІІ.

Ц в ѣ т о к ъ.

Цвѣтокъ засохшій, безуханной,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли руксю?
И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья,
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

XIII.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ псеволн, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранить—
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходить маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.

XIV.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсецъ Грузинъ печальной:
Напоминаютъ мнѣ опѣ
Другую жизнь и берегъ дальней.

Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе нацѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!...

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь—и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.

XV.

Отвѣтъ А. И. Готовцовой.

И недоувѣрчиво и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стойкъ, приметъ хладно
Привѣтъ харить и красоты?
Горжуся имъ, но и робѣю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ ужели я навлекъ?
О, сколько бъ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вѣтрёный Зоиль,
Когда бъ предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ; а ты
Была всегда бъ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

XVI.

To Dawe esq^r

Зачѣмъ твой дивный карандашъ

Рисуешь мой арапскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищеть Мефистофель.

Рисуй * * * черты.
Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ гений.

XVII.

(Отрывокъ изъ Андрея Шенье).

Наковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой.
А не исправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы...

XVIII.

26 мая 1828.

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

XIX.

А н ч а р ъ.

Древо яда.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной.
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листь его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ,
И тотъ послушно въ путь потекъ
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листьями,—
И потъ по блѣдному челу
Струился холодными ручьями;

Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А князь тѣмъ ядомъ наплатъ
Свои послушливыя стрѣлы
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдамъ въ чуждые предѣлы.

1829.

I.

Е. Н. У * * * в о й.

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ докажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы Сильфиды,

Что ваши алыя уста.
Какъ гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза
Предъ вами шумъ и суета.
Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ—
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память поневолѣ
Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Пр*** поле
Еще заборъ не заграждалъ.

II.

Подъѣзжая подъ Ижору,
Я взглянулъ на небеса
И вспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.
Хоть я грустно очарованъ
Вашей дѣвственной красой,
Хоть вампиромъ именованъ
Я въ губерніи Тверской,
Но колѣнъ моихъ предъ вами
Преклонить я не посмѣлъ
И влюбленными мольбами
Васъ тревожить не хотѣлъ.
Упиваясь непріятно
Хмѣлемъ свѣтской суеты,
Позабуду, вѣроятно,
Ваши милыя черты,

Легкій станъ, движеній стройность,
Осторожный разговоръ,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.
Если жъ нѣтъ... по прежню слѣду
Въ ваши мирные края
Черезъ годъ опять заѣду
И влюблюсь до ноября.

III.

П р и м ѣ т ы.

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой.

Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суетѣрные примѣты
Согласны съ чувствами души.

IV.

В ѣ а л ь б о м ѣ.

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умереть, какъ шумъ печальный

Волны, плеснувшей въ берегъ дальнѣй,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставить мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ. нѣжныхъ.

Но въ день печали, въ тишинѣ
Пропзнеси его, тоскуя,
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я!

V.

Я васъ любилъ; любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

VI.

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва,

И ты по приговору свѣта
На честь утратила права,

Одинъ, среди толпы холодной,
Твой страданья я дѣлю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумиръ безчувственный молю.

Но свѣтъ... Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ;
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрная гоненья;
Къ забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душный кругъ,
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

VII.

О т р ы в о к ъ.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла.
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!.. Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,

И сердце вневъ горить и любить—оттого,
Что не любить оно не можетъ.

VIII.

И з ъ Г а ф и з а.

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавой
Съ карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встрѣтитъ:
Азраиль среди мечей
Красоту твою замѣтитъ—
И пощада будетъ ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений.
Прелесть нѣги и стыда!

IX.

Д о н ъ.

Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!.. Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Евфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони
Арпачайскую струю.

Приготовъ же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

Х.

Д е л и б а ш ь.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.

Делибашъ, не суйся къ лавѣ!
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешьъ на копье.

Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите—каковы:
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

Монастырь на Казбекѣ.

Высоко надъ семьею горъ
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ чуть видный надъ горами.

Далекій, возжелѣнный берегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ...

К а в к а з ъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшися вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселъ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой,
А тамъ уже рощи, зеленые сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣзятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремлинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельѣ,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельѣ.

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему. ни ограда:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

ХІІІ.

Дорожныя жалобы.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ.

На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобранномъ мостомъ.

Иль чума меня подцѣпитъ,

Иль морозъ окостенить,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпить
Непроворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу, подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ.
Иль со скуки околѣю
Гдѣ-нибудь въ карантинѣ.

Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой разѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
На досугъ помышлять!

То ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома!..
Ну, пошелъ же, погоняй!..

XIV.

О б в а л ь.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумять и цѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропшеть боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ
И Терека могущій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ,
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои берега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудю лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ,
И шумной пѣной орсалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкий шелъ,
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

XV.

О л е г о в ъ щ и т ъ .

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный варягъ,

Пришла славянская дружина
И развила побѣды стягъ,—
Тогда, во славу Руси ратной,
Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
На цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли;
Но днесъ, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли,—
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

XVI.

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла. иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ---и тотчасъ на коня
И рысю по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на бѣлый снѣгъ прилежными глазами;
Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.

Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горить; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ.
Читать хочу—глаза подъ буквами скользятъ,
А мысли далеко.... Я книгу закрываю;
Беру перо, сажу, насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
Надъ риемой, надъ моею прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ...
Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сажу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданная семья: старушка, двѣ дѣвицы
(Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы),
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры.
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ — и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтренныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленные встрѣчи;

И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь—и вьюга ей въ лицо!
Но бури сѣвера не вредны русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!..

XVII.

Зимнее утро.

Морозъ и солнце—день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный;
Пора, красавица, проснись!
Открой сомкнуты нѣгой взоры,
Навстрѣчу сѣверной Авроры
Звѣздою сѣвера явись!

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла—
А нынче... погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами,
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣтъ,
И ель сквозь иней зеленѣтъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь,

Пріятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

XVIII.

Элегическій отрывокъ.

Поѣдемъ, я готовъ: куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію ль стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли, наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи,—
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ... Но, друзья,
Скажите: въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?

.

XIX.

С т а н с ы.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,

Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,—
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,—
Мы все сойдемъ подъ вѣчны своды,
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,—
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,—
Уже я думаю: „Прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти“.

День каждый, каждую минуту
Привыкъ я душой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ страствѣи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

XX.

З а г а д к а.

(При посылкѣ Дельвигу бронзоваго сфинкса).

Кто на снѣгахъ возрастилъ Оеокритовы нѣжныя
розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ
германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши.

XXI.

Литературное извѣстіе.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій;
Свои статьи Елагинъ общалъ;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ;
Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ.
И говорятъ, на дняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преполезный трудъ.
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтѣбъ подоспѣлъ Михайло (Каченовскій).

XXII.

Къ **.

Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ. въ картахъ и въ пирахъ;
Ты St.-Priest въ карикатурахъ,
Ты Нелединскій въ стихахъ;
Ты прострѣленъ на дуэль,
Ты разрубленъ на войнѣ,—
Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ,
Но повѣса ты вполне.

1 8 3 0.

I.

О т в ѣ т ь .

Я васъ узналъ, о мой оракулъ,
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракулъ,
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ... столь неправымъ,
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора въ Москву! Въ Москву сейчасъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи—ледъ, сердца—гранитъ;
Здѣсь вѣтъ ни вѣтренности милой,
Ни музъ, ни Прѣсни, ни харитъ.

II.

С т а н с ы.

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лиръ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ.
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

III.

Н о в о с е л ь е.

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ

Ты перенесъ—а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.
Ты счастливъ: ты свой домикъ малой,
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.

IV:

К ъ в е л ь м о ж ѣ .

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣтъ липа,—
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явился я, увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.

Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человекъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней,—и циникъ поспѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь проницательный и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лестъ его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.

Съ Фернеемъ распростясь, увидѣль ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтренымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ,
То читатель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгъ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аею иль деисту,
Какъ любопытный Скиоъ аеинскому софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ;
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
Онъ сталъ рассказывать о ножкахъ, о глазахъ,
О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;
Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
Какъ пылкій отрока, восторговъ полный, сонъ;

Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ и, не страшась ревниваго испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ...
О, расскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащомъ.

Все измѣнилось. Ты видѣлъ вихорь бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,
Псдъ гильотиною Версаль и Трианонъ
И мрачнымъ ужасомъ смѣненные забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давео Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судебъ разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Довныи странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептический причетъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касти,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мыѣнья, толки, страсти
Забиты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, бывшее истребя.

Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младя поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свѣсть приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечъ едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣлствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ А[лябьевой], и прелесть П[енчаровой].
Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановъ,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окна глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразной.

Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ балъ и мраморныхъ палатъ,
Вельможи римскіе встрѣчали свой закагъ,
И въ нимъ издалека то воишь, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись—день другой роскошно отдохнуть,
Вдохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

V.

П о э т у.

(Сонетъ).

Поэтъ. не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ.
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

VI.

М а д о н н а.

(Сонетъ).

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украстить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,

Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель—

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

VII.

С о н е т ъ.

Scorn not the sonnet, critic.
Wordsworth.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливаль;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камюэнсъ облакалъ.

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,
Когда, вдали отъ суетнаго свѣта,
Природы онъ рисуетъ идеалъ.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненной
Свои мечты мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

VIII.

Цыганы.

(Съ англійскаго).

Надъ лѣсистыми берегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры:
Я бы самъ въ иное время
Провождалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете—но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.

Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.

IX.

Отвѣтъ Анониму.

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденью,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ!
О, кто бы ни былъ ты, старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,

Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ.
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ—
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ,
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразить сердечный тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно унылой,
Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой,—
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ иль порой
Неблагодарною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье,—
„Тѣмъ лучше. говорятъ любители искусствъ,
Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ“. Но счастье поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно...

.

Х.

Б ѣ с ы.

(Ш а л о с т ь).

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.

Їду, чду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

—Эй, пошелъ, ямщикъ!.. „Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
Да кружить по сторонамъ.

Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой—
И пропалъ во тмѣ пустой“.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силь намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?
„Кто ихъ знаетъ: пенъ иль волкъ?“

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ, ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ дѣнь-дѣнь-дѣнь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ,
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ?
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

XI.

П ъ с н я.

Here's a health to thee, Mary.
Barry Cornwall.

Пью за здравіе Мери,

Милой Мери моей.

Тихо заперъ я двери
И одинъ, безъ гостей,
Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.

XII.

На переводъ Иліады.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской
рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

XIII.

Царскосельская статуя.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
Чудо! Не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой;
Дѣва надъ вѣчной струей вѣчно печальна сидитъ.

XIV.

О т р о к ъ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря;

Мальчикъ отцу помогаль. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи инья тебя ожидаютъ, инья заботы:
Будешь уми уловлять, будешь помощникъ парямъ.

XV.

Р и е м а.

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеноя-
Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.
Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога:
Межъ говорливыхъ наядъ, мучась, она родила
Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь Аонидъ.
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музамъ мила, на землѣ Риемой зовется она.

XVI.

Т р у д ъ.

Мигъ вождѣнный насталь. Оконченъ мой трудъ много-
лѣтній.

Чтожь непонятная грусть тайно тревожить меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ подень-
щикъ ненужный,

Плату пріавшій свою, чуждый работъ другой?
Или жаль мнѣ труда. молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?

XVII.

Э л е г і я.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье

Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулить мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

1831.

I

Э х о.

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ,—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внимлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;

Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

II.

К р а с а в и ц а.

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье,—
Но встрѣтись съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно
Благоговѣя богомольно
Передъ сятинею красоты.

1833.

I

Г у с а р ъ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
„Занесъ же вражій духъ меня
На распроклятую квартиру!

Здѣсь челоуѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ:
Насилу шей пѹстыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хоть пару поддавай,
А молодицы, молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки *чернобровой*.
Однимъ, однимъ не хороши...“
—А чѣмъ же? Расскажи, служивый.

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: „Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глушь; а мы видали видали виды.

Ну слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

Вотъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ, что люблю:

Прибью—Марусенька моя
Словечка не промолвить грубо;

Напьюсь—уложить и сама
Опохмѣлиться приготовить;
Мигну бывало: эй, кума!—
Кума ни въ чемъ не прекословить.

Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? Врагъ попуталъ, видно.

Зачѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ? Кто просить?
Шалить Марусенька моя;
Куда ее лукавый носить?

Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря),

И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула

И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой;
Тамъ съ полки стекляночку взяла
И, сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

Раздѣлась до нага; потомъ
Изъ стклянки три раза хлебнула
И вдругъ на вѣникъ верхомъ
Взвилась въ трубу и улинула.

Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И съ печки слѣзь—и вижу: стклянка.

Понюхалъ: кисло! что за дрянъ?
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лохань—
И оба въ печь. Я вижу: худо!

Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ стклянкой;
Какъ фыркнетъ онъ! Я—„брысь!..“ И вотъ—
И онъ туда же, зѣ лоханкой.

Я ну кропить по всѣмъ угламъ
Съ плеча, во что ужъ ни попало,—
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ-маршъ! все въ печку поскакало.

Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! И духомъ
Всю стклянку вышилъ; вѣрь не вѣрь,—
Но кверху вдругъ взвился я пухомъ.

Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда—не помню и не знаю;

Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!.. И на земь упадаю.

Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы, поютъ, играютъ,
Свистятъ и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

Я плюнулъ и сказать хотѣлъ...
И вдругъ бѣжить моя Маруся:
„Домой! кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ!“—Но я не струся:

Домой? Да! Чорта съ два! почему
Мнѣ знать дорогу!—„Ахъ, онъ странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный!“

Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня!—„На, дурень, вотъ и конь!“—
И точно: конь передо мною
Скребеть копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

„Садись.“—Вотъ, сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки—нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня,—
И очутились мы у печки.

Гляжу: все такъ же; самъ же я
Сижу верхомъ, и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вотъ что случается порою!“

И сталъ крутить свой длинный усъ,
Прибавя: „Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусь.
Да глупъ; а мы видали виды.

II.

В о е в о д а.

Поздно ночью изъ похода
Воротился воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ —
Никого: пуста кровать.

И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потушилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ...
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
„Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!

А зачѣмъ вѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ. хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку,
Ну, за мнсю!... Я жъ ее!“

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ—и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ, у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
И мужчина передъ ней.

Говорить онъ: „Все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ;
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье,—
Воевода все купилъ.

Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,—
И ему ты отдалась.

Я скакалъ во мракѣ ночи—
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать,
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья
И потомъ навѣкъ бѣжать“.

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣни ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,—

Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно...

„Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,
Бѣдный хлопецъ прошенталъ:
„Вѣтеръ, что ли—плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи;
Порохъ въ полку не попалъ“.

— „Тише вы, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потихе;
Прежде я; ты погоди“.

Выстрѣлъ по саду раздался,
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся...
Хлопецъ, видно, промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

III.

Будрысь и его сыновья.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами:
„Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода:
Пазъ идетъ на поляковъ, а Ольгердъ на пруссаковъ,
А на русскихъ Кестутъ-воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранятъ васъ литовскіе бѣги!).
Нынче самъ я не ѣду—васъ я шлю на побѣду,
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ русскихъ добычей:
Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ на-
рядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ пруссаковъ, отъ проклятыхъ крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогого:
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта,
Янтаря—что песку тамъ морского.

Третій съ Пазомъ на ляха пусть ударитъ безъ страха.
Въ Польшѣ мало богатства и блеску;
Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше польской дѣвицы:
Весела—что котенокъ у печки,
И какъ роза румяна, а бѣла—что сметана;
Очи свѣтятся, будто двѣ свѣчки!

Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздилъ я тоже
И оттуда привезъ себѣ жонку;

Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку!“

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
Ждетъ-пождетъ ихъ старикъ домовитый;
Дни за днями проводить; ни одинъ не приходитъ.
Будрысь думалъ: ужъ, видно, убиты!

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
„Чѣмъ тебя надѣлили? Что тамъ? Ге! не рубли ли?“
— Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
„Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?“
— Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.
Старый Будрысь хлопочетъ и спросить ужъ не хочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

Р а з н ы х ъ г о д о в ъ.

I.

Р о з а.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:

Такъ вянетъ младость!
Не говори:
Вотъ жизни радость!
Цвѣтку скажи:
Прости, жалѣю!
И на лилею
Намъ укажи.

II.

Л и л ѣ.

Ли́ла, Ли́ла, я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Ли́ла: ты прекрасна
И безчувственной красой.

III.

К. А. Б***

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дороже.
Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
Подумавъ, я скажу все то же.

IV.

И м е н и н ы.

Умножайте шумъ и радость;
Пойте пѣсни въ добрый часъ:

Дружба, грація и младость
Именинницы у насъ.
Между тѣмъ дитя крылато,
Васъ привѣтствуя, друзья,
Втайнѣ думаетъ: когда-то
Именинникъ буду я?

V.

Добрый человѣкъ.

Ты правъ, несносенъ Оирсъ ученый,
Педантъ надутый и мудреный:
Онъ важно судить обо всемъ,
Всего онъ знаетъ понемногу.
Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
Ты просто глупъ, и слава Богу.

VI.

У е д и н е н і е.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

VII.

Исторія стихотворца.

Внимаетъ онъ привычнымъ слухомъ
Свистъ;

Мараеъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Потомъ всему терзаеъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаеъ, и въ Лету—
Бухъ!

VIII.

У Кларисы денегъ мало,
Ты богатъ; иди къ вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

IX.

И н о с т р а н к ъ.

На языкѣ, тебѣ невнятномъ,
Стихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну,
Въ разлукѣ чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя.
На чуждыя черты взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая.

X.

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный Зоиль

Разводитъ опіумъ червиль
Слюнею бѣшеной собаки.

XI.

Къ портрету***.

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

XII.

Прозаикъ и поэтъ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопчешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей риемой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А тамъ пошлю наудалую—
И горе нашему врагу!

XIII.

Л ю б о п ы т н ы й.

Что жъ новаго?—„Ей-Богу, ничего“.
—Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не стыдно ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага, ты вѣчно все скрываешь.
Иль ты сердитъ? Помилуй, братъ, за что?
Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...
—„Охъ, отвяжись, я знаю только то,
Что ты дуракъ, да это ужъ не ново“.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(Къ Подражаніямъ Корану).

1. „Нечестивые, ишеть Маг метъ (глава *Награды*), думаютъ, что Коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басенъ“. Мнѣніе сихъ *нечестивыхъ* конечно справедливо; но, не смотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла воздѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ или третьемъ лицѣ.

2. Въ другихъ мѣстахъ корана Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелию и порокомъ, ангеломъ и человекомъ и проч. Странный сей реторическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поминутно.

3. „Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скромнъ; но я не имѣю нужды съ вами чиниться“. и проч. Ревность Араба такъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ.

4. Изъ книги *Слѣпецъ*.

5. Плохая физика; но за то какая смѣлая поэзія!

(Къ „*Андрей Шенье*“).

Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr

Anime le soir d'un beau jour,

Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.

(V. Les derniers vers d'André Chénier).

2. У Авеля, у Фанни. Abel, doux confident de mes jeunes mystères (El. 1): одинъ изъ друзей А. Ш.; Fanny, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

3. И узница моя. V. La jeune captive (M-lle de Coigny).

4. Voyez ses Iambes.—Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre.— On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit 17 au 18 janvier est d'Andre Chenier. (H. de la Touche).

5. Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

6. На роковой телѣгѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poesie à leurs derniers moments: pour eux apres l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent reciter ses vers. Ils choisirent la première scene d'Andromaque. (H. de la Touche).

7. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: „Pourtant j'avais quelque chose là“ *).

*) Переводъ:

1. Какъ послѣдній лучъ, какъ послѣдній зефиръ оживляетъ вечеръ прекраснымъ днемъ, такъ я у подножія эшафота пробую еще мою лиру. (V. Послѣдніе стихи Андре Шенье).

2. У Авеля, у Фанни. Авель, нѣжный повѣренный моихъ юныхъ тайнъ (Элегія I): одинъ изъ друзей А. Ш.; Фанни, одна изъ любовницъ Ан. Ш. Смотр. обращенныя къ ней оды.

3. И узница моя V. Молодая узница (де-Коиньи).

4. Смотр. его Iамбы.—Шенье заслужилъ ненависть мятежниковъ. Онъ прославлялъ Шарлотту Кордэ, клеймилъ Кол-

ло де Гербуа, нападалъ на Робеспьера.—Извѣстно, что король просилъ у Собранія, въ письмѣ, полномъ спокойствія и достоинства, права апеллировать къ народу на рѣшеніе, которымъ онъ былъ осужденъ. Это письмо, помѣченное ночью 17 или 18 января, принадлежитъ Андре Шеньэ (Г. Делатушъ).

6. На роковой телѣгѣ везли на казнь съ Ан. Шеньэ и поэта Руше, его друга. Они говорили о поэзіи до послѣднихъ своихъ минутъ: самую прекрасною для нихъ вещь на землѣ послѣ дружбы была поэзія. Расинъ былъ предметомъ ихъ разговора и ихъ послѣдняго восхищенія. Они хотѣли читать его стихи. Они выбрали первую сцену „Андромахи“. (Г. Делатушъ).

7. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: „Все таки у меня тамъ было кое-что!“ М. Г.

ДОПОЛНЕНИЕ.

1814.

I.

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.

Нависъ покровъ угрюмой ночи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и роши,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгушій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышитъ вѣтерокъ, уснувшій на листьяхъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

Плыветъ—и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вокругъ.
Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась молодая ива
И отразилась въ кристалѣ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой;
Тамъ въ тихомъ озерѣ плещаются наяды
Его лѣнливою волной;
А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.

Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?

Не се ль Минервы русской храмъ?

Не се ль Элизіумъ полнощный,

Прекрасный царскосельскій садъ,

Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный

На лонѣ мира и отрадѣ?

Увы! промчались тѣ времена златыя,

Когда подѣ скипетромъ великія жены

Вѣялась славою счастливая Россія,

Цвѣтя подѣ кровомъ тишинъ!

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ

Воспоминанья древнихъ лѣтъ;

Возрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ росетъ вѣщаетъ:

„Исчезло все, Великой нѣтъ!“

И въ душу углубленъ, надъ злчными брегами,

Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ:

Протекиіе вѣка мелькаютъ предъ очами,

И въ тихомъ восхищеніи духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами,

Надъ твердой, мшистою скалой

Вознесся памятникъ. Ширяся крылами,

Надъ нимъ сидитъ орелъ молодой.

И цѣпи тяжкія, и стрѣлы громовыя

Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились.

Кругомъ подножія, шумя, валы сѣдые

Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ

Воздвигся памятникъ простой.

О, сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, поносенъ,
Но славею родинѣ драгой!
Безсмертны вы вовѣкъ, о росски исполины,
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы россіянь!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
Потомки доблестныхъ славянъ,
Поруномъ Зевсовымъ побѣду похищали!
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный,
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя и ужасы военны:
Страдать—есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;
Возсталъ вселенной бичъ,—и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря!

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И села мирныя и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,

Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.

Идутъ—ихъ силъ нѣтъ препоны:
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ.
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ съединясь толпахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!.. Идутъ въ дали туманной...
Звучать кольчуги и мечи!

Страшись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и старъ и младъ; летятъ на дерзновенныхъ;
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря;
Ихъ цѣль-иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за царя.

Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками долъ,
За строемъ строй течетъ, всѣ местию, славой дышутъ.
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ;
Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
И се-пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ мечами стрѣлы свишутъ
И брызжетъ кровь на щитъ.

Сразились: русскій—побѣдитель!
И вспять бѣжитъ надменный галлъ;

Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель

Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:

Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый;

О, бородинскія кровавыя поля!

Не вы неистовству и гордости предѣлы:

Увы, на башняхъ галль Кремля!

Края Москвы, края родные,

Гдѣ на зарѣ цвѣтушихъ лѣтъ

Часы безпечности я тратилъ золотые,

Не зная горестей и бѣдъ!

И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,

И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!

И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни..,

Вотще лишь бранью духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоголавой,

Родимой прелесть стороны?

Гдѣ прежде взору градъ являлся величавый,—

Развалины теперь одни.

Москва! сколь русскому твой зракъ унылый страшенъ!

Исчезли зданія вельможей и царей,

Все пламень истребилъ; вѣнцы затмились башенъ

Палаты пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,

Въ сѣнистыхъ рощахъ и садахъ,

Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,—

Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ;

Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи

Веселье шумное туда не полетитъ;

Не блещутъ ужъ въ поляхъ берега и свѣтлы рощи:
Все мертво, все молчить...

Утѣшься, мать градовъ Россіи.
Возри на гибель приплеча!
Отяготѣла днесъ на ихъ надменны выи
Десница мстѣющая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ. озрѣться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престаётъ въ снѣгахъ рѣками течъ,
Бѣгутъ— и въ тмѣ ночной ихъ гладъ и смерть
срѣтаютъ,
И съ тыла гонить россовъ мечъ.

О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищныя! И вы въ могилы пали..
О страхъ! О грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ и вѣру и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факель мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой!
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьѣ,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглѣ,—
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье
И благотворный миръ землѣ.

Достойный внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ древнихъ лѣтъ пѣвецъ, какъ лебедь странъ Эллы,
Мой духъ восторгомъ не горить!
О, если бѣ Аполлонъ пиитовъ даръ чудесный
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! Тобою восхищень,
На лирѣ бѣ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во тмѣ временъ!

О скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей своихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой!
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огонь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

1817.

I.

В о л ь н о с т ь .

О д а .

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы гордая пѣвица?—
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру,—
Хочу воспѣть Свободу міру,
На тронахъ поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго Галла,
Кому сама средь славныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала.
Питомцы вѣтреной Судьбы,
Тираны міра, трепещите!
А вы мужайтесь и внимлите,
Возстаньте. падшіе рабы!

Увы! куда ни брошу взоръ,—
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы;
Вездѣ неправедная Власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій
Возсѣла---рабства грозный Геній
И славы роковая страсть.

Лишь тамъ подъ царскою главою
Народовъ не легло страданье,
Гдѣ крѣпко съ Вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье;
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ, сжатый вѣрными руками,
Гражданъ надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользить

И преступленье съ высока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ;
Гдѣ не подкупна ихъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ.

Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа,
Стоите выше вы народа,
Но вѣчный выше васъ Законъ.

И горе, горе племенамъ,
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль народу иль царямъ
Закономъ властвовать возможно!
Тебя въ свидѣтели зову,
О мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумъ бурь недавнихъ,
Сложившій царскую главу.

Восходитъ къ смерти Людовикъ
Въ виду безмолвнаго потомства;
Главой развѣнчанной приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчить Законъ—народъ молчить,
Падеть преступная сѣкира...
И се—злодѣйская порфира
На Галлахъ скованныхъ лежитъ.

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой тронъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей
Съ жестокой радостію вижу.
Читаютъ на твоёмъ челѣ
Печать проклятія народы,
Ты ужасъ міра, стыдъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сверкаетъ,
И беззаботную главу
Спокойный сонъ отягощаетъ,
Глядитъ задумчивый пѣвецъ
На грозно спящій средь тумана
Пустынный памятникъ тирана,
Забвенью брошенный дворецъ—

И слышитъ Кліи страшный гласъ
За сими страшными стѣнами,
Калигуллы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами;
Онъ видитъ—въ лентахъ и звѣздахъ,
Виномъ и злобой упоенны,
Идутъ убійцы потаенны.
На лицахъ дерзость, въ сердцахъ страхъ.

Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ молча мостъ подъемный,
Врата отверсты въ тмѣ ночной
Рукой предательства наемной...
О стыдъ! о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри вторглись янычары!..
Падутъ безславные удары,—
Погибъ увѣнчанный злодѣй!

И днесъ учитесь, цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кровь темницъ, ни алтари—
Невѣрныя для васъ ограды.
Склонитесь первые главой

Подъ сѣнь надежную закона,
И стануть вѣчной стражей трона
Народовъ вольность и покой.

1821.

I.

К и н ж а л ь.

Лемносскій богъ тебя сковаль
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ. на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной.

Шумить подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ;
Державный Римъ упалъ; главой поникъ законъ;
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый,
Ты Кесаря сразилъ,—и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

Исчадые мятежей подъемлетъ злобный крикъ;
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ Вольности безглавой
Палачъ уродливый возникъ.

Апостолъ гибельный, усталому Анду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ;
Но вышній судъ ему послалъ
Тебя и дѣву-Эвмениду...

О юный праведникъ. избранникъ роковой,
О Зандъ! Твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался слѣдъ въ казенномъ прахѣ.

Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,—
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

1823.

I.

Возстанъ, о Греція, возстанъ!
Недаромъ напрягаешь силы,
Недаромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пивдъ, и Ѳермопилы.

Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Аѳинъ,
Гроба Тезея и Перикла.

Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскія вериги
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!

II.

Кн. Голицыной, урожденной Суворовой.

Давно о ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.

Твердилъ я стихъ обвороженный.
Мой стихъ, унынья звукъ живой.
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.

Вновь лирѣ слезъ и хладной скуки
Она съ участіемъ вняла—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...

Довольно! въ гордости моей
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А, можетъ быть, и вдохновеньемъ.

1825.

I.

И з ъ А. Ш е н ь е.

Покровъ, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью

Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побѣждалъ.
Се—ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ,
Стопами тяжкими вершину Эты роетъ,
Гнетъ, ломить деревья; исторженные пни
Высоко громоздитъ; его рукой они
Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
Недвижимъ на кострѣ, онъ въ небо взоръ возводитъ.
Подъ мышцей палица, въ ногахъ немейскій левъ
Разостланъ. Дунулъ вѣтръ; поднялся свистъ и ревъ;
Треща, горитъ костеръ, и вскорѣ пламя, воя,
Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ героя.

1827.

I.

(Посланіе въ Сибирь).

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра,
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье;
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя яоры
Доходитъ мой свободный гласъ;

Оковы тяжкія падуть,
Темницы рухнутъ,—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

II.

А р і о н ъ.

Насъ было много на челнѣ;
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны весла. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормчій умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я—безпечной вѣры полнъ—
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно воля
Измялъ съ налету вихоръ шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

1828.

I.

Д р у з ь я м ъ.

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно править нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Текла въ изгнаніѣ жизнь моя.
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подаль—и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я ль въ сердечномъ умиленіи
Ему хвалы не воспою?

Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя назоветъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,

А небомъ избранный пѣвецъ
Молчить, потупя очи долу.

1830.

I.

Г е р о й.

Что есть истина?

Д р у г ъ.

Да, слава въ прихотяхъ вольна;
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безмысленный привыкъ;
Но намъ ужъ то чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

П о э т ъ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бразный,
Предъ кѣмъ смирялися цари,
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари.

Д р у г ъ.

Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?

Тогда ль, какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италиі святой?
Тогда ли, какъ хватаетъ знамя
Иль жезлъ диктаторскій? Тогда ль,
Какъ водить и кругомъ и вдаль
Войны стремительное пламя,—
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ, одна другой вослѣдъ?
Тогда ль, какъ рать герою плещетъ
Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ?

П о э т ъ.

Нѣтъ, не у счастья на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою
Съвѣзъ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣянь прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,
Плащемъ закрывшись боевымъ!
Не та картина предо мною.
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ,
Не бранной смертью окружень,
Нахмурясь, ходитъ межъ одрами
И хладно руку жметъ чумѣ

И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!

Д р у г ъ.

Мечты поэта,
Историкъ строгій гонить васъ!
Увы—его раздался гласъ*,
И гдѣ жъ очарованье свѣта?..

П о э т ъ.

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Что же
Онъ будетъ безъ него?—Тиранъ!

Д р у г ъ.

Утѣшься...

Москва, 29 сентября 1830 года.

П.

Р а з с т а в а н і е.

Въ послѣдній разъ твой образъ милой
Дерзаю мысленно ласкать,

Будить мечту сердечной силой
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ;
И ты ужъ нынѣ для поэта
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для тебя твой другъ угасъ.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Предъ заточеніемъ его.

III.

Моя родословная, или русскій мѣщанинъ.

Вольное подражаніе Лорду Байрону.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ:
Смотри, пожалуй, взоръ какой!
Я не лейбъ-кучеръ, не ассессоръ.
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто--рускій мѣщанинъ.

Понятна мнѣ временъ превратность,
Не прекословлю, право, ей:

У насъ нова рожденъмъ знатность—
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И слава Богу, не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ:
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князя не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ;
Куда жъ мнѣ быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ.

Мой предокъ Радша службой бранной
Святому Невскому служилъ;
Его потомство Гнѣвъ Вѣнчанный—
Иванъ Четвертый—пощадилъ.
Водились Пушкины съ царями;
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.

Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ,—
Мы къ оной руку приложили;
Насъ жаловалъ страдальца сынъ;

Бывало, нами дорожили;
Но я... я темный мѣщанинъ.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ:
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой:
Не любитъ споровъ властелинъ;
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой;
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ, вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой—въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился—мѣщанинъ.

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ схоронилъ,
И не якаясь съ новой знатю,
Я крови спесь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто—не Мусинъ,
Я самъ большой, не царедворецъ:
Я грамотѣй, я мѣщанинъ.

Р. С.

Видокъ Фигляринъ, сидѣ дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ

Быль купленъ за бутылку рома
И въ руки шкиперу попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ родного корабля.
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ.
Царю наперсникъ, а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ.
Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ—мѣщанинъ.
Что жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
Онъ?.. на Мѣщанской дворянинъ.

IV.

З а к л и н а н і е.

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустьютъ тихія могилы,—
Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

Зову тебя не для того,
Чтобъ укорять того, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтобъ извѣдать тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомнѣньемъ мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

V.

(Р а з л у к а).

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой;
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: „Въ день свиданья,
Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ соединимъ“.

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,

Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,—
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой,—
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!..

1831.

I.

Къ тѣни полководца.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампы
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоємъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издастъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“—Ты всталъ и спасъ...

Клеветникамъ Россіи.

Vox et praeterea nihil.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ иль вѣрный россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ?—Вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага,
И ненавидите вы насъ...

За что жъ? Отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы

Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измайльскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?
Такъ высылайте къ намъ, вити,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

III.

Бородинская годовщина.

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: „Шли же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;

Не вся ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!..
Но стали жъ мы пятою твердой
И грудью приняли напоръ
Племянъ, послушныхъ волѣ гордой,
И равенъ былъ неравный споръ.

И что жъ? Свой бѣдственный побѣгъ.
Кичась, они забыли нынѣ;
Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
Знакомый пиръ ихъ манить вновь—
Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь;
Но тяжело будетъ имъ похмѣлье,
Но долго будетъ сонъ гостей
На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
Подъ знакомъ сѣверныхъ полей!

Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
Но знайте, прошенные гости,
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости!..
Сбылось—и въ день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы,
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый,
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахъ не топтали;

Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранять въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Но вы, мутители палатъ,
Легкоязычные витія,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?... Еще ли россъ—
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава—
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отведемъ строй твердынь?
За Бугъ. до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волянь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавой,
Сей пращуръ русскихъ городовъ,
Сроднить ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль русскаго владыку?
Скажите, кто главою поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь?—Война и морь,
И бунтъ, и виѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали,—
Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вокругъ нея волненья пали,—
И Польши участь рѣшена...

Побѣда! Сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми, восторговъ общій гласъ!..
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнь Варшавы;
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,

И съ ней летящаго за Прагу
Младого внука своего.

IV.

19 октября 1831

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину;
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ весели мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ.
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно ль, друзья?... Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву; былъ плѣнъ Парижу;
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ;
Воскресла грековъ древнихъ слава;
Съ престола палъ другой Бурбонъ;
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоять,
Шести друзей не узримъ болѣ:
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой,
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой,—
И надо всѣми мы рыдали.

И, мнится, очередь за мной...
Зоветь меня мой Дельвигъ милой,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и гордыхъ помышлений,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній.

Тѣснѣй, о милые друзья,
Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ составимъ!
Почившимъ пѣснь окончилъ я,
Живыхъ надеждою поздравимъ—
Надеждой нѣкогда опять
Въ пиру лицейскомъ очутиться,
Всѣхъ остальныхъ еще обнять
И новыхъ жертвъ ужъ не страшиться.

1832.

I.

**Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изступ-**

Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, вѣясь въ моихъ объятіяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

О, какъ милѣе ты, смиренница моя!
О, какъ мучительнѣй тобою счастливъ я,
Когда, склонясь на долгія моленья,
Ты предаешься мнѣ, нѣжна, безъ упоенья,
Стыдливо-холодна. восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему
И разгораешься потомъ все болѣ, болѣ—
И дѣлишь, наконецъ, мой пламень поневолѣ.

II.

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жъ порой,
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье?
Пройдетъ и скроется!... Ужель не можно мнѣ,
Любуясь дѣвою въ томленихъ сладострастья,
Глазами слѣдовать за ней и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселье, миръ души, безпечные досуги,
Все... даже счастье того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

III.

Подражанія древнимъ.

(Изъ Аэнея).

Славная флейта, Θεонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя
хоровъ

Старець, ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпаль
родилъ

И, вдохновенный, нарекъ младенца Θεономъ. За чашей
Сладостно Вакха и музъ славилъ пріятный Θεонъ.
Славилъ и Ватала онъ, молодого красавца. Прохожій!
Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Θεонъ!

2.

(Изъ Ксенофана Колофонскаго).

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладана сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече: сосуды
Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой, — все готово; весь убранъ
цвѣтами

Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы.
о други,

Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ
чистой душою

Правду блюсти: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы
приступимъ:

Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика

Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться;
но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ тихо и мудро.

1835.

I.

Изъ Анакрона.

Ода LV.

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ;
Узнаемъ пареянъ кичливыхъ
По высокимъ клубукамъ;
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сіяетъ пламень томный—
Наслажденій знакъ нескромный.

Ода LVI.

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него же нѣтъ исхода:
Всякъ навѣки тамъ забыть.

Ода LVII.

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвый;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скины: не люблю,
Други, пьянствовать безчинно,
Нѣтъ! за чашей я пою
Иль бесѣдную невинно.

II.

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая Харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая—
Краснощекому Здоровью;
Третья—Дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

III.

Отъ меня вечеръ Леила
Равнодушно уходила.
Я сказалъ: „Постой! куда?“
А она мнѣ возразила:
„Голова твоя сѣда“.
Я насмѣшницѣ нескромной

Отвѣчалъ: „Всеу пора!
То, что было мускусъ темный,
Стало нынче камфора“.
Но Леила неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: „Знаешь самъ—
Сладокъ мускусъ новобрачнымъ.
Камфора годна гробамъ“.

IV

М а л ь ч и к у.

(Изъ Катутла).

Minister vetuli puer.

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

V.

(И з ъ Г о р а ц і я).

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя

Въ шатрѣ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увитыя,
Сирийскимъ мѣромъ умашалъ?

Ты помнишь часъ ужасный битвы,
Когда я, трепетный Квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно брося щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ внезапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ
И спасъ отъ смерти неминучей.

А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился...
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ темный и простой.
Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ.
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни вина моихъ, ни ароматовъ.
Вѣнки готовы. Мальчикъ! лей.
Теперь не кстати воздержанье;
Какъ дикій скиѣ, хочу я пить:
Я съ другомъ праздную свиданье,
Я радъ разсудокъ утопить.

VI.

Юноша! скромно пируй и шумную Вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

VII.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.

Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

VIII.

Подражаніе арабскому.

Отрокъ милый, отрокъ нѣжный,
Не стыдись: навѣкъ ты мой;
Тотъ же въ насъ огонь мятежный,
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюсь я насмѣшекъ,—
Мы сдвоились межъ собой,
Мы точь въ точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

IX.

П о л к о в о д е ц ъ.

(*Барклай де Толли*).

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата;
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину кругомъ,
Своею кистию, свободной и широкой,
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ
мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,

Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики...
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда останавлиюсь предъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмой,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье,—
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принеся землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньѣ шелъ одинъ ты съ мыслию великой;
И, въ имени твоёмъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,

Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною;
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ...
И долго, укрѣплень могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ.
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманнѣе глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ слышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!—

.
.

О люди! Жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

Х.

Т у ч а.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облежала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

XI.

На выздоровленіе Лукулла.

(Подражаніе латинскому).

Ты угасалъ, богачъ молодой!
Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ;
Ужъ смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Займодавецъ терпѣливый,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.

Въ померкшей комнатѣ твоей
Враги угрюмые шептались;
Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхъ, что сулили
Имъ тайныя судьбы.

А между тѣмъ наслѣдникъ твой.
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стязанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы,
И мнилъ загрестъ онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.

Онъ мнилъ: „Теперь ужъ у вельможъ
Не стану нянчить ребятишекъ;
Я самъ вельможа буду тожъ,
Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
Теперь мнѣ честность—трынь-трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду
Казенныя дрова“!

Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
Бодрится врачъ, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ;
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

Такъ, жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она,—
Умѣй же пользоваться ею;

Укрась ее; года летять;
Пора! Введи въ свои чертоги
Жену-красавицу,—и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

ХП.

(С о с н ы).

(Отрывокъ).

. **В**новь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Переѣнилось въ жизни для меня;
И самъ, покорный общему закону,
Переѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо,—
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ опальный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ,
А вечеромъ, при завываньи бури,
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ...
Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ

На озеро, вспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ золотыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко;
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По берегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ, за ними,
Скривилась мельница, насилиу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоять: одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ;
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленая семья кругомъ тѣснится
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоять одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ,—и вокругъ него

Попрежнему все пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

1836.

I.

Д. В. Д а в ы д о в у.

(При посылкѣ Исторіи Пугачевского бунта).

Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ,
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго Пегаса,
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ.
Но и по этой службѣ трудной.
И тутъ, о мой наѣздникъ чудной,
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ; при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, казакъ прямой;

Въ передовомъ твоёмъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

II.

Х у д о ж н и к у.

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ.
Сколько боговъ, и богинь, и героевъ!.. Вотъ Зевсъ-
громовержецъ;

Вотъ изподлобья глядитъ. дѣя въ цѣвницу, сатиръ;
Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель Кутузовъ;
Тутъ Аполлонъ—идеалъ, тамъ Нюбея—печаль...
Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ
кумировъ,

Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ:
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и со-
вѣтникъ.

Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился тобой!

III.

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа,
Марія-грѣшница и Пресвятая Дѣва,
Стояли двѣ жены,
Въ неизмѣримую печаль погружены.

Но у подножія теперь креста честного,
Какъ будто у крыльца правителя градского,
Мы зримъ—поставлено на мѣсто женъ святыхъ
Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?

Или распятіе—казенная поклажа,
И вы боитесь воровъ или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь, чтобъ *чернь* не оскорбила-
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила,
И, чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда *простой народъ*?

IV.

Подражаніе итальянскому.

Накъ съ древа сорвался предатель-ученикъ,
Лукавый прилетѣль, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей
смрадной
И бросилъ трущъ живой въ гортань геенны гладной...
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всмѣрнаго врага
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И, сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательскую ночь лобзавшія Христа.

V.

Изъ VI Пиндемонте.

Не дорого цѣню я громкія права.
Отъ коихъ не одна кружится голова.

Я не роищу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги
Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ—свободно ли печать
Морочить олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видите ль, *слова, слова, слова!* *)
Иныя, лучшія мнѣ дороги права,
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! вотъ права!..

VI.

М о л и т в а.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повтѣряетъ
Во дни печальные великаго поста;

*) Hamlet.

Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго свѣжить невѣдомою силой:
„Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай души моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенія,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденія,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.“

VII.

Ногда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу —
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолей
(Дешеваго рѣзца нелѣпныя затѣи!),
Надъ ними надписи и въ прозѣ, и въ стихахъ
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами отъ столбовъ отвинченныя урины,
Могилы склизкія, зѣвующія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждутъ —
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ.
Что злое на меня уныніе находитъ:
Хоть плюнуть, да бѣжать.

Но какъ же люблю мнѣ

Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,

Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя...

VIII.

Exegi monumentum.

Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! Весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ, —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ цитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божию, о муза, будь послушна:
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

IX.

Н а с т а т у и:

I. Мальчика, играющаго въ бабки.

(Работы Н. Пименова).

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ онъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! Раздавайся, народъ
любопытный;

Врозь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

II. Мальчика, играющаго въ свайку.

(Работы Н. Логановскаго).

Юноша, полный красы, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ, тѣшится быстрой игрой.
Вотъ товарищъ тебѣ, Дискоболь! Онъ достоинъ. клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать...

X.

19 октября 1836.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсно сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,

Мы жили всѣ и легче, и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсилъ;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился;
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается,
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтной;
Прошли года чредою незамѣтной—
И какъ они перемѣнили насъ!
Недаромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ.
Вращается весь міръ вкругъ человѣка,
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други: съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!..
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы,
И высились, и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,

Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ,—
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа—
Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался,—
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ ожились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ его—и Русь оставилъ онъ,
Взнесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ;
И на скалѣ, изгнанникомъ забвенымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый царь, суровый и могучій,

На рубежъ Европы бодро сталъ,
И надъ землей сошлись новы тучи,
И ураганъ ихъ...

Разныхъ годовъ.

I.

А к в и л о н ъ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальнй небосклонъ
Ты облака столь гнѣвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался,
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой —
И бурны тучи разогналъ
И дубъ низвергнулъ величавой.

Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

II.

П р и т ч а.

Ну видно по всему, что онъ семинаристъ.
Дмитріевъ.

На картину разъ высматривалъ сапожникъ
И въ обуви ошибку указалъ;

Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.

„Вотъ“, подбочась, сапожникъ продолжалъ:

„Мнѣ кажется, лицо немного криво...

А эта грудь не слишкомъ ли нага?“

Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:

„Суди, дружокъ, не выше сапога“.

Есть у меня пріятель на примѣтѣ:

Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ

Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;

Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:

Попробуй онъ судить о сапогахъ.

III.

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце просить.

Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ

Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ

Располагаемъ жить. И глядь—все прахъ: умремъ!

На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.

Давно завидная мечтается мнѣ доля,

Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ

Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

I. Лицинію (стр. 1). Это стихотвореніе-посланіе представляет собою подражаніе III сатирѣ римскаго поэта Ювенала.

II. Гробъ Анакреона (стр. 3). Анакреонъ (или, вѣрнѣе, Анакреонтъ)—великій греческій поэтъ-лирикъ VI вѣка до Р. Х. (умеръ въ 474 г.). Подлинный Анакреонтъ дошелъ до насъ только въ отрывкахъ, популярныя же стихотворенія въ сборникѣ Анакреонта принадлежатъ въ дѣйствительности не ему, а его позднѣйшимъ подражателямъ временъ упадка греческаго искусства. Такъ называемыя пѣсни Анакреонта отличаются изяществомъ, легкостью и преимущественно эротическимъ (любовнымъ) характеромъ; отсюда и подъ „анакреонтической поэзіей“ понимается легкая и изящная поэзія. Первымъ русскимъ поэтомъ, которому вполнѣ уже удавалось передать легкость и изящество анакреонтической поэзіи, былъ Г. Р. Державинъ.

III. Старикъ. (Изъ марта) (стр. 5). Это стихотвореніе представляет собою довольно близкій переводъ Кл. Маро, извѣстнаго французскаго поэта XVI вѣка.

1816.

IV. Амуръ и Гименей (стр. 7). Амуръ—богъ любви, Гименей—богъ брака.

V. Ш*ву** (стр. 9). Стихотвореніе обращено къ лицейскому товарищу Пушкина—А. А. Шишкову, не лишенному извѣстнаго литературнаго таланта (онъ писалъ стихи, въ 1824 году издалъ сборникъ стиховъ „Восточная Лютня“, но болѣе занимался переводами).

Тибуллъ—римскій поэтъ, элегикъ и идилликъ.

Мелецкій—Ю. А. Нелединскій-Мелецкій—нѣжный русскій поэтъ конца XVIII вѣка, старавшійся подражать въ своихъ любовныхъ и нѣжныхъ стихотвореніяхъ народнымъ пѣснямъ.

Парни—извѣстный французскій поэтъ XVIII вѣка, писавшій любовныя (эротическія) элегіи; стихотворенія Пушкина, написанныя въ Лицеѣ, отмѣчены печатью весьма значительнаго вліянія Парни.

Геликонъ—гора въ Греціи, на которой, по преданію, жили музы.

Аполлонъ—богъ искусства; ему была посвящена гора Парнасъ (около Дельфъ).

1817.

I. Торжество Вакха (стр. 10). *Эванъ, эвое!*—воскликанія въ честь Діониса-Вакха (*Эвое!*—благословенный, благой сынъ). Вакхъ (Діонисъ) пришелъ изъ Индіи („Индіи герой“) въ Грецію и установилъ въ ней свои праздники—оргіи, во время которыхъ его служители—вакханки и вакханты—уходили въ лѣса и въ шумныхъ хороводахъ и въ винѣ какъ бы забывали себя и соединялись съ богомъ.

II. Разлука (стр. 13). Стихотвореніе написано передъ окончаніемъ Лицея и посвящено В. К. Кюхельбекеру, поэту, философу и общественному дѣятелю, за участіе въ декабрьскомъ движеніи сосланному въ Сибирь. Стихотворенія В. К. Кюхельбекера отличаются весьма неравнымъ достоинствомъ; наибольшимъ препятствіемъ для развитія поэтическаго дара Кюхельбе-

кера являлся языкъ, тяжелый во многихъ его стихотвореніяхъ. Кюхельбекеръ благоговѣлъ передъ поэтическимъ гениемъ Пушкина, и великій поэтъ платилъ ему теплымъ сердечнымъ отношеніемъ.

III. П***ну (стр. 14). Это стихотвореніе представляетъ собою отрывокъ изъ посланія къ дядѣ поэта—В. Л. Пушкину, весьма небезысвѣстному въ то время поэту, другу Карамзина, Жуковского, князя Вяземскаго, Дмитріева и другихъ писателей.

Посланіе къ В. Л. Пушкину начиналось слѣдующими стихами:

Скажи, парнасскій мой отецъ:
Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладонь Аполлону даромъ,
За честь не смѣетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ
И, если можно, города?
Беллона, музы и Венера—
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца;
Я шлюсь на русскаго Буфлера *)
И на Дениса храбреца, **)

*) „Русскій Буфлеръ“—извѣстный поэтъ К. Н. Батюшковъ, который значительно вліялъ на молодого Пушкина.

**) Д. В. Давыдовъ, партизанъ 1812 года и гусарскій поэтъ, впоследствии подпавшій подъ вліяніе своего младшаго современника—Пушкина, въ то время далъ образцы для нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина.

Но не на Глинка офицера, *)
Довольно плоскаго пѣвца:
Не нужно мнѣ его примѣра!

Ты скажешь: „Перестань, болтунъ,
Будь человѣкъ, а не драгунъ!
Парады, караулъ, ученье,—
Все это оды не внушить,
А только душу изсушить,
И къ Марину для награжденья,
Быть можетъ, прямо за Коцить
Пошлютъ читать его творенья. **)
Послушай дяди, милый мой:
Ступай себѣ къ слѣпой Оемидѣ
Ты съ дипломатикой косою!
Кропай, мой другъ, посланье къ Лидѣ,
Оставь военные грѣхи
И въ сладостяхъ успокоенья
Пиши сенатскія рѣшенья
И пятистопные стихи;
И не съ гусарскаго корнета—
Возьми примѣръ съ того поэта,
Съ того, котораго рука
Нарисовала Ермака

*) Впослѣдствіи П. значительно измѣнилъ свое мнѣніе о поэтическомъ достоинствѣ стихотвореній „Магусаила русской поэзіи“—Ф. Н. Глинки (1786—1880), поэму „Карелія“ котораго онъ ставилъ весьма высоко.

**) С. Н. Маринъ—весьма мало даровитый современный поэтъ.

Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта,
И плѣнъ могучаго Махмета,
И мужа модные рога;
Который, милостію Бога,
Министръ и сладостный пѣвецъ,
Былъ строгой чести образецъ,
Какъ образецъ онъ будетъ слога...“ *)

Все такъ, почтенный дядя мой;
Почтенъ, кто глупости людской
Рѣшитъ запутанные споры;
Умень, кто хитрости рукой
Переплетаетъ межъ собой
Дипломатическіе вздоры
И править нашею судьбой.

Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ,
И эпиграммы самой злой **)

Въ извѣстныхъ „Святкахъ“ онъ достоинъ...

Кромѣ того, посланіе имѣло еще слѣдующее окончаніе:

Но вы, враги трудовъ и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Шепну вамъ на ухо: вы правы,
И съ вами соглашаюсь я!
Богъ создалъ для себя природу,

*) В. Л. Пушкинъ ставилъ своему племяннику въ образецъ И. И. Дмитріева; извѣстныя поэтическія достоинства за поэмой Дмитріева „Ермакъ“ и за сказкой „Модная жена“ признавалъ и А. С. Пушкинъ.

**) Извѣстны сатирическія „Святки“ князя Д. П. Горчакова принадлежали къ числу „презрѣвшихъ печать“ произведеній, весьма распространенныхъ въ русскомъ обществѣ.

Свой рай и счастье—глупцамъ,
Злословіе, мужчинъ и моду—
Конечно, для забавы дамъ;
Заботы—знатному народу,
Дурачества—для всѣхъ, а намъ—
Уединенье и свободу.

„Безсмертный трусъ Гораций“—великій римскій поэтъ—въ одной своей одѣ (пѣснѣ) рассказываетъ о томъ, какъ онъ бросилъ оружіе и бѣжалъ съ поля битвы.

Марсъ—богъ войны.

VI. Дельвигу (стр. 15). Баронъ А. А. Дельвигъ, лицейскій товарищъ Пушкина. оставался всю недолгую свою жизнь другомъ поэта (онъ умеръ 14 января 1831 г.). Дельвигъ одинъ изъ первыхъ предугадалъ поэтическій геній Пушкина. Своими сонетами и гекзаметрами Дельвигъ, одинъ изъ первоклассныхъ поэтовъ пушкинской эпохи, оказалъ вліяніе на Пушкина, а своими пѣснями—на Кольцова.

V. Кривцову (стр. 16). Н. И. Кривцовъ, слышій въ молодомъ Петербургскомъ обществѣ вольнодумцемъ, находился тогда вмѣстѣ со своимъ полкомъ (онъ былъ лейбъ-егеремъ) въ Царскомъ Селѣ, гдѣ и познакомился съ лицеистомъ-Пушкинымъ.

„Пафосская царица“—Афродита-Венера, богиня любви.

„Лета“—рѣка забвенія, отдѣляющая міръ живыхъ отъ міра тѣней.

VI. Къ портрету Жуковского (стр. 17). Портретъ В. А. Жуковского, главы новой поэтической школы, былъ помѣщенъ въ „Вѣстникъ Европы“ 1817 г.

1818.

I. Мечтателю (стр. 17). Въ нашей литературѣ высказывалось мнѣніе, мало основательное, что это стихотвореніе относится къ В. К. Кюхельбекеру.

IV. Жуковскому (стр. 20). Жуковскій выпускалъ свои переводы нѣмецкихъ поэтовъ (вмѣстѣ съ нѣмецкимъ текстомъ) въ отдѣльныхъ сборникахъ подъ заглавіемъ „Для немногихъ“ (всего сборниковъ было шесть), которые не поступали въ общую продажу. (Въ это время Ж. давалъ уроки великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, супругѣ Николая I.)

Первоначально послѣ заключительнаго стиха было написано еще слѣдующее заключеніе, откинутое Пушкинымъ впослѣдствіи (около 1829 года):

Смотри, какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свитокъ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ!
Онъ духомъ—тамъ, въ дыму столѣтій:
Предъ нимъ волнуются толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣти,
Съ сынами доблести прямой;
Отъ сна воскресшими вѣками
Онъ бродитъ тайно окруженъ,
И благодарными слезами

Карамзину приносить онъ
Живой души благодаренье
За мигъ восторга золотой,
За благотворное забвенье
Безплодной суеты земной,—
И въ немъ трепещетъ вдохновенье.

1819.

II. Стансы Т***му (стр. 23). Т***—Я. Н. Толстой, небольшой поэтъ, былъ близокъ съ Пушкинымъ въ это время по кружку „Зеленой лампы“, въ которомъ передовая молодежь занималась политикой, литературой и дружно жила съ наукой и „безумной шалостью“.

Эпиктетъ—греческій философъ.

III. Деревня (стр. 24). При жизни Пушкина печаталась только первая половина этого стихотворенія, подъ заглавіемъ „Уединеніе“. Описаніе деревни напоминаетъ Михайловское—село Исковской губерніи, принадлежавшее Пушкинымъ.

По преданію, Александръ I, по прочтеніи „Деревни“, велѣлъ благодарить Пушкина за тѣ добрыя чувства, которыя внушаетъ это стихотвореніе.. Несмотря на это, „Деревня“ не могла быть полностью напечатана.

V. В***му (стр. 27). В***—Н. В. Всеволожскій, также пріятель Пушкина по „Зеленой лампѣ“ (въ домѣ Всеволожскаго и собирались члены кружка). Карандашъ цензора прошелся по этому стихотворенію, и

Пушкинъ былъ вынужденъ измѣнять нѣкоторые стихи въ немъ (напр., вмѣсто 3—5 стиховъ:

Любимецъ музъ, поклонникъ моды
И Терпсихоры, и стиховъ!
Ты въ жизни любишь перемѣну).

VI. NN. (стр. 30). Послѣдніе 8 стиховъ Пушкинъ замѣнялъ въ печати двумя строками многоточія (по цензурнымъ соображеніямъ).

Стихотвореніе это обращено къ Вас. Вас. Энгельгардту, пріятелю Пушкина по кружку „Зеленой лампы“, и написано послѣ выздоровленія поэта отъ горячки. *Эскулапъ*—извѣстный врачъ древности.

Пріапъ—богъ наслажденія.

IX. Къ*** (стр. 32). Къ кому обращено это стихотвореніе—осталось неизвѣстнымъ.

1820.

I. (стр. 32). Стихотвореніе это, повидимому, относится къ Еленѣ Николаевнѣ Раевской (см. о Раевскихъ во вступительномъ очеркѣ), здоровье которой внушало серьезныя опасенія.

II. (*Подражаніе Байрону.*) (стр. 33). Стихотвореніе это вызвано какъ впечатлѣніями отъ Чернаго моря (при переѣздѣ Пушкина въ Крымъ съ Раевскими) и его мятежнымъ состояніемъ духа послѣ удаленія изъ Петербурга, такъ и чтеніемъ „Чайльдъ-Гарольда“ Байрона, къ которому Пушкинъ пристрастился въ это время, вслѣдствіе того, что нашелъ въ его поэзіи созвучное ему настроеніе. Художникъ Байронъ значи-

тельно повліялъ на Пушкина въ особенности тѣмъ, что указалъ ему новыя пути въ поэзіи — новый свободный романъ съ лирическими отступлениями и новую поэму съ ярко окрашеннымъ мѣстнымъ колоритомъ (природа и бытъ). Подъ вліяніемъ Байрона Пушкинъ создавалъ такія произведенія, какъ „Евгеній Онѣгинъ“, „Домикъ въ Коломнѣ“ и проч.

III. **Черная шаль.** (*Молдавская пѣсня*). (стр. 34). Это стихотвореніе, образцомъ для котораго Пушкину послужила молдавская пѣсня, очень скоро получило большую популярность и было положено на музыку.

IV. **Фонтану Бахчисарайскаго дворца** (стр. 36). Марія и Зарема-героини Пушкинской поэмы „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Поэма „Бахчисарайскій Фонтанъ“ была написана позже этого стихотворенія — въ 1822 году, — и въ ней поэтъ „суевѣрно перекладывалъ въ стихи рассказъ молодой женщины“, мнѣніемъ которой онъ дорожилъ больше всего на свѣтѣ. Легенду о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ поэтъ услышалъ въ 1820 году отъ Раевскихъ и тогда же откликнулся на нее этимъ стихотвореніемъ.

VIII (стр. 38). Пушкинъ печаталъ это стихотвореніе безъ послѣднихъ трехъ стиховъ, въ которыхъ говоритъ о „юной дѣвѣ“ — М. Н. Раевской, глубину и святость чувства къ которой онъ тщательно скрывалъ.

IX. **Нереида** (стр. 38). Возможно, что чтеніе печатнаго текста —

Сокрытый межъ деревъ, едва я смѣлъ дохнуть,
вмѣсто рукописнаго—

Сокрытый межъ оливъ— вызвано желаніемъ исключить указаніе на крымскую природу, гдѣ онъ видѣлъ Нериду—младую полубогиню (см. примѣчаніе къ предыдущему стихотворенію).

XI. Ч***ву. (*Съ морскаго берега Тавриды*).
(Стр. 39). Стихотвореніе обращено къ П. Я. Чаадаеву, русскому философу (въ то время молодому вольнолюбивому офицеру), автору „Философическихъ писемъ“, въ которыхъ Ч. отрицалъ за Россіей какое бы то ни было достойное историческое прошлое (до эпохи Петра В.). „Философическія письма“ явились началомъ нашего западничества (общественной русской мысли, видѣвшей единственно-правильный путь для Россіи въ усвоеніи западной культуры) и вызвали страшный гнѣвъ со стороны правительства, объявившаго Чаадаева съумасшедшимъ.

Пушкинъ противопоставляетъ въ этомъ стихотвореніи страсть дружбѣ. Заключительные стихи этого стихотворенія неосновательно сближаются съ политическимъ стихотвореніемъ, приписываемымъ Пушкину, которое оканчивается восклицаніемъ:

Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишутъ наши имена.

Въ дѣйствительности это стихотвореніе принадлежитъ не Пушкину, а Рылѣву, и читается иначе: „Бестужевъ, вѣрь“...

Эмениды—буквально *благоволящія*: такъ были названы грозныя мстительницы за убійство родныхъ эриннїи, когда Орестъ, отомстившій за смерть отца убійствомъ матери, получилъ прощеніе богини Аѳины. Такъ окончилась цѣпь преступленій, начавшаяся братоубійствомъ (Атрей и Өіестъ).

„*Дружбы торжество*“ —дружба Ореста и Пилада.

XII. Дочери Карагеоргія (стр. 40). Кара-Георгій (Черный Георгій), участникъ многочисленныхъ сербскихъ возстаній противъ турокъ, горячій патріотъ, отличался большой жестокостью и убилъ отца и брата за недостаточную преданность ихъ дѣлу родины.

„*Гроза луны*“—т. е. гроза турокъ (полумѣсяцъ—турецкая эмблема).

1821.

I. (Стр. 41). Распространенное мнѣніе о томъ, что стихотвореніе относится къ княгинѣ М. А. Голицыной, является совершенно произвольнымъ. Въ дѣйствительности вполнѣ достовѣрно посвященіе ей только одного стихотворенія 1823 года „Давно объ ней воспоминанье“, напечатаннаго у насъ въ дополненіи на стр. 215 (см. примѣчаніе къ этому стихотворенію).

II. Война (стр. 41). Въ объясненіе возникновенія этого стихотворенія необходимо сказать, что въ 1821 году началось греческое возстаніе противъ турокъ,

III. (Стр. 43). Эта элегія, по первоначальному замыслу поэта, входила въ составъ его поэмы „Кавказскій Плѣнникъ“.

IV. (стр. 43). Существуютъ совершенно необоснованныя предположенія, что это стихотвореніе относится къ княгинѣ М. А. Голицыной, „сѣверной любви“ поэта, сохранявшаго будто бы это чувство въ своей душѣ и послѣ того, какъ онъ покинулъ Петербургъ для юга.

VI. Къ Овидію (стр. 45). Овидій-Назонъ, извѣстный римскій поэтъ, авторъ „Науки любви“, элегій и „Метаморфозъ“, былъ сосланъ императоромъ въ нынѣшнюю Бессарабію и, скучая по своей далекой Италіи среди дикаго и чужого народа, молилъ Октавія о разрѣшеніи вернуться на родину.

„*Великодушный Грекъ свободу вызывалъ*“ — Ипсиланти призывалъ грековъ къ возстанію противъ турокъ и къ борьбѣ за свободу и независимость Греціи.

Пушкинъ. вслѣдствіе цензурныхъ условій, принужденъ былъ замѣнить въ печати заключительное двустистише слѣдующими стихами:

И чуждые холмы, поля и рощи сонны

И музы милыя мнѣ были благосклонны.

VII. Наполеонъ (стр. 49). Наполеонъ Бонапартъ, сперва консулъ и диктаторъ, а потомъ императоръ, умеръ въ изгнаніи на островѣ Эльбѣ 23 апрѣля 1821 года. По цензурнымъ условіямъ, Пушкину пришлось печатать свое стихотвореніе-оду безъ IV, V, VI, VIII и 3 стиха X-ой строфы. Въ V, VI и VI строфахъ Пушкинъ говоритъ о великой французской

революціи и о роли Наполеона—душителя революціи. Русскіе, вмѣстѣ со своими союзниками, были разбиты Наполеономъ при Тильзитѣ (строфа VIII).

VIII. **Муза** (стр. 53). Эту мысль о разносторонности поэтического творчества, о томъ, что поэтъ можетъ и долженъ откликаться на всѣ явленія жизни („И гимны важныя, внушенныя богами, и пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ“), Пушкинъ не разъ выражалъ въ своихъ произведеніяхъ. Пушкинъ любилъ свою „Музу“, и она напоминала ему Батюшкова—поэзію котораго онъ ставилъ очень высоко.

XII. **Земля и море** (*Идиллія Мосха*). (стр. 55). Это стихотвореніе представляетъ собой вольный переводъ (очевидно, съ французскаго перевода) идилліи извѣстнаго греческаго поэта-идиллика Біона-Мосха.

XIV. **Алексѣеву** (стр. 56). Н. С. Алексѣевъ, весьма образованный человѣкъ и хорошій дипломатъ, былъ близокъ съ Пушкинымъ во время пребыванія послѣдняго въ Кишиневѣ. Стихи:

„Нельзя-ль найти подруги нѣжной?

Нельзя-ль найти любви надежной?“—

взяты Пушкинымъ изъ посланія Е. А. Боратынскаго (одного изъ замѣчательнѣйшихъ, первостепенныхъ и оригинальныхъ поэтовъ пушкинской эпохи) къ Н. М. Коншину. П. былъ друженъ съ Боратынскимъ и очень высоко цѣнилъ его независимый поэтическій талантъ.

XV. **К***ну** (стр. 58). Стихотвореніе обращено къ П. А. Катенину, извѣстному въ то время драматургу и переводчику трагедій французскихъ классиковъ Расина и Корнея.

„Прекрасная волшебница“—артистка А. М. Коло-сова (съ которой Катенинъ помирилъ Пушкина); Сели-мена—героиня въ комедіи Мольера „Мизантропъ“, Моина—въ трагедіи русскаго драматурга Озерова—„Фингалъ“.

XVI. Ч*** в у (стр. 58). Посланіе обращено къ П. Я. Чаадаеву (см. выше). П. Я. Чаадаевъ имѣлъ очень большое вліяніе на юношу Пушкина; объ этомъ вліяніи и значеніи Чаадаева П. и говоритъ въ своемъ посланіи. „Минута гибели надъ бездной по-таенной“—очевидно, то время, когда надъ Пушки-нымъ собрались тучи, и онъ былъ близокъ къ от-чаянію (передъ ссылкой его на югъ Россіи). Послѣ стиха „Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть“ въ „Сынѣ Отечества“ и въ рукописи были еще слѣдующіе 8 стиховъ, исключенные Пушкинымъ по совѣту князя П. А. Вяземскаго:

Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
Или философа, который въ прежни лѣта
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
Но, просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?
Ораторъ Лужниковъ, никѣмъ не замѣчаемъ,
Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

Третій стихъ съ конца при жизни Пушкина за-мѣнялся точками, вслѣдствіе того, что цензура не пропустила его. По этому поводу П. писалъ Н. И. Гречу: „Вчера я видѣлъ въ С[ынѣ] О[течества] мо-е посланіе къ Ч—у, ужъ эта мнѣ цензура! жаль мнѣ

что слово вольнолюбивый ей не нравится, оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее liberal, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дать ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано глупца философа *); зачѣмъ глупецъ? стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда“.

Послѣдній стихъ въ рукописи читается—

Гони ты Шенинга отъ нашего порога.

XVII. Къ *** (стр. 61). Къ кому относится это стихотвореніе—точно неизвѣстно (есть предположенія, что къ А. А. Плещееву). Нѣкоторые изслѣдователи на основаніи одной рукописи относятъ это стихотвореніе (безъ достаточныхъ основаній) къ 1826 году.

1822.

I. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ (стр. 62). Незадолго до Пушкина, переложилъ въ стихи лѣтописное сказаніе объ Олегѣ и современникъ П.—К. Θ. Рылѣевъ, за участіе въ декабрьскомъ возстаніи повѣшенный 26 іюля 1826 года.

II. Адели. (стр. 65). Стихотвореніе обращено (въ шутку) къ маленькой дочери А. Л. Давыдова, родственника Раевскихъ.

IV. Гречанкѣ (стр. 67). Гречанка—Калипсо Полихрони—жила въ это время въ Кишиневѣ и не отличалась строгостью поведенія. Пѣвецъ Леилы—Байронъ (по слухамъ, Калипсо была его любовницей).

*) Вмѣсто „Или философа“ (см. выше).

V. Баратынскому изъ Бессарабіи (стр. 68).

Бессарабія воспѣта Державинымъ гл. обр. въ его одѣ „На взятіе Изманла“. Пушкинъ часто вспоминалъ въ Бессарабіи „тѣнь Назона“—Овидія, влчившаго здѣсь свои годы изгнанія и называетъ Боратынскаго „живымъ Овидіемъ“ потому, что особенно высоко въ это время ставилъ элегіи Боратынскаго, находившагося въ то время также въ изгнаніи: Боратынскій былъ исключенъ изъ Пажескаго корпуса безъ права поступать на какую бы то ни было службу (кромѣ, какъ въ полкъ рядовымъ) и былъ принужденъ служить въ мрачной Финляндіи рядовымъ солдатомъ.

VI. Ему же (стр. 69). „Обѣщанная тетрадь“—очевидно, собраніе стихотвореній Боратынскаго, которое онъ предполагалъ тогда издать (это изданіе тогда не состоялось, и первый сборникъ Боратынскаго вышелъ только въ 1827 году).

VII. (стр. 69). Стихотвореніе навѣяно воспоминаніями о жизни съ Раевскими въ Крыму и въ черновой рукописи было гораздо болѣе распространеннымъ.

IX. Пріятелю (стр. 70). Н. С. Алексѣевъ (см. выше) относилъ къ себѣ это стихотвореніе. Лаура была воспѣта знаменитымъ итальянскимъ поэтомъ любви—Петраркой, однимъ изъ величайшихъ мастеровъ сонета (очень извѣстны его сонеты, посвященные Лаурѣ).

Узникъ (стр. 71). Пушкинъ тяготился своей темницей—ссылкой и часто мечталъ о томъ, чтобы „улетѣть“ туда, „гдѣ синѣютъ морскіе края“—за границу.

1823.

I. (стр. 71). Стихотвореніе обращено къ неизвѣстному намъ лицу.

II. (стр. 73). Въ этомъ стихотвореніи, несомнѣнно, Пушкинъ опять вспоминаетъ Крымъ (объ этомъ говоритъ самый тонъ стихотворенія) и, по всей вѣроятности, М. Н. Раевскую, внушившую ему „небесную любовь“. Замѣняютъ ли точки недошедшіе до насъ стихи, или говорятъ только о недосказанности и невыразимости — сказать невозможно за отсутствіемъ данныхъ. Измѣненіе пушкинской датировки (съ 1823 на 1824 годъ), дѣлаемое нѣкоторыми изслѣдователями, ничѣмъ не обосновано.

III. Демонъ (стр. 73). Пушкинъ придавалъ большое значеніе своему „Демону“ и такъ писалъ объ ошибкахъ, допущенныхъ В. К. Кюхельбекеромъ при напечатаніи въ его журналѣ „Мнемозина:“ „Не стыдно ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего Демона! моего Демона! Послѣ этого онъ и вѣрую напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни Моря, ни капли стиховъ отъ меня!“

Пушкинъ предполагалъ также напечатать замѣтку о „Демонѣ“ въ отвѣтъ на раздававшіе противорѣчивые мнѣнія и толки о томъ, что подъ „демономъ“ слѣдуетъ понимать А. Н. Раевского, и писалъ: „Многіе... указывали на лицо, которое Пушкинъ хотѣлъ будто бы изобразить въ этомъ странномъ стихотвореніи... Кажется, они не правы; по крайней мѣрѣ, я вижу въ Демонѣ цѣль болѣе нравственную. Не хотѣлъ ли поэтъ олицетворить сомнѣніе? Въ лучшее

время жизни сердце, не охлажденное опытом, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало по малу вѣчныя противорѣчія сущности рождаютъ въ немъ сомнѣніе—чувство мучительное, но не продолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предрасудки души... Недаромъ великій Гете называлъ вѣчнаго врага человѣчества—духомъ отрицающимъ... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ „Демонѣ“ олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ пріятной картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка?“

Это объясненіе Пушкина не исключаетъ возможности того, что поэтъ могъ воспользоваться для „Демона“ и нѣкоторыми чертами А. Н. Раевского.

„Демонъ“ родствененъ Евгенію Онѣгину (конца первой главы) и имѣетъ несомнѣнный автобіографическій характеръ: въ это время Пушкинъ „искушалъ провидѣніе“ „и не вѣрилъ любви“ (въ поэмѣ „Гаврилиада“) и свободѣ, обращаясь къ людямъ со словами „Паситесь, мирные народы!“ и называя ихъ „стадами“:

Паситесь, мирные народы!

Васъ не пробудетъ чести кличъ.

Къ чему стадамъ дары свободы,—

Ихъ должно рѣзать или стричъ.

Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды

Ярмо съ гремушками да бичъ.

1824.

I. (*Подражаніе А. Шенье*) (стр. 75). Это стихотвореніе представляетъ въ большей степени воль-

ный переводъ, чѣмъ подражаніе элегіи А. Шенье. А. Шенье—одинъ изъ лучшихъ французскихъ поэтовъ-элегиковъ конца XVIII вѣка, въ своихъ стихотвореніяхъ близко подошедшій къ античнымъ образцамъ и усвоившій ихъ духъ. А. Шенье погибъ на эшафотѣ (см. стихотвореніе 1825 г.—„Андрей Шенье“).

II. Прозерпина (стр. 76). Это стихотвореніе представляетъ переводъ-подражаніе Парни.

Флегетонъ—рѣка въ Аидѣ, *Плутонъ*—подземный богъ, богъ мертвыхъ. *Прозерпина* (или Персефона), дочь богини Деметры, была похищена Плутономъ въ подземное царство. Элизей—царство блаженныхъ тѣней; Керера или Церера (Деметра)—богиня плодородія.

III. Къ морю (стр. 78). Стихотвореніе „Къ морю“ навѣяно какъ вѣстью о смерти Байрона (о которомъ поэтъ говоритъ въ 10-13 строфахъ), такъ и отъѣздомъ II. изъ Одессы въ Михайловское.

Въ рукописныхъ спискахъ и въ современныхъ намъ изданіяхъ сочиненій Пушкина 13 строфа читается двояко.—Въ однихъ—

Міръ опустѣлъ... Теперь куда же

Меня-бъ ты вынесъ, океанъ?

Судьба людей повсюду та же:

Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ

Иль просвѣщеніе, иль тиранъ.

Въ другихъ—

Гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ

Замѣтимъ кстати, что II. ставилъ не $4\frac{1}{2}$, а $3\frac{1}{2}$ строчки точекъ и что могъ не печатать полностью не

изъ за цензурныхъ условій (или не исключительно изъ за нихъ).

V. Д***у. (*На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крыма.*) (стр. 81). Стихотвореніе обращено къ А. Л. Давыдову; въ кievскомъ имѣніи Давыдовыхъ Каменкѣ Пушкинъ гостилъ и велъ тамъ политическія бесѣды. Отецъ Энеиды—Виргилій, знаменитый римскій поэтъ, авторъ поэмы „Энеиды“.

VII. Подражанія Корану (стр. 83). „Подражанія Корану“ Пушкинъ посвятилъ своей сосѣдкѣ по Михайловскому уединенію—П. А. Осиповой (см. о ней во вступительномъ очеркѣ). Пушкинъ очень интересовался Кораномъ, съ которымъ былъ знакомъ по французскому переводу. См. Примѣчанія Пушкина къ „Подражаніямъ Корану“ (стр. 199).

VIII. Къ Языкову (стр. 90). Н. М. Языковъ, къ которому Пушкинъ обратился съ этимъ посланіемъ, одинъ изъ первостепенныхъ поэтовъ пушкинской эпохи, жилъ въ это время въ Дерптѣ-Юрьевѣ (онъ былъ студентомъ Дерптскаго Университета). Поэтъ не разъ приглашалъ Языкова въ Псковскую губернію, гдѣ было имѣніе ихъ общаго пріятеля—А. Н. Вульфа—Тригорское.

Стихъ—Куда подуетъ самовластье—былъ искаженъ цензурой—Куда подуетъ непогода.

Пушкинъ печаталъ посланіе Языкову безъ окончанія, которое приводимъ ниже:

Я жду тебя. Тебя со мною

Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ

Мой братъ по крови, по душѣ,

Шалунъ, замѣченный тобою;
И, музъ возвышенный пророкъ,
Нашъ Дельвигъ все для насъ оставить,
И наша троица прославить
Изгнанья темный уголокъ.
Надзоръ обманемъ караульный,
Восхвалимъ вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудимъ шумные пиры;
Вниманье дружное преклонимъ
Къ звону рюмокъ и стиховъ
И скуку зимнихъ вечеровъ
Виномъ и пѣснями прогонимъ.

IX. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ
(стр. 91). Первоначально „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ былъ напечатанъ въ отдѣльномъ изданіи первой главы „Евгенія Онегина“ въ качествѣ введенія въ романъ.

Коринну—воспѣвалъ Овидій Назонъ.

Послѣ стиха „Искалъ вниманья красоты“ (стр. 95) въ рукописи слѣдовали еще четыре стиха, откинутые Пушкинымъ при печатаніи:

Мои слова, мои напѣвы
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда;

То же послѣ стиха „Боготворить не устыдился“ (стр. 95):

Ахъ, лира, лира. Что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, если бъ Лета поглотила

Мои летучія мечты!

Эти оба мѣста исключены нами въ текстѣ на томъ основаніи, что они, очевидно, были признаны ненужными или излишними, третій же пропускъ Пушкина—8 стиховъ (начиная со стиха: Съ кѣмъ по-дѣлюсь я вдохновеньемъ?)—нами восстановленъ, п. ч. въ нихъ Пушкинъ говоритъ о Крымѣ, о М. Н. Раевской, и очевидно стремленіе поэта исключить указаніе на его святыню сердца, а не судъ художника, должно было заставить его сдѣлать этотъ пропускъ.

1825.

I. Андрей Шенье (стр. 99). Посвящено Н. Н. Раевскому (см. вступительный очеркъ).

„Другая тѣнь“—тѣнь А. Шенье.

„Урна Байрона“— Властитель думъ“ Пушкинского времени міровой англійскій поэтъ Байронъ умеръ въ 1824 году.

„Андрей Шенье“ значительно пострадалъ отъ цензурныхъ сокращеній: такъ, послѣ стиха „Не измѣнилась до конца!“ было исключено 44 стиха (соответственно съ этимъ и стихъ послѣ этого отрывка Пушкинъ печаталъ иначе: „... Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства“), стихъ „Сихъ палачей самодержавныхъ“ замѣненъ многоточіемъ. Мы исправляемъ стихъ, напечатанный въ изд. 1829 г. очевидно ошибочно по типографскому недосмотру:

Къ рѣшеткѣ поднялъ важны (вм. влажны) взоры...

Стихотвореніе „Андрей Шенье“ навлекло на Пушкина впослѣдствіи—въ 1827 и 1828 году—

очень большія непріятности, такъ какъ правительство Николая I его пріурочило къ событіямъ 14 декабря 1825 года. Было возбуждено по этому поводу цѣлое дѣло, едва не кончившееся для Пушкина весьма печально.

См. примѣчанія Пушкина къ этому стихотворенію (на стр. 199).

II. Сожженное письмо (стр. 105). По мнѣнію изслѣдователей Пушкина, это стихотвореніе относится къ графинѣ Е. К. Воронцовой, женѣ намѣстника Воронцова, съ которымъ Пушкинъ весьма не ладилъ въ Одессѣ и по настоянію котораго былъ высланъ въ село Михайловское (см. вступительный очеркъ).

V. Движеніе (стр. 108). Галилео Галилей—извѣстный ученый физикъ XVI вѣка, открывшій, м. п., законъ вращенія земли.

VII. Соловей и кукушка (стр. 108). Стихотвореніе это вызвано необыкновенной модой въ началѣ двадцатыхъ годовъ на элегію. „Весны пѣвецъ разнообразной“—очевидно, Жуковскій, кукушка и эхо—его подражатели. Эту же моду высмѣялъ нѣсколько ранѣе Пушкина и Боратынскій въ своемъ посланіи къ Н. И. Гвѣдичу:

Жуковскій виноватъ: онъ первый между нами
Вошелъ въ содружество съ германскими пѣвцами
И сталъ передавать, забывши Божій страхъ,
Жизнехуленья ихъ въ плѣнительныхъ стихахъ.
Прости ему Господь! Но что же?—всѣ мараки
Ударились потомъ въ задумчивыя враки,
У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
Душа увянула и сердце отцвѣло.

IX. (стр. 109). Стихотвореніе это вызвано вѣстью о смерти А. Ризничъ (умерла въ Италіи въ началѣ 1825 года). Пушкинъ познакомился съ А. Ризничъ въ Одессѣ и, повидимому, серьезно увлекся ею.

Х. 19 октября (стр. 110). 19 октября—день открытія Царскосельскаго Лицея (19 октября 1811 г.); въ этотъ день—когда собиралась вся дорогая Пушкину лицейская семья—поэту особенно тяжело было его насильственное уединеніе въ Михайловскомъ. Въ IV строфѣ Пушкинъ говоритъ о Н. А. Корсаковѣ, умершемъ въ Италіи (во Флоренціи) въ 1820 году; передъ смертью онъ сочинилъ себѣ надпись на русскомъ языкѣ—

Прохожій, поспѣши къ странѣ родной своей!

Ахъ! Грустно умереть далеко отъ друзей!—

и очень беспокоился о томъ, что она не будетъ воспроизведена.

Въ V и VI строфахъ П. вспоминаетъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина (моряка).

Въ IX строфѣ (какъ и во всѣхъ послѣдующихъ) Пушкинъ поставилъ заглавную букву, но послѣ письма графа А. Х. Бенкендорфа (въ которомъ послѣдній писалъ: „Заглавныя буквы друзей въ піесѣ 19 октября не могутъ ли подать поводъ къ неблагопріятнымъ для Васъ собственно заключеніямъ?“) всюду замѣнилъ собственные имена тремя звѣздочками. И. И. Пущинъ—одинъ изъ ближайшихъ и сердечныхъ друзей (м. п. сосѣдъ по комнатѣ) Пушкина въ Лицеѣ—навсегда сохранилъ къ Пушкину особенное дружеское чувство и первый навѣстилъ его въ Михайловскомъ заточеніи

(въ январѣ 1825 года). И. И. Пущинъ принадлежалъ къ той лучшей и образованной части русскаго общества, которая не на словахъ только хотѣла служить народу, и съ этой цѣлью Пущинъ отказался отъ блестящей карьеры и сталъ судьей. Пущинъ принималъ участіе въ событіяхъ 14 декабря 1825 года и былъ сосланъ въ Сибирь. Тамъ (въ Читѣ) его встрѣтило задушевное слово Пушкина, принесшее ему утѣшеніе:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!

И я судьбу благословилъ,

Когда мой дворъ уединенный,

Печальнымъ снѣгомъ занесенный,

Твой колокольчикъ огласилъ.

Молю святое Провидѣнье,

Да голосъ мой душѣ твоей

Даруетъ то же утѣшенье.

Да озаритъ онъ заточенье

Лучомъ лицейскихъ ясныхъ дней.

Наука о Пушкинѣ многимъ обязана И. И. Пущину, между и прочимъ и за его записки, въ которыхъ заключается цѣнный матеріалъ для біографіи Пушкина.

Въ X строфѣ П. говоритъ о холодномъ счастливцѣ—князѣ А. М. Горчаковѣ (который случайно, проездомъ, попалъ въ Михайловское), въ послѣдствіи государственномъ канцлерѣ и вершителѣ судебъ Россіи въ дѣлахъ иностранной политики. Съ Горчаковымъ П. никогда не былъ особенно друженъ, Горчаковъ же, повидимому, совершенно не понималъ значенія и силы поэтическаго генія его лицейскаго товарища.

„Вильгельмъ“ въ XIII (XIV строфа относится также къ нему) строфѣ—В. К. Кюхельбекеръ; „мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ“: по музѣ—Кюхельбекеръ также былъ поэтомъ, по судьбамъ—и онъ испыталъ гоненіе (за участіе въ декабрьскомъ возстаніи К. былъ сосланъ въ Сибирь).

Пророчество-предчувствіе Пушкина, заключенное въ XV строфѣ, точно исполнилось.

„Несчастливымъ другомъ“ (см. заключительную строфу) оказался князь А. М. Горчаковъ (умеръ въ 1883 году).

Пушкинъ печаталъ не полностью „19 октября“, исключивъ нѣсколько строкъ (одну изъ нихъ б. м. по цензурнымъ соображеніямъ), которыя мы приводимъ ниже.

Въ началѣ (послѣ первой строфы):

Товарищи, сегодня праздникъ нашъ,
Завѣтный срокъ! Сегодня тамъ, далече,
На пиръ любви, на сладостное вѣче,
Стеклися вы. При звонѣ мирныхъ чашъ
Вы собрались. мгновенно молодѣя,
Усталый духъ въ минувшемъ обновить,
Поговорить на языкѣ Лицея
И съ жизнью вновь свободно пошалить.

На пиръ любви душой стремлюся я...
Вотъ вижу васъ, вотъ милыхъ обнимаю,
И праздника порядокъ учреждаю...
Я вдохновенъ... О, слушайте, друзья:
Чтобъ тридцать мѣстъ насъ ожидали снова!

Садитесь, какъ вы садились тамъ,
Когда мѣста, въ тѣни святого крова,
Отличіе предписывало намъ.

Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пушай опять Вольховскій сядетъ первый,
Послѣднимъ я иль Брогльо, иль Данзасъ;
Но многіе не явятся межъ нами...
Пушай, друзья, пустѣть мѣсто ихъ:
Они придутъ! конечно, надъ водами,
Иль на холмѣ, подъ сѣнью липъ густыхъ,

Они твердятъ томительный урокъ
Или романъ украдкой пожираютъ,
Или стихи влюбленные слагаютъ,—
И позабытъ полуденный звонокъ.
Они придутъ; за праздные приборы
Усядутся; наполнять свой стаканъ;
Въ нестройный хоръ сольются разговоры,
И загремѣтъ веселый нашъ пеанъ *).

Послѣ IX строфы:

Что жъ я тебя ***) не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ, ***)
Ты, нашъ казакъ, и пылкій, и незлобный,
Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
Не озарилъ присутствіемъ своимъ?
Мы вспомнили бѣ, какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ,

*) Пѣсня, написанная барономъ Дельвигомъ.

**) И. В. Малиновскаго.

***) Съ И. И. Пущинымъ.

Какъ мы одну всѣ трое полюбили,—
Наперсники, товарищи проказъ!
Вмѣсто XVI строфы было написано три строфы:
И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Да здравствуетъ, да здравствуетъ Лицей!
Златые дни, уроки и забавы,
И черный столъ *) и бунты вечеровъ,
И нашъ словарь, и плески мирной славы,
И критики лицейскихъ мудрецовъ **)!)

О, други, съ мѣсть! Вторую наливайте!
Полнѣй, полнѣй!—и, сердцемъ возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте.
Но за кого жъ?... О други! угадайте?
Ура, нашъ Царь! Такъ выпьемъ за Царя!
Онъ человѣкъ, имъ властвуетъ мгновенье,
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей;
Но такъ и быть, простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей ***).

Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,

*) Отдѣльный столъ для оштрафованныхъ лицейстовъ.

**) „Лицейскій мудрецъ“—одинъ изъ журналовъ, издававшихся лицейстами (тамъ помѣщались стихотворенія Пушкина, Иличевского, Дельвига, Яковлева и проч.)

***) Пушкинъ, по его выраженію, подвѣсивалъ до гроба Александру I.

Имъ чистая лампада возжена *)!...

Хвала и вамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

XI. (стр. 115) Это стихотвореніе представляетъ собою подражаніе „Пѣсни Пѣсней“; въ которыхъ изданіяхъ относится не къ 1825, а къ 1821 году.

XII. (стр. 115). Также подражаніе „Пѣсни Пѣсней“.

XIII. П. А. О***. (стр. 116). П. А. О*** — П. А. Осипова (по первому мужу Вульфъ), владѣлица Тригорскаго (въ 3 верстахъ отъ Михайловскаго), въ которомъ П. проводилъ много времени (см. вступительный очеркъ). Въ томъ же 1825 году П. записалъ въ ея альбомъ слѣдующіе, глубоко поэтическіе 6 стиховъ:

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцевъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

Кромѣ того, въ принадлежащемъ намъ альбомѣ П. А. Осиповой записано и другое прощаніе съ Тригорскимъ—1817 года, когда П. проводилъ лѣто въ Псковской губерніи. Это стихотвореніе во всѣхъ изданіяхъ печатается неправильно; ниже мы приводимъ исправленный текстъ:

*) А. П. Куницынъ, преподаватель нравственно философіи и государственнаго права, имѣлъ наибольшее вліяніе на воспитанниковъ.

Простите, вѣрныя дубравы!
Прости, безпечный миръ полей,
И легкокрылыя забавы
Столь быстро улетѣвшихъ дней!
Прости Тригорское, гдѣ радость
Меня встрѣчала столько разъ!
На то ль узналъ я вашу сладость,
Чтобъ навсегда покинуть васъ?
Отъ васъ беру воспоминанье,
А сердце оставляю вамъ;
Быть можетъ—сладкое мечтанье!—
Я къ вашимъ возвращусь полямъ;
Приду подъ липовые своды,
На скать Тригорскаго холма,
Поклонникъ дружеской Свободы,
Веселья, Грацій и Ума.

XIV. Н. Н. (*При посылкѣ ей Невскаго Альманаха*). (стр. 116). Въ 1825 году вышла первая книжка „Невскаго Альманаха“, ежегоднаго сборника разсказовъ и стиховъ, украшеннаго гравюрами (содержаніе его приведено Пушкинымъ съ замѣною нѣкоторыхъ буквъ въ собственныхъ именахъ звѣздочками). Въ 20 и 30-хъ годахъ такіе альманахи были очень распространены; изъ всего множества альманаховъ выдѣляются по поэтическому достоинству и по художественности изданія „Сѣверныя Цвѣты“, издавашіеся барономъ Дельвигомъ (также съ 1825 года).

По всей вѣроятности, это стихотвореніе относится къ кому-нибудь изъ Вульфовъ-Осиповыхъ, которымъ

второстепенный писатель Д. М. Княжевичъ дѣйстви-
тельно приходился дальнимъ родственникомъ.

XVII. (стр. 118). Это стихотвореніе П. написалъ
въ альбомъ Е. Н. Вульфъ (впослѣдствіи баронессы
Вревской), одной изъ тригорскихъ пріятельницъ Пуш-
кина, дружескія отношенія съ которой онъ поддерживалъ
до конца своей жизни. Весьма распространенная легенда
о томъ, что П. списалъ съ Е. Н. Вульфъ свою
Татьяну въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, ни на чемъ не осно-
вана (уже хотя бы потому, что ей было 8 лѣтъ,
когда поэтъ видѣлъ ее послѣдній разъ передъ
началомъ созданія романа).

XIX. Козлову (*По полученіи отъ него „Чер-
неца“*). (Стр. 118). „Чернецъ“—нашумѣвшая поэма
И. И. Козлова (повліявшая, м. п., на „Мцыри“ Лер-
монтова), одного изъ первостепенныхъ и замѣчатель-
ныхъ поэтовъ пушкинской эпохи, имѣющаго много об-
щаго въ своемъ характерѣ и творествѣ съ Жуков-
скимъ. К. принадлежалъ къ старшему поколѣнію (онъ
родился въ 1779 г.), но сталъ поэтомъ только тогда,
когда лишился зрѣнія и ногъ; въ своемъ поэтическомъ
творествѣ Козловъ подпалъ подъ вліяніе Пушкина,
Жуковского и Байрона.

XX. *Ex ungue leonem*. (Стр. 119). *Ex ungue
leonem*—по когтямъ льва (можно узнать). „Площад-
ной шутъ“—критикъ и баснописецъ А. Е. Измайловъ.

XXI. Къ ***. (Стр. 119). Стихотвореніе обра-
щено къ А. П. Кервѣ, племянницѣ П. А. Осиповой,
гостившей у нея; П. въ это время увлекался ею.
Любопытныя подробности о ней и матеріалы для ха-

рактеристики любовнаго быта въ пушкинскую эпоху см. въ „Дневникъ А. Н. Вульфа“ подъ ред. М. Л. Гофмана.

XXIII. Зимній вечеръ (стр. 121). Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ передаетъ свой зимній вечеръ въ Михайловскомъ и обращается къ своей нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, игравшей большую роль въ его жизни (въ большой степени ей обязанъ Пушкинъ своимъ знаніемъ народной жизни, подходомъ къ ней и изумительнымъ проникновеніемъ въ тайники народнаго творчества и народной души). Два года спустя П началъ стихотвореніе, обращенное къ ней и оставшееся неоконченнымъ:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ;
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя ворота
На черный, отдаленный путь,—
Тоска, предчувствія, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь.
То чудится тебѣ...

1826.

I. Пророкъ (стр. 122). Это стихотвореніе Пушкина обычно сближаютъ со стихотвореніями, въ которыхъ онъ выражаетъ свой взглядъ на творчество и, въ частности, на поэтическое творчество. Образы поэта

и пророка сближаются не только общимъ божественнымъ происхожденіемъ и божественнымъ, священнымъ назначеніемъ „жечь сердца людей“: и поэтъ и пророкъ должны внимать и „горнему полету ангеловъ“ (высокому въ жизни), и „подводному ходу морскихъ гадъ“ (пизкому въ жизни) и отзываться на нихъ, и поэтъ и пророкъ должны принести священную жертву своему богу (см. стихотвореніе 1827 года „Поэтъ“) — свое трепетное челоуѣческое сердце, убить въ себѣ челоуѣческое, претворить свои радости и горести въ образы творчества.

III. Отвѣтъ **Θ. Т.***** (стр. 124). Это стихотвореніе представляетъ отвѣтъ небезызвѣстному въ то время поэту **Θ. А. Туманскому**.

IV. Къ **Яз*****. (стр. 125). Яз.—**Н. М. Языковъ** (см. выше).

V. **Стансы** (стр. 125). Долгорукій отличался тѣмъ, что безбоязненно говорилъ открыто правду Петру Великому. У Пушкина былъ своего рода культъ Петра Великаго, подражать которому онъ призывалъ Николая I.

Поэта очень тяготила мысль о судьбѣ декабристовъ, и онъ постоянно старался внушить Николаю I „незлобивость памяти“. Это стихотвореніе вызвало весьма неосновательные упреки Пушкину въ лести.

VI. Къ **Баратынскому** (стр. 126). Повѣсть Баратынскаго—„Эда“, которою П. восторгался; Зоиль поэта—критикъ „Сѣверной Пчелы“. Это стихотвореніе до сихъ поръ неправильно относилось къ 1825 году, между тѣмъ какъ „Эда“ вышла только въ 1826 году.

и тогда же появились критическіе отзывы о ней, въ общемъ очень благожелательные.

1827.

I. Черепъ (стр. 126). „Черепъ“—посланіе къ барону А. А. Дельвигу (см. выше). Фихте—нѣмецкій философъ, Платонъ—греческій философъ, В.—А. Н. Вульфъ, пріятель Пушкина по Тригорскому (см. выше). Пѣвецъ Корсара—Байронъ. П. называетъ Боратынскаго Гамлетомъ, потому что Б., подобно Гамлету (въ трагедіи Шекспира „Гамлетъ“), разсуждалъ о смерти при видѣ черепа (см. его стихотвореніе „Черепъ“).

IV. Княгинѣ З. А. Волконской (*посылая ей поэму: Цыганы*) (стр. 133). Княгиня З. А. Волконская была поэтессой и собирала вокругъ себя, въ своемъ салонѣ, поэтовъ, музыкантовъ и художниковъ. Каталани—извѣстная итальянская пѣвица того времени.

VI. Талисманъ (стр. 135). Талисманъ—перстень, съ которымъ П. не разставался до смерти; по преданію, этотъ перстень ему подарила графиня Е. К. Воронцова (см. выше); въ достовѣрности этого преданія можно однако усомниться уже потому одному, что завѣтный перстень Пушкина не былъ при немъ въ октябрѣ 1824 года; въ концѣ этого мѣсяца поэтъ давалъ слѣдующія порученія брату: „пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да перстень—мнѣ грустно безъ него; рискни—съ Михайломъ“.

VII. Золото и булатъ (стр. 136)—переводное стихотвореніе (съ французскаго).

VIII. 19 октября 1827 (стр. 136). Въ „мрачныхъ пропастяхъ земли“—въ Сибири—изъ лицейскихъ товарищей Пушкина были Пущинъ и Кюхельбекеръ (декабристы).

1828.

I. Чернь (стр. 136). „Кумиръ Бельведерскій“—извѣстная статуя Аполлона (Бельведерскаго), находящаяся въ Римѣ.

Это стихотвореніе Пушкина приводится обыкновенно, какъ наиболѣе яркое выраженіе взгляда на искусство какъ на „искусство для искусства“, ненужное для жизни и прекрасно-безполезное. Дѣйствительно, Пушкинъ всегда возмущался стремленіемъ подчинить поэзію практическимъ, временнымъ цѣлямъ жизни, замѣнить лиру метлой и говорилъ, что „цѣль поэзіи—поэзіи“, защищая полную свободу и самостоятельность поэта и поэтического творчества. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что Пушкинъ считалъ прекрасное, красоту и поэзію, вполне самодовлѣющимъ и отрѣшеннымъ отъ жизни: поэтъ ставилъ себѣ въ заслугу, „что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ“, и признавалъ такое воздѣйствіе на жизнь поэзіи, изъ жизни заимствующей матеріалъ поэтического творчества.

II. (*Конрадъ Валленродъ*) (стр. 139). Пушкинъ перевелъ только вступленіе къ поэмѣ знаменитаго своего польскаго современника. польскаго Пушкина—Мицкевича—„Конрадъ Валленродъ“.

V. (стр. 144). Это стихотвореніе представляетъ зобомъ близкое подражаніе одѣ Анакреонта.

VI. Отвѣтъ Катенину (стр. 144). П. отвѣчаетъ П. А. Катенину на посвященіе ему „Русской были“, стихотворенія П. А. Катенина. Въ своемъ посвященіи Пушкину Катенинъ говоритъ, что завѣтный кубокъ поэзии находится въ настоящее время у Пушкина:

Въ него ты черезъ край зливаешь
Свое волшебное питье,
Въ которомъ Вакха лозь огнистыхъ
Румяный, сочный, вкусный плодъ
Растворенъ свѣжестью чистыхъ,
Живительныхъ Кастальскихъ водъ.

Этими же образами воспользовался и П. для своего „Отвѣта“.

Подчеркнутый Пушкинымъ стихъ—*„Не нью, любезный мой сосѣдъ“*—взятъ изъ посланія Г. Р. Державина къ своему сосѣду.

„Лавръ Корнеля (французскаго драматурга XVII) или Тасса“ (Торквато Тассо—знаменитый итальянскій поэтъ XVI вѣка, авторъ поэмы „Освобожденный Іерусалимъ“) пожинать Пушкинъ предлагаетъ Катенину, какъ переводчику (см. выше),

VIII. И. В. С. (стр. 145). Пушкинъ написалъ это стихотвореніе въ альбомъ извѣстнаго въ то время книгопродавца И. В. Сленина.

IX. Воспоминаніе (стр. 146). Пушкинъ печаталъ только первую половину, вторую же исключилъ, б. м., вслѣдствіе ея слишкомъ автобіографическаго характера:

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,

Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.

Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ

На играхъ Вакха и Киприды,

И сердцу вновь наносить хладный свѣтъ

Неотразимыя обиды.

И нѣтъ отрады мнѣ, и тихо предо мной

Встаютъ два призрака младые,

Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой

Мнѣ ангела во дни былые!

Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,

И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,

И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ

О тайнахъ вѣчности и гроба!...

По мнѣнію изслѣдователей жизни и творчества Пушкина, подъ одной „милей тѣнью“ надо разумѣть А. Ризничъ,

XI. Предчувствіе (стр. 147). „Снова тучи собрались“ надъ Пушкинымъ въ 1828 г.: возникли и принимали очень неблагоприятный для Пушкина оборотъ два дѣла—о стихотвореніи „Андрей-Шенье“ и о кощунственной поэмѣ 1822 г. „Гаврилиада“; мало отрадно были въ этомъ году также обстоятельства личнаго свойства (см. вступительный очеркъ).

XIII. (стр. 149). Какъ можно предполагать, стихотвореніе это относится къ А. А. Олениной (въ послѣдствіи Андро).

XV. Отвѣтъ А. И. Готовцовой (стр. 150). А. И. Готовцова, весьма слабая поэтесса, обратилась къ Пушкину съ посланіемъ, въ которомъ упрекала его

въ обидномъ и несправедливомъ отношеніи къ женщинамъ (очень неясно).

XVI. То Dawe esq^r (стр. 150). Dawe—Доу—извѣстный англійскій портретистъ. Подъ*** надо понимать А. А. Оленину, вдохновившую поэта на соизданіе нѣсколькихъ стихотвореній и внушившую вполнѣ серьезное чувство къ себѣ.

XVIII. 26 мая 1828 стр. 151). 26 мая—день рожденія Пушкина (26 мая 1799). Безотрадность этого стихотворенія, столь рѣдкая у П-на, вызвана переживаніями этого года.

XIX. Анчаръ. Древо яда (стр. 152). „Древо яда“—Анчаръ—растетъ на островѣ Явы, и его сокъ является дѣйствительно опаснымъ при зараженіи кожи. Быть можетъ, чтеніе послѣдней строфы измѣнено подъ вліяніемъ цензурныхъ условій и слѣдуетъ возстановитъ первоначальное

А царь тѣмъ ядомъ наплатъ...

Возможно, однако, и другое объясненіе, по которому къ непобѣдимому владыки въ обстановкѣ „Анчара“ не подходитъ имя царя. Во всякомъ случаѣ мы не рѣшились измѣнять текста, напечатаннаго Пушкина.

Стихотвореніе „Анчаръ“ навлекло на Пушкина непріятности и неудовольствія со стороны правительства.

1829.

I. Е. Н. У***вой. (стр. 153). Стихотвореніе это относится къ Е. Н. Ушаковой (въ семьѣ Ушаковыхъ было три дочери, и Пушкинъ часто бывалъ у

нихъ въ Москвѣ). Пр*** поле— Прѣсенское поле, у котораго жили Ушаковы.

II. (стр. 154). Стихотворение обращено къ Е. В. Вельяшевой, одной изъ многочисленныхъ кузинъ А. Н. Вульфа. Въ тверской деревнѣ Вульфа—Малинникахъ—Пушкина именовали вампиромъ и Мефистофелемъ за похищеніе дѣвическихъ сердець (Пушкину подражалъ А. Н. Вульфъ, старавшійся дѣйствовать „методомъ Мефистофеля“, т. е. Пушкина). До сихъ поръ во всѣхъ изданіяхъ стихотворение неправильно относилось къ 1828 году (см. „Дневникъ А. Н. Вульфа“). Въ написаніи этого стихотворенія принималъ участіе А. Н. Вульфъ, въ исправленіи же—дядя его П. И. Вульфъ.

III. **Примѣты.** (стр. 155). Стихотвореніе это до сихъ поръ, безъ всякихъ основаній, печаталось съ подзаголовкомъ—А. А. Олениной; гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что оно относится также къ Е. В. Вельяшевой.

IV. **Въ альбомъ.** (стр. 155). По предположенію П. В. Анненкова, это стихотвореніе относится къ А. А. Олениной.

V. (стр. 156). Тоже.

VI. (стр. 156). Стихотвореніе это относится къ А. П. Кернъ (см. выше).

VII. **Отрывокъ** (стр. 157). По мнѣнію изслѣдователей Пушкина, этотъ отрывокъ вызванъ любовью поэта (въ то время отвергнутой) къ Н. Н. Гончаровой, будущей женѣ его.

VIII. **Изъ Гафиза.** (стр. 158). Гафизъ—знаменитый персидскій поэтъ XIV вѣка (П. познакомился съ нимъ очевидно по французскимъ переводамъ).

IX, X, XI и XII (стр. 158 и слѣд.)—вызваны впечатлѣніями Пушкина, вынесенными изъ поѣздки его на Кавказъ и въ закавказье, въ дѣйствующую армію.

XVIII. **Элегическій отрывокъ.** (стр. 167). Стихотвореніе это какъ нельзя болѣе передаетъ настроеніе Пушкина, получившаго отказъ на свое сватовство къ Н. Н. Гончаровой.

XX. **Загадка.** (*При посылкѣ Дельвигу бронзоваго сфинкса*) (стр. 169). Теокрытъ—великій греческій поэтъ-идилликъ.

Эта „Загадка“, очевидно, вызвана идилліей барона Дельвига „Золотой вѣкъ“. Дельвигъ писалъ идилліи въ подражаніе древнимъ и пѣсни—въ подражаніе русскимъ народнымъ пѣснямъ, будучи по своему происхожденію германцемъ—нѣмцемъ. Эдипъ въ (греческой древней легендѣ-миѣ), убившій отца и женившійся на своей матери (самъ того не зная—такъ было суждено рокомъ), разгадалъ загадку сфинкса, которую никто изъ смертныхъ не могъ разгадать.

XXI. **Литературное извѣстіе** (стр. 169). Это стихотвореніе-эпиграмма написано на извѣстнаго въ то время ученаго и критика М. Т. Каченовскаго, враждовавшаго съ Пушкинымъ и другими „романтиками“. В. К. Тредьяковскій—одинъ изъ первыхъ писателей XVIII в., введшій (до Ломоносова) новое—тоническое стихосложеніе. человекъ не только несомнѣнной учености, но и ума. Бездарность и тяжело-вѣсность стихотвореній Тредьяковскаго, вошедшія въ пословицу, весьма и весьма не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, и значеніе его въ русской литературѣ

безусловно большое и положительное. Н. Н. Поповскій—писатель и философъ XVIII вѣка, переводчикъ англійскаго философа Попа; И. П. Елагинъ и Н. Г. Бургановъ—также второстепенные писатели XVIII вѣка. Эпиграмма, т. обр., больше всего указываетъ на отсталость отъ вѣка М. Т. Каченовскаго.

XXII. Къ ** (стр. 170). Къ кому относится эта эпиграмма—неизвѣстно. С.-При былъ извѣстенъ въ русскомъ обществѣ своими карикатурами. О Нелединскомъ-Мелецкомъ см. выше.

1830.

I. Отвѣтъ (стр. 170). Это стихотвореніе относится къ Е. Н. Ушаковой.

II. Стансы (стр. 171). „Стансы“ вызваны стихотвореніемъ митрополита Филарета—передѣлкой стихотворенія Пушкина „26 мая 1828“ (см. выше).

III. Новоселье (стр. 171). Это стихотвореніе обращено къ другу Пушкина П. В. Нащокину.

IV. Къ вельможѣ (стр. 172). Посланіе Пушкина обращено къ вельможѣ Екатерининскихъ временъ—князю Н. Б. Юсупову, жившему въ своей царски богатой и художественно-великолѣпной подмосковной усадьбѣ—въ Архангельскомъ. Въ Архангельскомъ, которое Пушкинъ цѣнилъ не только по его художественнымъ сокровищамъ, дѣйствительно изумительнымъ, но и потому, что обстановка его переносила живо въ XVIII вѣкъ, и сейчасъ можно и должно изучать исторію искусства и художественный бытъ русскаго XVIII вѣка.

Аристиппъ—греческій философъ, проповѣдывавшій удовольствія жизни.

„*Молодая увѣнчанная жена*“ имп. Екатерина II.

„*Явился ты въ Ферней,—и циникъ постыдъный*“ и дальше П. говоритъ о Вольтерѣ.

„*Армида молодая*“—королева Марія Антуанета; дальше описывается жизнь французскаго двора передъ революціей.

Дидро—французскій писатель-философъ XVIII вѣка. „*апей иль деистъ*“—безбожникъ (вѣрнѣе, отрицающій Бога) или отрицающій личнаго бога и признающій высшее начало въ мірѣ—Разумъ (действиями были т. н. энциклопедисты).

Бомарше—знаменитый авторъ новыхъ, мѣщанскихъ, комедій.

„*Вихорь бури*“—великая французская революція 1789 года.

„*Баронъ д, Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ*“—французскіе писатели-энциклопедисты XVIII вѣка.

Касты—итальянскій писатель XVIII вѣка.

А. В. Алябьева и Н. Н. Гончарова (жена П.) славились въ Москвѣ своей красотой.

Въ Архангельскомъ находятся картины Корреджіо и скульптура Кановы; уже послѣ смерти Пушкина въ саду Архангельскаго прибавилась еще новая статуя-бюстъ Пушкина съ надписями, взятыми изъ этого посланія.

VI. Мадонна (Сонетъ). (стр. 176). Въ заключительномъ трехстишіи П. говоритъ о своей невѣстѣ— Н. Н. Гончаровой.

VII. Сонетъ. (Стр. 177). Сонеты Петрарки и Данте являются классическими (родина сонета—Италія). Творецъ Макбета—Шекспиръ, знаменитый англійскій драматургъ,—также писалъ сонеты.

Камоэнсъ—знаменитый португальскій поэтъ XVI вѣка (наиболѣе извѣстна его поэма „Лузіада“).

Вордсвортъ (или Уордсвортъ), англійскій поэтъ, современный Пушкину, написалъ очень большое количество сонетовъ (болѣе 100); одному изъ нихъ П. и подражаетъ весьма близко въ началѣ своего сонета.

„Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленный пѣвецъ Литвы“—А. Мицкевичъ, написавшій извѣстные „Крымскіе сонеты“. Баронъ А. А. Дельвигъ, много писавшій гекзаметромъ (шестистопнымъ дактилемъ), собственно первый ввелъ въ русскую поэзію сонетъ. Сонеты Пушкина совершеннѣе Дельвиговскихъ, но несомнѣнно, что Пушкинъ слѣдовалъ за Дельвигомъ въ развитіи русскаго сонета (какъ и гекзаметра).

Сонетъ—классическая итальянская форма, состоящая изъ двухъ четверостишій (съ двумя различными римами) и изъ двухъ трехстишій (съ двумя или тремя римами); такому раздѣленію по формѣ на двѣ части соответствуетъ и раздѣленіе сонета по содержанію; сонеты пишутся пятистопнымъ или шестистопнымъ ямбомъ (т. е. стихомъ, въ которомъ 5 или 6 разъ чередуется слогъ неударяемый со слогомъ ударяемымъ).

Въ 1830 году П. особенно интересовался различными формами и родами поэзіи и прозы.

VIII. Цыганы. (*Съ англійскаго*). (стр. 178). Какъ можно думать, и какъ не разъ уже и высказывались предположенія, подзаголовокъ—съ англійскаго—поставленъ Пушкинымъ съ цѣлью исключить возможность толкованія стихотворенія, какъ автобіографическаго.

IX Отвѣтъ Анониму (стр. 178). Пушкинъ отвѣчаетъ И. А. Гулянову (ученому археологу и второстепенному поэту), приславшему ему сочувственное посланіе (безъ имени).

XI. Пѣсня (стр. 181). „Пѣсня“ представляетъ собою подражаніе пѣснѣ англійскаго поэта Барри Корнуэля, современника Пушкина, котораго П. очень любилъ и не разъ переводилъ его и подражалъ ему.

XII. На переводъ Иліады (стр. 182). Это двустишіе (элегическій стихъ) написано Пушкинымъ на переводъ Н. И. Гнѣдича извѣстной греческой поэмы „Иліада“, авторомъ которой считался слѣпой старецъ Гомеръ.

Пушкинъ помѣстилъ и очень хвалебный критическій отзывъ о переводѣ Гнѣдича, но понималъ основной недостатокъ перевода, какъ о томъ говоритъ слѣдующее двустишіе, тщательно зачеркнутое въ рукописи поэта:

Къ переводу Иліады.

Кривъ былъ Гнѣдичъ поэтъ, прелазгатель слѣпова
Гомера;

Бокомъ однимъ съ образцомъ схожъ и его переводъ.

XVI. Отрокъ (стр. 182). Отрокъ—знаменитый русскій поэтъ и ученый М. В. Ломоносовъ, сынъ холмогорскаго крестьянина.

XV. Риѣма (стр. 182). Мнемозина, богиня памяти, считалась матерью музъ—искусствъ и наукъ.

XVI. Трудъ (стр. 183). Стихотвореніе написано послѣ окончанія „Евгенія Онѣгина“—романа, начатаго въ маѣ 1823 года (двѣ строфы, вошедшія въ романъ изъ первоначально предполагавшагося романа „Тавриды“, были написаны еще того раньше—въ апрѣлѣ 1822 г.); въ это время „Евгеній Онѣгинъ“ состоялъ изъ девяти главъ; въ слѣдующемъ—1831—году П. исключилъ восьмую и передѣлалъ девятую главу. Однако и тогда П. не окончательно протислся съ „многолѣтнимъ“ трудомъ и еще въ 1835 году начиналъ продолжать „Евгенія Онѣгина“.

1831.

I. Эхо (стр. 184). Почти во всѣхъ изданіяхъ еочиненій Пушкина это стихотвореніе печаталось съ подзаголовкомъ „Изъ Томаса Мура“, съ которымъ „Эхо“ не имѣетъ ничего общаго (гораздо болѣе общаго имѣетъ стихотвореніе Пушкина съ Барри Корнуэлемъ).

II. Красавица (стр. 185). Красавица—повидимому, жена поэта (П. женился на Н. Н. Гончаровой 19 февраля 1831 года).

1833.

II. Воевода (стр. 190). Вольный переводъ баллады А. Мицкевича.

III. Будрысь и его сыновья (стр. 192). Тоже.

Разныхъ годовъ.

I. Роза (стр. 194). Это стихотвореніе относится ко времени пребыванія Пушкина въ Лицеѣ и напоминаетъ стихотворенія Жуковского.

II. Лилѣ (стр. 195). Тоже. Мнѣніе о томъ, что это стихотвореніе относится къ Маріи Смитъ, мало на чемъ основано.

III. К. А. Б* (стр. 195).** Во всѣхъ изданіяхъ это стихотвореніе отнесено къ 1817 году и печатается подъ совершенно произвольнымъ заглавіемъ К. П. Бакуниной. Нечего доказывать, что у Екатерины Павловны Бакуниной какъ будто не много общаго съ К. А. Б. (Столь же произвольна и датировка стихотворенія).

IX. Иностранкѣ (стр. 197). Къ кому обращено это стихотвореніе---неизвѣстно.

XI. Къ портрету * (стр. 198).** Стихотвореніе написано на портретъ извѣстнаго русскаго писателя и поэта князя П. А. Вяземскаго.

Примѣчанія (стр. 199). Примѣчанія эти принадлежатъ Пушкину.

ДОПОЛНЕНІЕ.

1814.

I. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ. (стр. 203). „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, написанныя подъ большимъ вліяніемъ Державина и поэтической школы XVIII вѣка, были первымъ стихот-

вореніємъ Пушкина, появившимся въ печати съ полною его подписью. Быть можетъ, какъ поэтому, такъ и по содержанію и по воспоминаніямъ, связаннымъ съ „Воспоминаніями“ (поэтъ читалъ свое стихотвореніе на лицейскомъ экзаменѣ въ присутствіи Державина), Пушкинъ любилъ свое стихотвореніе и предполагалъ его включить въ собраніе своихъ стихотвореній, но колебался, видя въ немъ недостатки и устарѣвшую поэтическую форму. 27-го марта 1825 года поэтъ писалъ брату о сборникѣ: „Не напечатать-ли въ концѣ Воспоминанія о Ц. С., съ нотой, что они писаны мною 14 лѣтъ, и съ выпиской изъ моихъ „Записокъ (объ Державинѣ), ась?“—но перечеркнулъ и написалъ „нѣтъ“. Черезъ нѣсколько дней однако онъ снова проситъ брата „Тиснуть Сарское село, и съ нотой“, и Плетневъ, слѣдившій за изданіемъ сборника 1826 года и приготавливавшій его, послалъ Пушкину перечень стихотвореній, которыя должны войти въ изданіе, и включилъ въ этотъ перечень „Воспоминанія“. Тѣмъ не менѣе „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ не вошли въ изданіе 1826 года (какъ не вошли они и въ слѣдующее изданіе поэта—1829 года): очевидно, поэтъ, послѣ большихъ колебаній, все же призналъ недостойнымъ свое стихотвореніе съ поэтической стороны и пожертвовалъ личными и, мы бы сказали, историческими воспоминаніями. Вслѣдствіе сказаннаго, мы сочли возможнымъ помѣстить „Воспоминанія“ въ Дополненіи. О „благословеніи“ Державина Пушкинъ говоритъ и въ своихъ запискахъ и въ началѣ восьмой главы „Евгенія Онѣгина“, вспоминая развитіе своей музы:

И свѣтъ еѣ съ улыбкой встрѣтилъ:
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Въ четвертой и пятой строфахъ поэтъ говорить объ Екатеринѣ II-ой. Петровъ—знаменитый одописецъ, продолжатель Ломоносова, воспѣвалъ Екатерину II и ея сподвижниковъ.

Въ девятой и слѣдующихъ строфахъ Пушкинъ говорить объ отечественной войнѣ, закончившейся вступленіемъ нашихъ войскъ въ Парижъ (въ 1814 г.). Послѣднія двѣ строфы обращены непосредственно къ Державину.

1817.

I. Вольность. *Ода* (стр. 209). „Возвышенный Галлъ“—Андре Шенье (см. выше). Въ 6 и 7 строфахъ II. говорить о Людовикѣ XVI, послѣднемъ французскомъ королѣ, погибшемъ на эшафотѣ во время французской революціи. „Забвеню брошенный дворецъ—Михайловскій Замокъ (Инженерное училище), въ которомъ былъ убитъ Павелъ I (объ этомъ убійствѣ II. говорить въ слѣдующихъ строфахъ).“

Ода Пушкина „Вольность“ (кстати сказать, имѣющая весьма много общаго съ едой „Вольность“ перваго апостола русской свободы—писателя XVIII вѣка А. Н. Радищева), получившая большое распространѣніе въ спискахъ, явилась одной изъ главныхъ причинъ ссылки поэта изъ Петербурга на югъ Россіи.

1821.

I. Кинжалъ (стр. 213). Немезида—богиня прazosудія. Ю. Кассій Брутъ сталъ во главѣ заговора, погубившаго Юлія Цезаря (римскаго императора). К. Зандъ—юноша-студентъ—былъ казненъ (въ 1820 году) за убійство реакціоннаго нѣмецкаго писателя А. Коцебу. По объясненію П-на Жуковскому, „Кинжалъ“ не противъ правительства писанъ“ (П. далъ Карамзину слово 3 года ничего не писать противъ правительства, но...).

1823.

I. (стр. 214). Написано по поводу возстанія Греціи. Тезей и Периклъ—доблестные аѳинскіе мужи—царь и законодатель. Тиртей—греческій поэтъ VII в., Риги—греческій поэтъ-патріотъ второй половины XVIII в.

II. Кн. Голицыной, урожденной Суворовой (стр. 215). Княгиня М. А. Голицына обладала хорошимъ голосомъ и богатой идеализмомъ и духовными исканіями природой; она являлась ангеломъ-утѣшителемъ слѣпца-поэта И. И. Козлова. По мало обоснованному мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, Пушкинъ былъ серьезно и глубоко увлеченъ въ Петербургѣ М. А. Голицыной и хранилъ на югѣ свою „сѣверную любовь“ (М. О. Гершензонъ).

Стихотвореніе, посвященное ей. повидимому, только въ силу случайныхъ причинъ не вошло въ собранія стихотвореній, изданныя поэтомъ. 27-го марта 1825 г. Пушкинъ давалъ порученіе брату: „Тиснуть еще стихи

К. Голиц.-Суворовой; возьми ихъ отъ нее". Очевидно, потому, что княгиня Голицына была въ это время за границей, братъ Пушкина не могъ достать стихотворенія, посвященнаго ей, и оно не вошло ни въ изданіе 1826, ни въ изд. 1829 года (появилось въ печати въ „Карманной книжкѣ для любителей русской старины и словесности“ на 1830 годъ).

1827.

I. (*Посланіе въ Сибирь*). (стр. 216). На посланіе Пушкина въ Сибирь друзьямъ-декабристамъ, переданное имъ черезъ жену декабриста Муравьева, отозвался прекраснымъ и исполненнымъ бодрости стихотвореніемъ поэтъ А. И. Одоевскій.

II. *Аріонъ* (стр. 217). Аріонъ—греческій поэтъ, спасшійся на дельфинѣ послѣ кораблекрушенія. По-видимому, поэтъ говоритъ о томъ кораблекрушеніи—событіи 14 декабря 1825 года, въ которомъ погибли многіе его друзья, онъ же остался невредимъ и остался вѣренъ своимъ прежнимъ взглядамъ—и продолжалъ пѣть „гимны прежніе“. Пушкинъ дорожилъ этимъ стихотвореніемъ, но не рѣшался его печатать со своей подписью.

1828.

I. *Друзьямъ* (стр. 217). Любопытно, что это стихотвореніе, содержащее въ себѣ какъ будто безусловныя похвалы Николаю I, было послѣднимъ запрещено для печатанія. II. постоянно призывалъ Николая I къ милости и къ поощренію просвѣщенія, но въ вѣкъ

безпощаднаго подавленія свободной мысли и гоненія на просвѣщеніе даже это стихотвореніе не могло появиться въ печати.

1830.

I. Герой (стр. 219). Пушкинъ приготовилъ выноску къ стиху: „Увы—его раздался гласъ“, но не написалъ самого примѣчанія, которое было дано въ „Современникѣ“ уже послѣ смерти поэта:

„Mémoires de Bourienne. Бурьенъ въ „Запискахъ“ своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для одобренія ихъ. J'affirme, говоритъ онъ, ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré*).

29 сентября 1830 года—въ этотъ день имп. Николай I посѣтилъ холерную Москву.

Пушкинъ безусловно дорожилъ этимъ стихотвореніемъ, но напечаталъ его безъ подписи (м. б. во избѣжаніе упрековъ въ лести).

II. Разставаніе (стр. 221). Къ кому относится это стихотвореніе—неизвѣстно.

III. Моя родословная, или русскій мѣщанинъ. Вольное подражаніе лорду Байрону (стр. 222). Это стихотвореніе, вызванное отчасти замѣткой—выходкой О. В. Булгарина (романиста и критика „Сѣверной Пчелы“), было запрещено Николаемъ I, какъ недѣлающее „чести“ Пушкину. Пушкинъ дорожилъ своими

*) Я утверждаю, что не видѣлъ, чтобы онъ прикасался къ зачумленному.

предками, своимъ происхожденіемъ, считалъ, что только дикіе и невѣжественные люди гнушались своими предками и гордятся больше звѣздой своею двоюроднаго брата, чѣмъ истинными заслугами предковъ передъ родиной. П. назвалъ свою „Родословную“—„вольнымъ подражаніемъ лорду Байрону“, который очень подчеркивалъ свое родовитое происхожденіе, отчасти м. б. потому, что не только Булгаринъ, но и друзья Пушкина считали, что онъ кичится своимъ шестисотлѣтнимъ дворянствомъ въ подражаніе Байрону,—въ сущности же мысль Пушкина, положенная въ основу „Моей родословной“, вполне независима.

„Не торговалъ мой дѣдъ блинами“—князя Меншиковы. „Въ князя не прыгалъ изъ хохловъ“—князя Безбородко. „Не пѣлъ на крылосѣ съ дьяками“—графы Разумовскіе. „Не ваксилъ царскихъ сапоговъ“—графы Кутайсовы. „И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ“—какъ многіе наши князья и графы.

Пушкины ведутъ свой родъ съ XIII в. отъ Радши, служившаго въ войскахъ Александра Невского. Во время Бориса Годунова и междуцарствія выдвинулся Гаврила Пушкинъ (его ввелъ поэтъ въ свою драму „Борисъ Годуновъ“). Петръ Великій повѣсилъ Ѳ. М. Пушкина (послѣ усмиренія стрѣleckаго бунта).

„Мятежъ Петергофскаго двора“—дворцовый переворотъ, произведенный Екатериною II, свергнувшей своего мужа Петра III и объявившей себя императрицей. Дѣдъ Пушкина, попавшій въ крѣпость,—Левъ Александровичъ Пушкинъ (извѣстный, м. п., своей жестокостью).

Братья Орловы (впослѣдствіи князя) попали въ большую милость къ Екатеринѣ II.

Въ Р. S. (припискѣ) II. говоритъ о своемъ происхожденіи со стороны матери. Прадѣдъ Пушкина—Ибрагимъ Ганнибалъ былъ купленъ Петромъ I (II. называетъ его шкинеромъ въ отвѣтъ на слѣдующія слова Булгарина: „Въ ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого негра, котораго каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить и что шкиперъ доказывалъ, что онъ купилъ негра за бутылку рому!“)

Въ царствованіе Екатерины II дѣдъ П-на И. А. Ганцибалъ (адмиралъ) взялъ у турокъ Наваринъ. Фигляринъ—прозвище О. В. Булгарина. Послѣдній стихъ: „Онъ?.. на Мѣщанской дворянинъ“—требуетъ особыхъ поясненій: Булгаринъ былъ женатъ на особѣ легкаго поведенія, взятой имъ изъ дома терпимости (чѣмъ и славилась Мѣщанская улица въ Петербургѣ).

IV. Заклинаніе (стр. 225). Въ рукописи это стихотвореніе состоитъ изъ трехъ строфъ; приводимъ среднюю строфу, зачеркнутую поэтомъ:

Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,—
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Приди, какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье,—
Мнѣ все равно: сюда, сюда!

Несомнѣнно, что П. не печаталъ этого стихотворенія вслѣдствіе его глубокой интимности, но къ кому оно относится—мы не знаемъ (о двухъ женскихъ тѣняхъ П. говоритъ въ своемъ „Воспоминаніи,“ о милой тѣби, поцѣлуй свиданья которой исчезъ въ урнѣ гробовой—и въ „Разлукѣ“—Для береговъ отчизны дальней).

V. (Разлука) (стр. 226). Пушкинъ не печаталъ этого глубоко интимнаго стихотворенія, вызваннаго, по мнѣнію критиковъ и изслѣдователей, воспоминаніемъ объ отѣздѣ умершей въ 1825 году А. Ризничъ изъ Одессы въ Италію. Мнѣніе это мало обосновано и, принявъ его, трудно предположить, что „Разлука“ написана въ 1830 году. Мы напечатали стихотвореніе Пушкина въ томъ видѣ, въ какомъ оно появилось въ печати черезъ 4 года послѣ смерти поэта. П. В. Анненковъ свидѣтельствуетъ, что въ рукописи иначе читались 1—2 и предпоследній стихи:

Для береговъ чужбины дальней

Ты покидала край родной...

А съ нимъ и поцѣлуй свиданья...

1831.

I. Къ тѣни полководца. (стр. 227). „Передъ гробницею святой“—М. И. Кутузова (героя отечественной войны, главнокомандующаго) въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ. Въ такомъ видѣ (какъ у насъ напечатано) печаталъ это стихотвореніе Пушкинъ; Анненковъ привелъ по рукописи еще двѣ послѣднія строфы:

Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстанъ, спасай царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой.

Явись, вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

Явись—и дланію своею
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ молчанье погружелъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ.

II. Клеветникамъ Россіи (стр. 228). „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, вызванные польскимъ возстаніемъ 1831 года, и негодованіемъ французской печати, противъ мѣръ его подавленія, вмѣстѣ съ „Русской славой“ Жуковского, были напечатаны отдѣльнымъ изданіемъ-книжечкой „На взятіе Варшавы“. Пушкинъ жилъ въ это время (лѣтомъ) въ Царскомъ Селѣ и былъ близокъ къ Жуковскому и двору.

IV. 19 октября 1831. (стр. 233). II. не печаталъ этого стихотворенія—очевидно, въ силу цензурныхъ условій.

„Того царя въ живыхъ ужъ нѣтъ“—Александра I (ум. въ 1825 г.); „мы жгли Москву“—въ 1812 году (при вступленіи Наполеона въ Москву); „былъ плѣнь Парижу“—въ 1814 г.; „Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ“—въ 1821 году; „Воскресла грековъ древнихъ слава“—возстаніе Греціи въ 1823 году.

„Отбунтовала вновь Варшава“—подавленное возстаніе Польши въ 1831 году. „Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоять“—ко времени 20-й годовщины Липця (19 октября 1831) изъ товарищей Пушкина умерло 6: Ржевскій, Корсаковъ, Костенскій, Дельвигъ, Есаковъ и Саврасовъ. Баронъ Дельвигъ—шестой—умеръ въ 1831 году, главнымъ образомъ вслѣдствіе подорванности организма, не перенесшаго преслѣдованій и издѣвательствъ шефа жандармовъ—графа А. Х. Бенкендорфа.

Въ современныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина почему-то заключительная строфа не вводится въ основной текстъ.

1832.

I. (стр. 234). Относится, очевидно, къ женѣ поэта. Пушкинъ не печаталъ этого стихотворенія, какъ слишкомъ интимнаго.

II. (стр. 235). Къѣмъ внушено это стихотвореніе—мы не знаемъ.

III. Подражанія древнимъ. (стр. 236). Пушкинъ не зналъ греческаго языка и писалъ свои подражанія-переводы древнимъ, пользуясь французскими переводами. П. В. Анненковъ утверждаетъ, что „Подражанія“ были написаны въ январѣ 1833 года (подъ 1832-мъ годомъ они были напечатаны при жизни Пушкина) и приводитъ еще третье подражаніе:

В и н о.

(*Ионъ Хіосскій*).

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный,

Шумный зачинщикъ обидъ, милый заступникъ любви.

1835.

1. Изъ Анакреона (стр. 237). См. выше.

IV. Мальчику. (*Изъ Катутллы*) (стр. 239). Катутль римскій поэтъ. II. перевелъ его оду.

V. (*Изъ Горація*). (стр. 239). Переводъ оды Горація. Окончаніе этого стихотворенія до сихъ поръ печаталось въ весьма искаженномъ видѣ (исправлено нами по рукописи).

IX. Полководецъ. (*Барклай де Толли*). (стр. 241) Барклай де Толли—герой отечественной войны; портретъ его написанъ художникомъ Доу.

XI. На выздоровленіе Лукулла. (*Подражаніе латинскому*). (стр. 244). Пушкинъ поставилъ подзаголовокъ „Подражаніе латинскому“ для того, чтобы не была слишкомъ явной современная сатира: въ дѣйствительности это стихотвореніе написано на выздоровленіе русскаго Лукулла (Лукулль—былъ извѣстенъ въ древнемъ Римѣ своимъ богатствомъ)—Шереметева и имѣло своей цѣлью его родственника графа Уварова, министра народнаго просвѣщенія, подчитывавшаго уже то богатство, которое должно было перейти къ нему по наслѣдству. Эта сатира создала Пушкину въ лицѣ графа С. С. Уварова сильнаго врага, который (вмѣстѣ съ другими свѣтскими врагами поэта) жестоко отомстилъ ему черезъ годъ (въ исторіи Пушкина съ Дантесомъ, въ результатѣ которой П. погибъ на дуэли).

ХП. (Сосны). (Отрывокъ). (стр. 246). При посѣщеніи Пушкинымъ Михайловскаго осенью 1835 года на него нахлынули воспоминагія о тѣхъ двухъ годахъ его жизни—1824-1826, которые онъ провелъ безвыѣздно. Въ такомъ видѣ это стихотвореніе-отрывокъ было напечатано въ „Современникѣ“ 1837 года; въ рукописи находится и продолженіе его, не вполне отдѣланное:

Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни. Годы
Промчались, и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истошила;
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой,
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной.
Я былъ одинъ. Врага я видѣлъ въ каждомъ,
Измѣнника въ товарищѣ минутномъ,
И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства:
И ненависть, и грезы мести блѣдной...
Но здѣсь меня таинственнымъ щитомъ
Прощеніе святѣе осынило;

Поэзія, какъ ангелъ утѣшитель,
Спасла меня, и наконецъ душой
Здѣсь...

1836.

I. Д. В. Давыдову. (*При посылкѣ Исторіи Пугачевского Бунта*). (стр. 248). Д. В. Давыдовъ—старшій современникъ Пушкина, второстепенный поэтъ—нѣсколько повліялъ на Пушкина въ самомъ началѣ его творчества. Поэтъ Денисъ Давыдовъ былъ гусаромъ и однимъ изъ героев Отечественной войны (гусарскіе мотивы преобладаютъ и въ его поэзіи); Левъ Толстой ввелъ его въ свой романъ „Война и Миръ“ подъ именемъ Денисова.

II. Художнику (стр. 249). Стихотвореніе обращено къ извѣстному скульптору того времени—Гальбергу (м. п., извѣстенъ бюстъ Пушкина его работы).

III. (стр. 249). Возмущеніе Пушкина было вызвано тѣмъ, что къ картинѣ извѣстнаго русскаго художника К. Брюллова были приставлены часовые съ ружьями.

IV. Подражаніе итальянскому (стр. 250). П. въ этомъ стихотвореніи весьма далеко отходитъ отъ своего итальянскаго образца—Джіанни.

V. Изъ VI Пиндемонте (стр. 250). П. далъ такое названіе (Пиндемонте—итальянскій поэтъ XVIII и начала XIX в.) исключительно съ тою цѣлью, чтобы скрыть ярко-личный характеръ своего стихотворенія.

Слова, слова, слова!—воскликаніе Гамлета въ трагедіи Шекспира „Гамлетъ“.

VIII. (стр. 253). Пушкинъ воспользовался формой оды Горация для своего памятника, для подведения итога своей поэтической дѣятельности (въ предчувствіи скорой смерти, къ которой онъ начиналъ все болѣе и болѣе стремиться). До Пушкина пользовались этой одой Горация (Ехегі monumentum—Я воздвигъ памятникъ) Ломоносовъ и Державинъ (первый почти дословно перевелъ оду Горация, второй вложилъ самостоятельное содержаніе въ нее). Александрійскій столпъ—на Дворцовой площади въ Петербургѣ (поэтъ выше царя). „Слухъ обо мнѣ...“—Пушкинъ переводя болѣе, чѣмъ на 100 языковъ и нарѣчій.

X. 19 октября 1836 (стр. 254). Это послѣднее въ жизни Пушкина стихотвореніе осталось неоконченнымъ.

Р а з н ы х ъ г о д о в ъ.

II. Притча (стр. 257). Эта притча-эпиграмма имѣетъ въ виду Н. И. Надеждина, критика, недоброжелательно относившагося къ творчеству Пушкина.

III. (стр. 258). Это стихотвореніе обращено по-этомъ къ женѣ и заключаетъ въ себѣ мысль, которую П. выражалъ часто въ своихъ письмахъ. П. дважды пробовалъ осуществить свое желаніе—„плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино“—и предаваться тамъ трудамъ и чистымъ вѣгамъ, но оба раза его попытки потерпѣли неудачу.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

А. С. Пушкинъ. Вступительный очеркъ М. Л. Гофмана. III—XL

Стихотворенія.

1815.	Лицинію. (<i>Съ латинскаво</i>)	1
	Гробъ Анакреона.	3
	Старикъ. (<i>Изъ Марота</i>).	5
1816.	Пробужденіе.	5
	Друзьямъ.	6
	Пѣвецъ	7
	Амуръ в Гименей	7
	Ш***ву.	9
1817.	Торжество Вакха.	10
	Разлука.	13
	П***ну. (<i>Отрывокъ</i>).	14
	Дельвигу.	15
	Кривцову.	16
	Къ портрету Жуковскаго.	17
1818.	Мечтателю	17
	Выздоровленіе.	18
	Прелестницѣ	19
	Жуковскому. (<i>На изданіе книжечкѣ его: Для немногихъ</i>).	20
1819.	Русалка.	21
	Стансы Т***му.	23
	Деревня.	24
	Домовому	26
	В***му	27
	N N.	30
	Недокончанная картина.	31
	Возрожденіе.	31
	Къ***.	32
1820.	(<i>Увы, зачѣмъ она блистаетъ</i>)	32
	(<i>Подражаніе Байрону</i>)	33
	Черная шаль. (<i>Молдавская пѣсня</i>).	34

	Фонтану Вахчисарайскаго дворца . . .	36
	Виноградъ . . .	37
	(Подражаніе Турецкой пѣснѣ) . . .	37
	Доридѣ . . .	37
	(Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда). . .	38
	Нереида.	38
	Дорида.	39
	Ч***ву. (Съ морскаго берега Тавриды). . .	39
	Дочери Карагеоргія . . .	40
1821.	[Мой другъ, забыты мной]. . .	41
	Война.	41
	[Я пережилъ свои желанья] . . .	43
	[Умолкну скоро я]. . .	43
	Гробъ юноши	44
	Къ Овидію	45
	Наполеонъ	49
	Муза.	53
	Діонея.	54
	Дѣва.	54
	Примѣты	55
	Земля и море. [Идиллія Мосха] . . .	55
	Красавица передъ зеркаломъ. . .	56
	Алексѣеву	56
	К***ну	58
	Ч***ву	58
	К***	61
1822.	Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ . . .	62
	Адели	65
	Друзьямъ	66
	Гречанкѣ.	67
	Баратынскому изъ Бессарабіи . . .	68
	Ему же.	69
	[Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный] . . .	69
	Птичка.	70
	Пріятелю.	70
	Узникъ.	71
1823.	(Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты) . .	71

	(<i>Ненастный день потухъ</i>).	73
	Демонъ.	74
	Телѣга жизнн.	74
	Ночь.	75
1824.	(<i>Подражаніе А. Шенье</i>).	75
	Прозерпина .	76
	Къ морю. .	78
	Коварность. .	80
	Д***у. (<i>На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крыма</i>).	81
	[<i>Испанскій романсъ</i>].	82
	Подражанія Корану. .	83
	Къ Языкову. .	90
	Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ. .	91
1825.	Андрей Шенье.	99
	Сожженное письмо. .	105
	Желаніе славы. .	106
	Вакхическая пѣсня. .	107
	Движеніе. .	108
	Дружба. .	108
	Соловей и кукушка .	108
	Совѣтъ .	109
	(<i>Подъ небомъ голубымъ страны своей родной</i>).	109
	19 октября .	110
	[<i>Въ крови горитъ огонь желанья</i>].	115
	[<i>Вертоградъ моей сестры</i>].	115
	П. А. О*** .	116
	Н. Н. (<i>При посылкѣ ей Невскаго Альманаха</i>).	116
	Буря. .	117
	Пріятелямъ .	117
	[<i>Если жизнь тебя обманетъ</i>].	118
	Сафо. .	118
	Козлову [<i>по полученіи отъ него „Чернеца“</i>]. .	118
	Ex ungue leonem. .	119
	Къ ***. .	119
	Прозаикъ ■ поэтъ. .	120

	Зимній вечеръ.	.	.	.	121
1826.	Пророкъ.	.	.	.	122
	Зимняя дорога .	.	.	.	123
	Отвѣтъ Ѳ. Т***	.	.	.	124
	Къ Яз***	.	.	.	125
	Стансы	.	.	.	125
	Къ Баратынскому	.	.	.	126
1827.	Черепъ.	.	.	.	126
	Поэтъ.	.	.	.	132
	(Переводъ изъ А. Шенье).	.	.	.	133
	Княгинѣ З. А. Волконской (<i>Посылая ей поэмѣ: Цыганы</i>)	.	.	.	133
	Ангель	.	.	.	134
	Талисманъ	.	.	.	135
	Золото и булатъ	.	.	.	136
	19 октября 1827 г.	.	.	.	136
1828.	Чернь.	.	.	.	136
	(Конрадъ Валленродъ)	.	.	.	139
	Утопленникъ (<i>Простонародная сказка</i>).	.	.	.	140
	Ты и вы.	.	.	.	143
	(<i>Кобылица молодая</i>).	.	.	.	144
	Отвѣтъ Катенину	.	.	.	144
	Наперсникъ	.	.	.	145
	И. В. С***	.	.	.	145
	Воспоминаніе.	.	.	.	146
	(Шотландская пѣсня).	.	.	.	147
	Предчувствіе.	.	.	.	147
	Цвѣтокъ	.	.	.	148
	(<i>Городъ пышный, городъ бѣдный</i>).	.	.	.	149
	(<i>Не пой красавица при мнѣ</i>).	.	.	.	149
	Отвѣтъ А. И. Готовцовой	.	.	.	150
	Ю Dawe esq.	.	.	.	150
	(Отрывокъ изъ Андрея Шенье).	.	.	.	151
	26 мая 1828	.	.	.	151
	Анчаръ. Древо яда.	.	.	.	152
1829.	Е. Н. У***вой	.	.	.	153
	(<i>Подъѣзжая подъ Ижору</i>)	.	.	.	154

	Примѣты.	155
	Въ альбомѣ.	155
	(Я васъ любилъ)	156
	(Когда твои младыя лѣта)	156
	Отрывокъ.	157
	Изъ Гафиза .	158
	Донъ.	158
	Делибашъ .	159
	Монастырь на Казбекѣ.	160
	Кавказъ.	160
	Дорожныя жалобы .	161
	Обвалъ.	162
	Олеговъ щитъ.	163
	(Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?)	164
	Зимнее утро.	166
	Элегическій отрывокъ.	167
	Стансы.	167
	Загадка. (При посылкѣ Дельвигу бронзоваго сфинкса).	169
	Литературное извѣстіе.	169
	Къ ** .	170
1830.	Отвѣтъ.	170
	Стансы.	171
	Новоселье .	171
	Къ вельможѣ.	172
	Позту (Сонетъ).	176
	Мадонна. (Сонетъ)	176
	Сонетъ.	177
	цыганы. (Съ англійскаго).	178
	Отвѣтъ Анониму .	178
	Бѣсы. (Шалость).	179
	Пѣсня.	181
	На переводъ Иліады.	182
	Царскосельская статуя.	182
	Отрокъ .	182
	Риема.	183
	Трудъ.	183
	Элегія .	183

1831.	Эхо.	184
	Красавица	185
1833.	Гусаръ	185
	Воевода.	190
	Будрысъ и его сыновья.	192
Разныхъ годовъ.	Роза	194
	Лилъ	195
	К. А. Б***	195
	Именины.	195
	Добрый человекъ	196
	Уединеніе.	196
	Исторія стихотворца.	196
	(У Кларисы денегъ мало)	197
	Иностранкъ.	197
	(Охотникъ до журнальной драки)	197
	Къ портрету * * *	198
	Прозаикъ и поэтъ	198
	Любопытный.	198
	Кримѣчанія.	199

ДОПОЛНЕНІЕ.

1814.	Воспоминанія въ Царскомъ селѣ.	203
1817.	Вольность. Ода.	209
1821.	Кинжалъ.	213
1823.	(Возстанъ, о Греція, возстанъ!).	214
	Кн. Голицыной, урожденной Суворовой	215
1825.	Изъ А. Шепье.	215
1827.	(Посланіе въ Сибирь).	216
	Аріонъ.	217
1828.	Друзьямъ	217
1830.	Герой.	219
	Разставаніе	221
	Моя родословная, или русскій мѣщанинъ. <i>Вольное подражаніе Байрону.</i>	222
	Заклинаніе	225
	(Разлука).	226
1831.	Къ тѣни полководца.	227
	Клеветникамъ Россіи.	228
	Бородинская годовщина.	227

	19 октября 1831 г.	233
1832.	(Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажде- днемъ).	234
	(Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу).	235
	Подражанія древнимъ	236
1835.	Изъ Анакреона	237
	(Богъ веселый винограда)	238
	(Отъ меня вечеръ Леила).	238
	Мальчику изъ (Катулла)	239
	(Изъ Горація).	239
	(Юноша! скромно пируй)	240
	(Юношу, горько рыдая).	240
	Подражаніе арабскому.	241
	Полководецъ (Барклай де Толли).	241
	Туча.	243
	На выздоровленіе Лукулла. (Подражаніе ла- тинскому).	244
	(Сосны). (Отрывокъ).	246
1836.	Д. В. Давыдову. (при посылкѣ Исторія Пугачев- скаго бунта).	248
	Художнику.	249
	(Когда великое свершалось торжество)	249
	Подражаніе Итальянскому.	250
	Изъ VI Пиндемонте.	250
	Молитва.	251
	(Когда за городомъ задумчивъ я брожу	252
	(Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотвор- ный).	253
	На статуи: I Мальчика, играющаго въ бабки	
	II Мальчика, играющаго въ свайку.	254
	X. 19 октября 1836	254
Разныхъ	I. Аквилонъ.	257
годовъ.	Притча	257
	V. (Пора, мой другъ, пора!).	258

КНИЖНЫЙ С

Совета Кооперативн. Съездов

г. Черниговъ Боголюбская ул.

Складъ имѣеть:

- ∞ Изданія Совета кооперативныхъ съездовъ Черниговск. губ.
- ∞ Книги кооперативнаго и некооперативнаго содержания другихъ издательствъ Москвы, Петрограда, Кіева, Харькова и др. городовъ Россіи и Украины.
- ∞ Учебники. Писчебумажныя принадлежности.

Книжный складъ рекомендуетъ книги и составляетъ библіотеки.

Книжный складъ беретъ на себя порученія по выпискѣ книгъ и учебниковъ.

Книжный складъ является центральнымъ складомъ книгъ для коопераціи на Черниговщинѣ.

КНИГАРНЯ

Ради Кооперативнихъ З'їздів на Чернігівщині.
м. Чернігів, Боголюбська вул. 6. Біляйва.

На складі маються:

- ∞ Видання Ради Кооперативнихъ З'їздів на Черниговщині.
- ∞ Книжки кооперативнаго та не кооперативнаго змісту різнихъ видавництвъ Москвы, Петрограда, Кієва, Харькова та инш. міст Росіи і України.
- ∞ Підручники. Паперове та канцелярське приладдя.

*Книгарня рекомендує книжки і складає библіотеки.
Книгарня приймає на себе доручення на випуску книжокъ та підручників.*

Книгарня є центральний склад кооперативної літератури на Чернігівщині.